PV
141
Мос

МОСКОВСКІЕ ВОЛЬНОДУМЦЫ

НАЧАЛА XVIII ВѢКА

И

СТЕФАНЪ ЯВОРСКІЙ*

I.

Ни одно изъ сочиненій Стефана Яворскаго не вызвало своимъ появленіемъ столько толковъ, такой горячей и ожесточенной полемики какъ *Камень вѣры*, написанный противъ Тверитинова и людей, подобно ему, увлекавшихся лютеранствомъ. *Камень вѣры* имѣетъ свою весьма любопытную исторію. Въ этомъ полемическомъ произведеніи, касавшемся богословскихъ вопросовъ, Яворскій выразилъ свой протестъ духу и направленію преобразовательной дѣятельности Петра Великаго. Недаромъ эта книга не могла быть напечатана при жизни императора. Лишь при Петрѣ II, когда „суевѣрные и

* Главнымъ источникомъ предлагаемой статьи служила *Записка о дѣлѣ Тверитинова*, составленная для какого-то духовнаго лица. Несмотря на крайнее пристрастіе къ Яворскому, записка драгоцѣнна, предлагая любопытнѣйшія подробности о ходѣ дѣла Тверитинова въ Петербургѣ, неизвѣстныя ни по бумагамъ синодальнаго архива, ни по слѣдственному дѣлу Московской синодальной библіотеки. Хотя авторъ *Записки* жилъ, какъ изъ нея же видно, въ Петербургѣ, но ему удалось „чрезъ достовѣрныхъ самовидцевъ и свидѣтелей въ томъ дѣлѣ бывшихъ", собрать важныя свѣдѣнія о дѣятельности пособниковъ Яворскаго въ Москвѣ. Къ сожалѣнію, въ экземплярѣ *Записки* которымъ мы пользовались недостаетъ конца. *Прим. авт.*

Библіотека
Академіи.
4203

невѣрные отечеству и Петру Великому рабы" * вступили въ синодъ, книга Яворскаго увидѣла свѣтъ, благодаря стараніямъ его вѣрнаго „эмиссара" Ѳеофилакта Лопатинскаго. Издавая посмертное сочиненіе своего покровителя, Ѳеофилактъ восхвалялъ Яворскаго за то что онъ вооружился словомъ и *дѣломъ*, увидѣвъ „нѣкихъ колеблющихся въ православіи и произносящихъ странная, иныхъ же и творящихъ восточному благочестію непріличная, имъ же научишася отъ сожительства съ иновѣрными въ Россіи и въ чужихъ ихъ странахъ, по реченному. *смѣсишася языкомъ и навыкоша дѣломъ ихъ*." ** Въ пору ожесточенной борьбы друзей и враговъ реформы, не могъ остаться незамѣченнымъ этотъ укоръ, такъ часто обращавшійся въ устахъ раскольниковъ противъ личности и дѣятельности Петра Великаго. Сочинитель *Возраженія* (или *Молотка*) на *Камень вѣры* имѣлъ право сказать что издатель здѣсь „скрытно разумѣетъ онаго преславнаго императора Петра Великаго." *Камень вѣры* былъ въ самомъ дѣлѣ лишь завершеніемъ цѣлаго ряда дѣйствій Яворскаго, которыя произвели окончательный разладъ между царемъ и блюстителемъ патріаршаго престола. Въ дѣлѣ Тверитинова ясно сказалась діаметральная противуположность тенденцій Петра Великаго и Стефана Яворскаго.

Дмитрій Евдокимовичъ Тверитиновъ былъ родомъ изъ Твери, онъ былъ тамошній чернослободецъ. Въ слободу Тверитиновъ съ братьями пошелъ изъ стрѣльцовъ; прежде прозывались они Дерюжкиными. Около 1692 года Дмитрій Тверитиновъ „въ самой низкости" пришелъ въ Москву съ однимъ роднымъ и тремя двоюродными братьями. Въ числѣ послѣднихъ былъ и сынъ посадскаго человѣка города Твери, Ѳома Ивановъ. Чтобы снискать себѣ пропитаніе, Тверитиновъ съ братьями пошелъ въ службу къ иноземцамъ „разныхъ религій": работали въ аптекахъ, присматривались къ цирюльному мастерству, выучились брить, пускать кровь, составлять лѣкарства. Около 1700 года Дмитрій въ Москвѣ женился и, вѣроятно, въ то же время сталъ жить отдѣльно отъ своей матери, женщины свято хранившей обычаи и преданія старины. *** Изъ числа новыхъ родственниковъ Тверитинова,

---

* Такъ выражается авторъ *Молотка на Камень вѣры*.

** *Камень вѣры. Сказаніе о творцѣ книги сея.*

*** Слѣдственное дѣло въ синодальн. библ. № 58, л. 151 об.

Олисовыхъ, одинъ шуринъ, Матвѣй, былъ серебряникъ, другой, Степанъ, ученикъ аптекарскихъ дѣлъ;* третьяго шурина его, Петра, не было въ Москвѣ, когда произошла свадьба Тверитинова: онъ, по обѣщанію, пошелъ поклониться Соловецкимъ чудотворцамъ. Степанъ Олисовъ, ученикъ аптекарскихъ дѣлъ, тянулъ Тверитинова, который уже сошелся съ иноземцами, къ Нѣмецкой слободѣ, гдѣ въ 1700 году открыта была первая частная аптека Іоганномъ Готфридомъ Грегори. Сюда-то пошелъ Тверитиновъ „искать науки у дохтуровъ и лѣкарей“. Природа одарила его яснымъ умомъ и живою воспріимчивостью; онъ былъ „между другими братьями отъ натуры остроумнѣе и тщаливѣе“. Дмитрій не остановился на тѣхъ практическихъ свѣдѣніяхъ о составленіи лѣкарствъ и о цирюльномъ мастерствѣ которыми довольствовались его братья и Олисовъ. Жадно прислушиваясь къ разговорамъ иноземцевъ,** Тверитиновъ начиналъ интересоваться многими вопросами не входившими въ кругъ „дохтурской науки“: цѣлый міръ новыхъ понятій. вѣрованій, жизни раскрывался предъ нимъ въ Нѣмецкой слободѣ. Онъ не былъ удовлетворенъ „новопечатными“ церковными книгами, особенно *Православнымъ исповѣданіемъ вѣры*, въ предисловіи котораго послѣдній русскій патріархъ такъ горько жаловался на иноземцевъ, которые „и въ нашу Всероссійскую страну вошли какъ волки въ овечьихъ кожахъ и начали тайно и явно вносить громады своихъ нощеподобныхъ во мракѣ предлоговъ и обычаевъ, спрашивая: чего ради сіе и на что оно?“*** Именно эти вопросы зароились въ головѣ Тверитинова, когда онъ ближе познакомился съ обитателями Нѣмецкой слободы: откуда это? почему такъ, а не иначе? Нѣмецкую слободу нельзя упрекнуть въ намѣренной вѣроисповѣдной пропагандѣ. „Мы не пришли для наученія васъ вѣрѣ (пишетъ отъ лица иноземцевъ авторъ *Возраженія на Камень вѣры*) и ниже чѣмъ хотимъ въ вашъ законъ вступаться. Но что вѣруемъ, то исповѣдуемъ чисто и ясно *не для васъ*, но для насъ самихъ и спа-

---

* Тамъ же, л. 276 об.

** „Слушаху со тщаніемъ еретическихъ ихъ о вѣрѣ разговоровъ, сами не укрѣпившеся и ничто же восточныя святыя матере нашея православныя церкве догматовъ знающе.“ *Записка*.

*** Грамота патріарха Адріана предъ *Православнымъ исповѣданіемъ*.

сенія души нашей. А ежели кто пришелъ къ вамъ закона нашего для служенія, купечества или коего-либо ремесла, оное нѣсть своевольно, но по волѣ, призыву и просьбѣ вашего монарха. И ежели случится въ разговорѣ, *по прошенію*, сказать— оное не есть проповѣдь." Тверитиновъ обратился къ тѣмъ именно двумъ „полнымъ яда" книгамъ отъ чтенія которыхъ предостерегалъ православныхъ патріархъ Адріанъ, прибавляя что „вкратцѣ неудобно изрещи каковыхъ и коликихъ плевелъ исполнены эти книги." То были *Лютеранскій Катихизисъ то-есть наука стародавняя христіанская отъ светого писма, для простыхъ людей языка русскаго*, напечатанный на бѣлорусскомъ нарѣчіи въ Несвижѣ Кавечинскимъ, Симономъ Буднымъ и Кришковскимъ въ 1562 году, и *Краткій лютеранскій катихизисъ съ молитвами*, напечатанный на русскомъ языкѣ въ Стокгольмѣ мастеромъ Петромъ фанъ-Селавомъ въ 1628 году. Эти книги понравились Тверитинову болѣе *Православнаго исповѣданія* Петра Могилы. „Что въ ней написано (говорилъ онъ о первой), то въ ней правда, и надобно содержать сіе всякому человѣку, и будетъ оправданъ Богомъ." Съ неменьшимъ уваженіемъ относился Тверитиновъ и къ краткому стокгольмскому катихизису: „онъ читалъ оныя молитвы лютеранскія съ великимъ почтеніемъ, и зѣло хвалилъ и цѣловалъ ихъ." Тверитиновъ на этомъ не остановился. Вопросы занимавшіе его не имѣли исключительно-богословскаго характера; онъ стремился объяснить себѣ тѣ явленія въ жизни русскаго народа которыя не могли не остановить на себѣ вниманія мыслящаго человѣка въ эпоху Петровской реформы, когда, среди волей приверженцевъ византійской теологіи, разлагался старый русскій бытъ; новое движеніе идей увлекло Тверитинова. Онъ сознавалъ что принадлежитъ къ числу этихъ людей которыхъ тотъ же патріархъ Адріанъ обвинялъ въ богопротивномъ еретичествѣ,— людей „пожелавшихъ пить воду нестоянную своихъ имъ суеумствованій, восхотѣвшихъ искать воду возмущенную конскою свирѣпостію непокорствія." Духъ непокорства колебавшемуся авторитету все болѣе и болѣе развивался въ Тверитиновѣ. Его не смущала угроза патріарха что „своемысліе виновно бываетъ прекаянію, прекаяніе же непокоренію, непокореніе отъ человѣкъ и отъ Бога удаленію, удаленіе же вѣчной погибели." Тверитиновъ учился въ Нѣмецкой слободѣ уже въ царствованіе Петра Великаго; онъ уже испытывалъ на себѣ дѣйствіе со-

вершавшейся реформы; онъ отдался ей вполнѣ, и сочувственно привѣтствовалъ освобожденіе русской жизни и мысли отъ оковъ стараго преданія. „Нынѣ у насъ на Москвѣ, слава Богу, говорилъ Тверитиновъ, довольно всякому кто какую вѣру изберетъ такую и вѣруетъ.“ Слова указа 1702 года: „Мы, по дарованной намъ отъ Всевышняго власти, совѣсти человѣческой приневоливать не желаемъ и охотно предоставляемъ каждому христіанину на его отвѣтственность печись о спасеніи души своей“, * были у него въ свѣжей памяти. Почувствовавъ въ себѣ разладъ съ тѣмъ что̀ чтила и чѣмъ жила русская старина, Тверитиновъ понялъ въ то же время всю бѣдность своего образованія, ограничивавшагося конечно лишь простымъ знаніемъ грамоты. Уже въ Нѣмецкой слободѣ, кое-какъ „неправильнымъ ученіемъ“, выучился онъ латинскому языку и „устремился читать на томъ языкѣ Библію“. Вѣроятно, впрочемъ, что Тверитиновъ, новоукъ въ латинскомъ языкѣ, изучалъ Библію на славянскомъ языкѣ и прибѣгалъ къ Вульгатѣ лишь для объясненія тѣхъ мѣстъ которыя были для него непонятны въ славянскомъ текстѣ. Иноземцы иногда помогали ему въ этомъ трудѣ. ** Результатомъ такого изученія Библіи у Тверитинова явился цѣлый рядъ выписокъ изъ Священнаго Писанія, касавшихся почитанія иконъ и призыванія святыхъ, почитанія мощей, чудесъ, значенія преданій и твореній отцовъ церкви, незаконности проклятій и преслѣдованій еретиковъ, обязанностей истиннаго наставника и пастыря, власти и чести духовенства, церковныхъ бенефицій. Выбравъ обо всемъ этомъ около пятисотъ текстовъ изъ Библіи, Тверитиновъ распредѣлилъ ихъ по однородности содержанія на нѣсколько группъ: но къ этимъ выпискамъ не прибавилъ своихъ выводовъ, надъ нѣкоторыми группами не выставилъ даже никакихъ заглавій, какъ бы желая представить читателю въ своихъ тетрадяхъ матеріалъ, изъ котораго бы онъ могъ собственнымъ мышленіемъ свободно вывести заключеніе. Вопросы за рѣшеніемъ которыхъ Тверитиновъ обратился къ Библіи давно уже под-

---

* *Полное собраніе законовъ*, т. IV, № 1.910. *Дѣянія Петра Великаго*, IV, 383.

** По словамъ *Записки*, Тверитиновъ „устремился читать на *томъ* (латинскомъ) языкѣ Библію, съ руководствомъ *тѣхъ же* иноземцевъ.“

нялись среди русскихъ людей; подготовляя и потомъ сопровождая реформу Петра, они были предметомъ самаго живаго общаго интереса въ то время когда жилъ Тверитиновъ. Еще монахъ Евѳимій жаловался патріарху Адріану что „зміи, ползающіи по земли, лютеры, кальвины и *своеродные нѣкіе раскольники* наполняютъ не точію невѣждамъ слухи своею кійждо ересію, но и тѣмъ которые мечтаютъ что они обладаютъ знаніемъ закона и писаній, что эти зміи осмѣваютъ преданія церкви писанныя и неписанныя, толкуя о святыхъ постахъ, о поклоненіи святымъ иконамъ, монашескомъ устроеніи и иныхъ: сіе чего ради? и сіе откуда взято? и сіе кто предаде? и сіе гдѣ писано?“ * Несомнѣнно что протестантизмъ имѣлъ вліяніе на складъ воззрѣній и вѣрованій Тверитинова, на то или другое рѣшеніе волновавшихъ его сомнѣній; но Тверитинова нельзя назвать простымъ послѣдователемъ протестантской догмы. Ни изъ тетрадей Тверитинова, ни изъ слѣдственнаго дѣла о немъ не видно чтобъ онъ принялъ одно изъ основныхъ положеній протестантизма объ оправданіи одною вѣрою во Христа, независимо отъ добрыхъ дѣлъ. Самъ Стефанъ Яворскій прямо и положительно утверждалъ что выводы Тверитинова „не отъ разговоровъ другихъ, но *отъ своего вымысла* въ *новую* догму написаны“, что одни изъ нихъ согласны съ ученіемъ православной церкви, а другіе не признаются и противниками оной. ** Не догма лютеранскаго богословія отвлеченно интересовала Тверитинова; его занимали тѣ новыя условія въ которыя окончательно вступала русская жизнь съ реформою Петра Великаго. Слѣдя за успѣхами послѣдней, приглядываясь къ старому русскому быту, Тверитиновъ ясно понималъ необходимость нравственнаго обновленія русскаго общества, и церковная реформа являлась ему настоятельною потребностью. Выводы тетрадей Тверитинова, мысли которыя онъ любилъ высказывать въ разговорахъ съ близкими людьми, не тѣ же ли они съ которыми встрѣчаемся мы въ законодательныхъ актахъ Петра Великаго, въ пунктахъ о монашествѣ, въ Духовномъ Регламентѣ, въ проповѣдяхъ и трактатахъ Ѳеофана Прокоповича? Не были ли они порожденіемъ того же духа и желаній коими исполненъ былъ Пре-

---

* *Щитъ вѣры*, по Румянцовскому списку.

** *Православное Обозрѣніе* 1863, августъ, стр. 323.

образователь? Какъ Левинъ, Талицкій, Докукинъ и цѣлая вереница подобныхъ имъ старовѣровъ отыскивала въ Священномъ Писаніи тексты въ обличеніе скверны новаго направленія, въ доказательство того что Петръ антихристъ: такъ и Тверитиновъ вписывалъ въ свои тетради изъ Библіи все то что̀, казалось ему, доказывало необходимость новыхъ, коренныхъ преобразованій въ русскомъ обществѣ и особенно въ духовенствѣ. Перечитывая тетради Тверитинова, знакомимся съ человѣкомъ глубоко возмущеннымъ низкимъ нравственнымъ уровнемъ современнаго ему общества, его суевѣріемъ, религіознымъ формализмомъ и невѣжествомъ,—съ человѣкомъ который желаетъ выхода къ лучшему, требуетъ новыхъ наставниковъ, и особенно занятъ разъясненіемъ свойствъ и обязанностей истиннаго пастыря и наставника. Увлеченіе Тверитинова, тѣ оригинальные, крайніе выводы до которыхъ онъ иногда доходилъ, „новая догма“ его (по выраженію Яворскаго) имѣли своимъ источникомъ рѣшительный протестъ его русской старинѣ, особенно въ дѣлахъ вѣры и церкви. Этотъ исходный пунктъ живо чувствуется въ тетрадяхъ Тверитинова.

Основнымъ положеніемъ его „новой догмы“ было то что „правая вѣра отъ писанія богодухновеннаго и *добродѣтели* познавается, а не отъ чудесъ.“* Дѣло не въ догмѣ, а въ жизни. „Можно спастись во всѣхъ вѣрахъ (говоритъ Тверитиновъ); ибо апостолъ сказалъ: „*боящійся Бога и дѣлаяй правду во всякомъ языцѣ пріятенъ Ему есть*“. (Дѣян. X, 35). ** Необходимость самой широкой вѣротерпимости истекала изъ самой сущности убѣжденій Тверитинова. Всякія преслѣдованія за религіозное неправомысліе онъ считалъ несогласными съ тою любовію которую проповѣдуетъ христіанство; противъ неправомыслящихъ, по мнѣнію Тверитинова, можно дѣйствовать только словомъ убѣжденія. „Недостоитъ (доказывалъ онъ въ своихъ тетрадяхъ библейскими текстами) убивати въ ересѣхъ пребывающихъ, но съ кротостію наказовати (то-есть наставлять, поучать), *** да негли обратятся.“ Онъ не допускаетъ и церков-

* Тетради Тверитинова, въ слѣдственномъ дѣлѣ синодальн. библіотеки, № 58, надп. 16. Напечатаны въ *Православномъ Обозрѣніи*, 1863, августъ.

** Пафнутія, *Рожнецъ духовный*, по рукописи Ундольскаго, въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ, № 1.226, *л.* 83.

*** Срав. *наказаніе* отца къ сыну, то-есть *наставленіе*.

наго проклятія на еретиковъ, цитуя изъ Премудрости Соломона слова „*яко недостоитъ клясти на лице и яко подобаетъ праведному быти человѣколюбцу.*“ Рядомъ съ отдѣлами въ которыхъ собраны изъ Библіи тексты для подтвержденія этихъ положеній, Тверитиновъ ставитъ рядъ текстовъ Священнаго же Писанія, изъ которыхъ видно „каковую хвалу пріемлютъ убивающіе пророковъ и праведныхъ и како ослѣпляетъ злоба человѣковъ и низводитъ въ звѣрское сродство.“ * „Не подобаетъ (заключалъ Тверитиновъ) кого-либо неволити въ догмахъ и въ житіи, но въ произволеніи оставляти“. ** Высказывая эту мысль, онъ понималъ что сталкивается съ крѣпко-укоренившимся убѣжденіемъ людей которыхъ Ѳеофанъ Прокоповичъ иронически называлъ „отличными ревнителями церкви“ И Тверитиновъ отвергаетъ церковный авторитетъ. „Я самъ церковь“, говорилъ онъ въ отвѣтъ тѣмъ которые ссылались на ученіе церкви и ея іерархію: „всякій-де христіанинъ находится въ чину іерейства; потому что о Христѣ сказано въ Писаніи: *сотворилъ еси насъ Богови нашему цари и іереи.* (Апок. V, 10).“ *** „И зачѣмъ (спрашивалъ Тверитиновъ) установлены церковные чины въ эти послѣдніе годы? Развѣ чувствовался какой-нибудь недостатокъ въ христіанствѣ? И какимъ образомъ нѣкоторые спаслись безъ этихъ чиновъ“. **** Естественно что вопросъ о свойствахъ истиннаго пастыря и учителя долженъ былъ особенно занимать человѣка неудовлетвореннаго состояніемъ и дѣятельностью современнаго ему русскаго духовенства. „Дѣло истиннаго пастыря (думалъ Тверитиновъ) засвидѣтельствовать *Евангеліе* благодати Божіей, *показать собою образъ благочестія* и не созидать ничего на иномъ (чужомъ) основаніи.“ † Не все то должно принимать на вѣру чему учитъ духовенство. „Слова учителя слѣдуетъ повѣрять Писаніемъ, и то что согласно съ Писаніемъ принимать, то же что ему чуждо отбрасывать“. †* Въ дѣлахъ вѣры и церкви Тверитиновъ признаетъ единственно авторитетъ Священнаго Писанія, не придавая значенія церковному преданію, опредѣленіямъ соборнымъ и творяніемъ святыхъ отцовъ. „Въ

* Тетради, надписаніе 21, 22, 23.

** *Рожнецъ*, л. 69.

*** *Рожнецъ*, л. 79.

**** Тамъ же, л. 68.

† Тетради, надп. 26.

* Тамъ же, надп. 25.

церковь не слѣдуетъ принимать другаго писанія кромѣ того что̀ заключаетъ въ себѣ священная Библія.“* „Писанія отцовъ несогласны между собою; отцы поправляли одинъ другаго и прежнихъ порицали за невѣжество.“** Онъ „не хотѣлъ въ утвержденіе святой церкви принять доказательства изъ древнихъ писаній, но о всякой вещи (винѣ) истязалъ собственнаго, особеннаго повелѣнія.“***

Своему идеалу духовнаго пастыря и наставника Тверитиновъ не находитъ осуществленія въ русскомъ духовенствѣ и не безъ намѣренія посвящаетъ онъ цѣлый отдѣлъ библейскимъ текстамъ о пастыряхъ лживыхъ, которые прельщаютъ и губятъ людеи своими лестьми, **** сами предаваясь праздности и тунеядству. „Наставникамъ, проповѣдующимъ благовѣстіе, говорится въ тетрадяхъ Тверитинова, слѣдуетъ питаться не имъ однимъ, но отъ труда своего, и не отягчать другихъ, но съ усердіемъ дѣлать своими руками и подпирать чуждую немощь.“† „Іереемъ подобаетъ отъ своихъ рукъ пищу себѣ востяжати, якоже и Павелъ сотвори“. †* Высказывая такимъ образомъ требованіе которое Петръ Великій постоянно пытался примѣнять къ монашеству, Тверитиновъ, вслѣдъ затѣмъ, собираетъ изъ Евангелія рядъ текстовъ доказывающихъ неприличіе власти и внѣшнихъ почестей для духовенства (contra ordinem ecclesiasticum ejusque potestatem et decorem, какъ замѣтилъ Стефанъ Яворскій). „Наставникамъ (записано въ тетрадяхъ) слѣдуетъ подражать Истинному Пастырю,—не славы и чести искать, но смиряться предъ людьми и всѣмъ показывать собою образъ благочестія.“ †** Въ этомъ отдѣлѣ стояли, между прочимъ, слова которыя Спаситель сказалъ ученикамъ Своимъ, когда между ними былъ споръ кто изъ нихъ долженъ почитаться бо́льшимъ: „Царіе языкъ господствуютъ ими и обладающіи ими благодателе нарицаются. Вы же не тако; но болій въ васъ да будетъ яко мній, и старѣй яко служай. Кто бо болій: возлежай ли, или служай? Не возлежай ли? Азъ же посредѣ васъ есмь, яко служай“ (Лук. XXII, 25—27).

* *Рожнецъ*, л. 26.

** Тамъ же, л. 30–31 об.

*** Тамъ же, 90 л.

**** Тетради, надп. 24.

† Тамъ же, надп. 29.

†* *Рожнецъ*, л. 82.

†** Тетради, надп. 27.

Этотъ отдѣлъ тетрадей касался горячаго вопроса времени, того вопроса которымъ занялся Ѳеофанъ Прокоповичъ въ словѣ о власти и чести царской, и который разрѣшился въ Духовномъ Регламентѣ учрежденіемъ правительствующаго синода. Образъ „великаго государя“ патріарха, часто затмѣвавшаго собою личность царя, носился еще въ мечтахъ вліятельнаго духовенства; начинаніямъ Петра оно противупоставляло еще *Кормчую книгу* и неприкосновенность церковной власти. „Многіе мыслили еще что *не вси* весьма людіе симъ достоинствомъ (повиновеніемъ власти царской) обязаны суть, но нѣкіи выключаются, именно же священство и монашество.“ * Ѳеофанъ долженъ былъ доказывать что „священство — иное дѣло, иный чинъ есть въ народѣ, а не иное государство.“ Сочинитель *Возраженія на Камень Вѣры* сохранилъ слѣдующее любопытное извѣстіе: „Прочія же одежды и убранства (епископовъ) оставляемъ, зане вы сами, откуда оныя начались, не весьма извѣстны; о чемъ вящше архіерей Ѳеофанъ Прокоповичъ, яко сущій сгада Христова учитель, лицемѣрія же, суевѣрствія *противобожественнаго любочестія* гонитель, въ наукахъ искусный, въ разсужденіи преизящнаго дара преисполненный, въ исторіяхъ церковныхъ довольно извѣстный, всякаго почтенія и похвалъ достойный, лѣта 1720, января 1го, въ присутствіи его величества и *съ твоемъ* (Стефана Яворскаго) *служеніи* явно таковыя убранства въ поученіи толковалъ, а наипаче о бѣломъ клобукѣ и *пестрой ризѣ*, яже весьма недавно нѣкоего ради случая вымышлены.“ Кантемиръ бросилъ насмѣшку въ опредѣленную, извѣстную партію, когда говорилъ:

Епископомъ хочешь быть? Уберися въ рясу;
Сверхъ той тѣло *съ гордостью риза полосата*
Пусть прикроетъ....

И Ѳеофанъ услыхалъ въ этихъ стихахъ отголосокъ своихъ мыслей. Ободряя молодаго сатирика за преданность направленію которому самъ дѣятельно и усердно служилъ, онъ не безъ основанія замѣтилъ что Кантемиру были еще страшны „сильныхъ глупцовъ нравы“. Въ самомъ дѣлѣ, Кантемиръ слышалъ около себя угрожающіе клики

Людей брадатыхъ, черною главою кивающихъ.

---

* *Собраніе поучительныхъ словъ и рѣчей Ѳеофана Прокоповича*, I, стр. 257.

Эти люди считали сатирика „достойнымъ временной и вѣчной казни“ за то что мантію дерзнулъ называть лолосатою ризой.

Но возвратимся къ Тверитинову.

Отвергая значеніе церковной іерархіи, онъ и въ другомъ пунктѣ своихъ вѣрованій сходится со старыми псковскими стригольниками. * Извѣстно какъ сильно возставали послѣдніе противъ обычая, широко распространеннаго въ древней Россіи, дѣлать вклады въ монастыри и приносы въ церковь за душу умершаго. Настаивая на важности дѣятельной нравственной жизни, Тверитиновъ постоянно высказывалъ мысль что „несогласно съ Священнымъ Писаніемъ молиться о заступленіи ангеламъ и отшедшимъ святымъ, и стихословить имъ какія-либо похвалы: они далеко отстоятъ онъ насъ, не знаютъ нашихъ прошеній и ничего не могутъ для насъ сдѣлать“. ** „Святые по отшествіи изъ этого міра подобны спящему.“ *** „Суетна всякая молитва за умершихъ, потому что по смерти человѣка затворяется для него всякое милосердіе Божіе.“ **** „Святые не получали просимаго ими отъ Бога даже тогда когда находились въ живыхъ.“ † Тверитиновъ особенно любилъ возвращаться къ этому вопросу. Не только въ тетрадяхъ своихъ сгруппировалъ онъ библейскіе тексты въ которыхъ видѣлъ подтвержденіе этому вѣрованію: на особомъ листѣ, который висѣлъ у него на стѣнѣ въ рамѣ, Тверитиновъ помѣстилъ увѣщаніе не прельщаться суетными надеждами о

---

* На сходство воззрѣній Тверитинова и протестантовъ съ стригольниками указывалъ еще Арсеній Мацѣевичъ въ своемъ *Возраженіи на пасквиль лютеранскій, глаголемый Молотокъ*: „Въ книгѣ *Розыскъ* воспоминаются еретики, глаголемыи стригольники, въ Псковѣ появившіеся и по примѣру твоему лютеранскому, такожъ и раскольническому о пошлинахъ архіерейскихъ, будто бы о симоніи клевещущіи и отъ церкве, какъ бы и раскольщики, отступивши, которыхъ правовѣрніи людіе, ревнующе по благочестію, побиша... Таковыми убо чортовыми мучениками, какъ нашимъ раскольщикамъ, такъ и вамъ, лютеранамъ, согласными бьемъ вамъ обоимъ челомъ: пріимите ихъ себѣ въ свой календарь и прославляйте, и почитайте, когда вамъ они любы и правы.“

** *Рожнецъ*, л. 32 об.

*** Тамъ же, л. 37 об.

**** Тамъ же, л. 72.

† Тетради, надп. 20.

своемъ спасеніи. * На этомъ листѣ, предъ которымъ часто, какъ бы для молитвы, становился Тверитиновъ, какъ предъ иконою, увѣщаніе не надѣяться на предстательство святыхъ по смерти было выражено слѣдующими словами *Маргарита:* „Авраамъ назвалъ богатаго чадомъ своимъ и не въ силахъ былъ оказать ему того что̀ доставляетъ отецъ сыну. Богатый назвалъ Авраама отцомъ и не былъ участникомъ пріязни, которою прилично пользоваться чадамъ. Научись отсюда что ни родство, ни дружба, ни иное что̀ не можетъ приносить пользы тому котораго предаетъ собственная жизнь. Добродѣтель другихъ не можетъ доставить намъ никакой пользы. Вспомни тѣхъ дѣвъ которыя не дали масла другимъ пяти дѣвамъ: не вошли эти послѣднія въ *невѣстникъ*, и затворился онъ предъ ними. Благо тому кто ожидаетъ спасенія отъ своего собственнаго исправленія.“ Никто не надѣйся получить добро, не сотворивши добра, хотя бы у него и было тысячи тысячъ праведныхъ прадѣдовъ: *кійждо бо пріиметъ яже сотвори съ тѣломъ* (2 Кор., зач. 179).

Взглядъ Тверитинова на молитвы за умершихъ стоялъ въ неразрывной связи съ его умствованіями о святыхъ. „До дня страшнаго суда“, думалъ онъ, „нельзя называть кого-либо праведнымъ или грѣшнымъ. ** Святые не бывали въ адѣ, но не были также и въ присутствіи Бога, какъ и нынѣ.“ *** „Праведники умершіе еще не получили обѣщаннаго блаженства.“ **** Съ другой стороны нѣкоторыхъ, по мнѣнію Тверитинова, напрасно называютъ святыми, потому что они превозносились своими дѣлами. † Такъ, онъ полагалъ что нельзя признавать святыми тѣхъ которые издавна извѣстны были на Руси подъ именемъ юродивыхъ или блаженныхъ: „ихъ де житіе не по Богѣ и не благообразно видится.“ †* Въ исторіи христіанства Тверитиновъ думалъ найти подтвержденіе своимъ взглядамъ. „Отчего“, спрашивалъ онъ, „въ древности не отправляли святымъ такихъ великихъ почитаній?“ †** И онъ приходитъ къ заключенію что „противно

* *Православное Обозрѣніе*, 1863, августъ, стр. 334.
** *Рожнецъ*, л. 40 об.
*** Тамъ же, л. 42.
**** Тетради, надп. 19.
† *Рожнецъ*, л. 84.
†* Тамъ же, л. 85.
†** Тамъ же, л. 41 об.

истинѣ созидать церкви во имя святыхъ". * Съ своей точки зрѣнія, а также и потому что „человѣческое естество отъ начала тлѣнію подлежитъ", ** Тверитиновъ осуждалъ чествованіе воздаваемое въ православной церкви святымъ мощамъ, отрицалъ знаменія и чудеса. *** Поклоненіе иконамъ онъ называлъ идолопоклонствомъ. Нѣсколько отдѣловъ въ своихъ тетрадяхъ наполнилъ Тверитиновъ библейскими текстами запрещающими идолопоклонство и многобожіе: онъ примѣнялъ эти тексты къ иконамъ. **** Двѣ первыя заповѣди десятословія вписаны были имъ въ самомъ началѣ листа предъ которымъ онъ безмолвно, „духомъ" молился Богу. Тверитиновъ отдалъ много мѣста въ своихъ тетрадяхъ текстамъ противъ идолопоклонства (или поклоненія иконамъ, какъ онъ давалъ разумѣть), потому что вокругъ себя, въ старомъ русскомъ быту, онъ видѣлъ то обоготвореніе иконъ противъ котораго такъ часто поднимали голосъ и Ѳеофанъ Прокоповичъ, и самъ Петръ. „*Простѣйшіе* люди обоготворили иконы", † говаривалъ Тверитиновъ. „Зачѣмъ", спрашивалъ онъ, „установили иконамъ поклоненіе и кажденіе? Зачѣмъ приносятъ къ нимъ свѣчи, надписуютъ ихъ именемъ Первообразнаго, называютъ ихъ чудотворными и гдѣ-либо бывши, имѣютъ ихъ съ собою? Зачѣмъ исповѣдуютъ что отъ нихъ происходитъ спасеніе? †* „Не этимъ поклоненіемъ можно угодить Богу, но милостынею къ ближнимъ" †** „Икона только валъ и доска безъ силы чудотворенія. если бросить ее въ огонь, она сгоритъ и не сохранитъ себя. Богу же подобаетъ кланяться въ небо духомъ", заключалъ Тверитиновъ. †*** Въ духовномъ смыслѣ, въ значеніи страдальческаго житія, понималъ онъ и слова Священнаго Писанія о крестѣ Господнемъ, †**** признавая „неподобнымъ кланяться кресту, какъ бездушному древу, неимѣющему никакой силы". „Если", разсуждалъ Тверитиновъ, „у кого сына убьютъ ножомъ или

* *Рожнецъ*, л. 41.
** Тетради, надп. 18.
*** Тамъ же, надп. 15 и 16.
**** Тамъ же, надп. 1, 7 и 10.
† *Рожнецъ*, л. 54 об.
†* Тамъ же, л. 55.
†** Тамъ же, л. 57 об.
†*** Слѣдств. дѣло, л. 172, 213.
†**** Тетради, надп. 30.

палкой, и тое палку или ножъ отецъ того убитаго какъ можетъ любить, понеже онымъ убитъ сынъ его? Такъ и Богъ какъ можетъ любить то древо на которомъ былъ распятъ Сынъ Его?“ * Если поклоняться кресту, то слѣдуетъ почитать и Іудеевъ за то что они сотворили крестъ. **

Монашеству Тверитиновъ не находилъ оправданія въ Священномъ Писаніи; напротивъ, изъ словъ апостола Павла: *отступятъ нѣцыи отъ вѣры, иже возбраняютъ отъ женитвы и брашенъ*, онъ выводилъ заключеніе что „монашеское дѣвство не ло разуму святыхъ писаній держится“. *** „Зачѣмъ“, спрашивалъ онъ, „дѣлается эго не просто, но съ обѣщаніемъ?“ **** Отрицаніе монашества условливалось у Тверитинова отчасти его протестантскимъ понятіемъ о постахъ. По его мнѣнію, поститься значитъ въ какое-нибудь время совершенно воздерживаться отъ пищи, какъ дѣлали Христосъ и апостолы; потому надобно де предоставить на волю каждаго — когда поститься и какую пищу употреблять. † Монахи же, совершенно отрекшись отъ вкушенія мяса, какъ бы считаютъ его нечистымъ. †* Тверитиновъ осуждалъ и то что монахи, какъ бы выставляя на показъ свою добродѣтель, носятъ особыя одѣянія. †**

Таково содержаніе тетрадей Тверитинова. Не останавливаемся на мнѣніи что вода въ крещеніи не нужна, ибо Іоаннъ сказалъ о крещеніи Христовѣ: *Азъ убо вы крещаю водой, той же вы крститъ Духомъ Святымъ*; †*** или на мысли что „несправедливо думаютъ будто первѣйшіе ангелы повелѣваютъ низшими ангелами: всѣ они равны и научаются тайнамъ непосредственно отъ самого Бога. †**** Эти положенія не представляютъ особеннаго интереса для характеристики Тверитинова; имъ не придавали особеннаго значенія и самые обвинители его.

Составивши сборникъ библейскихъ текстовъ по предметамъ

---

* Слѣдственное дѣло, л. 175.

** *Рождествъ*, л. 87.

*** Тамъ же, л. 59 об.

**** Тамъ же, л. 60 об.

† Тамъ же, л. 66.

†* Тамъ же. л. 63 об.

†** Тамъ же, л. 61 об.

†*** Тамъ же, л. 78.

†**** Тамъ же, л. 83 об.

его интересовавшимъ, выучивши эти тексты наизусть, Тверитиновъ пользовался случаемъ чтобы навести разговоръ на свои любимыя темы. Съ Нѣмецкою слободой онъ не разрывалъ своей связи и тогда когда обученіе его дохтурской наукѣ уже давно было кончено: къ нему ходили ученики нѣмецкой школы потолковать о вѣрѣ, и самъ онъ за рѣшеніемъ своихъ недоумѣній обращался къ учителю нѣмецкой школы, „для того что онъ вельми умѣетъ противно о томъ отвѣщать“. Разговоры съ различными лицами изъ православнаго русскаго духовенства удовлетворяли его гораздо менѣе. Пришелъ однажды Тверитиновъ къ архимандриту Златоустинскаго монастыря Антонію и засталъ его за чтеніемъ *Исповѣданія православной вѣры*. Тверитиновъ спросилъ Антонія: есть ли у него Библія? и получивъ утвердительный отвѣтъ, замѣтилъ: „а когда есть, почто тебѣ многія книги читать? довольно тебѣ и одной Библіи, понеже въ ней пророческое, и апостольское, и самого Бога ученіе, а не нововымышленныя человѣческія басни.“ Не одинъ разъ потомъ заводилъ Тверитиновъ съ архимандритомъ рѣчь о святыхъ иконахъ, о молитвахъ къ святымъ отшедшимъ, и „непрестанно *съ утѣсненіемъ* спрашивалъ“ * Антонія: „откуду сіе и сіе у васъ взято?“ — „У насъ все отъ святыхъ положено,“ могъ только отвѣчать архимандритъ: „и кому вѣрить лучше, святымъ ли и учителямъ церковнымъ, или Мартину Лютеру, растлившему древніе обычаи святой церкви?“ — „Лютеръ не растлилъ церкви,“ возражалъ Тверитиновъ,—„а изыскалъ и возобновилъ древніе обычаи.“ Антоній былъ „не ученый и наукъ не умѣющій и не весьма читатель божественнаго писанія“; Тверитинову нетрудно было поставить его въ тупикъ; лѣкарь „едва его не прельстилъ“: ** Антоній списалъ его тетради и сталъ читать лютеранскій катихизисъ. Чтобы повѣрить свои мнѣнія и толки слышанные въ Нѣмецкой слободѣ, Тверитиновъ обращался и къ ученымъ московской Славяно-греко-латинской академіи. Цѣлый годъ ходилъ онъ къ префекту ея и учителю философіи, Стефану Прибыловичу, „съ своими о догматахъ церкви Восточной *усумнѣніями*, и говаривалъ что я де зѣло усумнѣваюся и *въ недоумѣніи пребываю* и требую отъ тебя *рѣшенія* о поклоненіи святыхъ иконъ и о призываніи святыхъ божіихъ преставль-

* Собственное показаніе Антонія въ слѣдственномъ дѣлѣ.

** *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

шихся, и о всѣхъ догматахъ нашихъ противныхъ люторскому и кальвинскому ученію нынѣшнему; и разговаривалъ съ нимъ съ преніемъ". Прибыловичъ, сколько могъ, утверждалъ его въ догматахъ православной церкви, разбивалъ протестантскіе доводы; но онъ не успокоилъ сомнѣній Тверитинова: тѣкарь продолжалъ повторять что всѣ преданія не основанныя на Библіи суть басни человѣческія. * Прибыловичъ отчаялся убѣдить Тверитинова въ противномъ и оставилъ его „съ болѣзнію сердца своего", говорятъ одни, „*поврежденный* Тверитиновымъ", ** справедливо замѣчаютъ другіе. Прибыловичъ вскорѣ послѣ того уѣхалъ изъ Москвы и своими богословскими умствованіями непріятно поразилъ новгородскаго митрополита Іова, который приписывалъ ихъ вліянію Кіевской академіи. „Мудръ есть человѣкъ," писалъ митрополитъ о Прибыловичѣ, „и богослова себя нарицаетъ множае паче, неже иные нѣкіи. Егдаже услышиши, самъ весьма уразумѣешь каковы суть богословы, являющіеся въ кіевскихъ новыхъ авинейскихъ школахъ." *** Прибыловичу поручено было архіепископомъ новгородскимъ Ѳеодосіемъ исправить пролога. Прибыловичъ, уже тронутый толками Тверитинова о чудесахъ и святыхъ, такъ „невѣжливо сталъ ихъ править и перечеркивать" что этому труду не было дано хода. ****

Тверитиновъ „препиралъ философовъ и богослововъ въ словено-латинскихъ школахъ и пріобрѣталъ ихъ въ свою прелесть"; † тѣмъ сильнѣе было его вліяніе на людей малообразованныхъ и на тѣхъ для которыхъ богословскія науки не были предметомъ спеціальныхъ занятій. Шуринъ его, Петръ Олисовъ, возвратившись изъ своего благочестиваго странствованія въ Соловки, познакомился съ Тверитиновымъ, который уже былъ ему извѣстенъ, по разказамъ отца, за „Нѣмчина не природою, но вѣрою". Дмитрій посовѣтовалъ ему читать Библію, показалъ свои тетради, вызывалъ на разсужденія и диспуты по вопросамъ вѣры. „Невѣжества своего ради", Петръ уступилъ ему, пришелъ отъ его доводовъ „въ немалое

---

* Показаніе префекта Гавріила въ слѣдственномъ дѣлѣ.

** *Записка о дѣлѣ Тверитинова.* „Богъ вѣсть, не повредилъ ли и того."

*** Чистовича: *Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время*, стр. 30, 90.

**** Тамъ же, стр. 214

† *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

сомнѣніе“,* и наконецъ „удобно его, Димитріеву, науку принялъ“.** Цѣлые три года оставался онъ вѣрнымъ послѣдователемъ мыслей Тверитинова. Старикъ Олисовъ обвинялъ своего сына въ ереси, „отводилъ его отъ Дмитрія бранью, прещеніемъ, проклятіемъ“; родственники и знакомые его не отставали отъ старика. Петръ не стерпѣлъ укоровъ и униженія; имъ начали овладѣвать сомнѣнія: въ увѣщаніяхъ родныхъ ему послышались „нѣкоторые и крѣпкіе православные доводы:“ его потянуло къ отвергнутымъ имъ вѣрованіямъ, къ примиренію съ семьею; онъ взялъ въ руки Библію, тетради Тверитинова, и отдался уединенному изученію Священнаго Писанія и ловѣркѣ имъ мнѣній своего родственника—Нѣмчина Чтеніе Библіи убѣдило Петра что слова Священнаго Писанія о языческомъ многобожіи Тверитиновъ примѣнялъ къ угодникамъ Божіимъ въ церкви святой почитаемымъ; что сказанное въ Писаніи противъ языческихъ же идоловъ Тверитиновъ относилъ къ святымъ иконамъ. Изъ всей Библіи Петръ въ свою очередь сдѣлалъ множество выписокъ противъ доводовъ Тверитинова, и впослѣдствіи „изо той своей выписки, сокративши по возможности, учинилъ книжицу, которая названа *Рожнецъ*“,*** и представляетъ довольно полное изложеніе мнѣній Тверитинова. „Тяжко вмѣнилъ себѣ Петръ“**** свое временное отступничество отъ православія и постригся въ монахи въ Переяславлѣ Залѣсскомъ, въ Никольскомъ монастырѣ, съ именемъ Пафнутія.

Медицинская практика, сближая Тверитинова съ людьми различныхъ сословій, открывала ему широкій просторъ распространять свои мнѣнія. Онъ не упускалъ случая посмѣяться надъ старыми русскими обычаями, особенно если видѣлъ въ нихъ ясные слѣды суевѣрія и невѣжества. Вдова извѣстнаго дьяка Украинцева дала обѣщаніе каждый годъ поднимать изъ церкви въ свой домъ образъ Св. Ипатія Чудотворца и служить ему молебенъ. Во время одного изъ такихъ молебновъ случился у Украинцевой Тверитиновъ. „А у образа Ипатія чудотворца издревле отъ благочестивыхъ людей приложены, исцѣленія ради очесъ болящихъ, оки сребреные,

* Собственное показаніе Пафнутія въ слѣдственномъ дѣлѣ.
** *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*
*** Тамъ же.
**** Тамъ же.

якоже и у образа святаго священномученика Антипія приложены зубы.“ Во время молебствованія, Украинцева подозвала священника и сказала ему вслухъ: „Хочу я приложить образу Илатія чудотворца оки?“ — „Изволь прикладывать,“ отвѣчалъ священникъ, „сіе дѣло богоугодно.“ Тверитиновъ подошелъ къ Украинцевой и тихо сказалъ ей: „У твоей милости нога болитъ, прикажи ногу сдѣлать и приложи къ образу.“ Слова Тверитинова были переданы священнику. „Еслибы,“ сказалъ послѣдній вслухъ, „онъ говорилъ эти слова отъ благочестія, пріятно бы и сіе Богу было; но понеже онъ, врагъ и противникъ святой церкви, глаголетъ сія отъ противности: велитъ ногу сдѣлати, потомъ руки, таже главу и всего человѣка, и начнетъ глаголати яко идолъ содѣланъ и идолу кланяемся,—убо не изволь его слушать: онъ врагъ и противникъ святой церкви.“ На это Тверитиновъ отвѣчалъ: „вздоритъ и лжетъ попъ,“ и поплевалъ. * Въ Петербургѣ, коммиссаръ Сергѣевъ, у котораго болѣли глаза, просилъ у Тверитинова лѣкарства противъ своей болѣзни. „У вашей милости есть изрядное лѣкарство,“ иронически отвѣчалъ ему лѣкарь. „А какое?“ спрашивалъ Сергѣевъ. Тверитиновъ разсмѣялся и сказалъ: „Изволь купить глазокъ или оба серебряные и отнеси ихъ къ Пятницѣ Прощѣ, что на Москвѣ, на Пятницкой улицѣ, то глазки твои и здоровы будутъ. А ежели у вашей милости болятъ зубки, то изволь купить зубокъ серебряный Антипію чудотворцу.“ И „разсмѣявся зѣло, Тверитиновъ даже повалился на то мѣсто гдѣ сидѣлъ“. ** Человѣкъ „неглупый въ политикѣ“, Тверитиновъ любилъ серіозно потолковать и поспорить о предметахъ особенно его занимавшихъ. Изъ споровъ онъ привыкъ выходить побѣдителемъ. Самые враги лѣкаря признавались что онъ „имѣетъ понравіе уклонное, мягкое и весьма льстивое, такъ что уже и тѣломъ своимъ не можетъ быть не уклоненъ, не уступчивъ, не прегибателенъ на тотъ бокъ и на другой: такожде и шею свою и на то и на другое плечо полагаетъ, и самъ весь изгибается и говоритъ очень вѣжливо, утѣшно, смѣхомъ растворяя; приступаетъ и уступаетъ, и всячески мастеритъ, дабы тому, что съ кѣмънибудь говоритъ, пріятенъ былъ, и таковымъ понравіемъ такъ одаренъ что едва равнаго ему обрѣсти можно“. *** Разсужденія

* Слѣдственное дѣло.

** Тамъ же.

*** *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

Тверитинова слушались съ удовольствіемъ, „въ сладость“; они касались вопросовъ обще-интересныхъ для того времени и велись отъ Священнаго Писанія. „Неискусные въ писаніи“ не замѣчали въ нихъ уклоненій отъ православія; другимъ и хотѣлось сопротивляться, но одолѣть Тверитинова они не могли: онъ былъ подготовленъ вести споры и зналъ наизусть тексты Святаго Писанія.* Людей уже тронутыхъ вліяніемъ Нѣмецкой слободы было тогда довольно на Москвѣ; имъ приходились по сердцу разговоры Тверитинова. Къ числу особенныхъ почитателей его принадлежали школьникъ Иванъ Максимовъ и московскій фискалъ Михайло Андреевъ Косой.

Максимовъ поступилъ въ Славяно-греко-латинскую академію въ то самое время когда въ ней, по указу Петра Великаго, заведены были латинскія ученія. ** Его отецъ, священникъ московской церкви Трехъ Святителей, посланъ былъ Петромъ на вѣчное житье въ Нарву, и велѣно ему быть тамъ въ соборной церкви попомъ. По отъѣздѣ отца изъ Москвы Максимовъ учился съ мѣсяцъ въ математической школѣ; потомъ отъ школы отсталъ и лѣтъ съ пять учился математической наукѣ у себя дома. Навѣстивши отца въ Нарвѣ, Максимовъ возвратился въ Москву, и тогда-то префектъ Ѳеофилактъ Лопатинскій принялъ его въ Славено-латинскій коллегіумъ; въ немъ онъ прошелъ богословскій и философскій классъ. „Отъ пасторовъ и отъ разговоровъ противныхъ“ Максимовъ наслышался о томъ что не слѣдуетъ поклоняться иконамъ и мощамъ; а потомъ познакомился съ Тверитиновымъ и не разъ присутствовалъ при разговорахъ его съ Михайлою Андреевымъ Косымъ о томъ что „не подобаетъ никакому рукотворенію человѣческому поклоняться“. Максимовъ увлекся толками столь рѣзко противорѣчившими тому что̀ преподавалось ему въ коллегіумѣ. Не привыкши сдерживать свой языкъ, онъ сталъ „вездѣ острыми укоризнами и невѣжливыми рѣченьми укорять православные догматы.“ Въ 1710 году жилъ онъ на Тверскомъ подворьѣ вмѣстѣ съ Адамомъ, впослѣдствіи монахомъ Спасскаго монастыря. Максимовъ не разъ толковалъ Адаму что мощамъ святыхъ угодниковъ не надобно поклонятися и почитать ихъ. Чѣмъ бо́ль-

---

* *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

** Слѣдственное дѣло, л. 9. Ср. *Древняя россійская виваліоѳика*, ч. XVI, стр. 302.

шимъ чествованіемъ окружало какую-нибудь святыню народное благоговѣніе, тѣмъ съ бо́льшимъ ожесточеніемъ „брехалъ“ на нее Максимовъ. Николай Угодникъ былъ особеннымъ предметомъ его хулы. Въ 1713 году прибылъ въ Москву, по указу царицы Параскевы Ѳеодоровны, Рувимъ, игуменъ Добринской пустыни новоявленнаго Николая Чудотворца для сборовъ на церковное строеніе. Игуменъ пришелъ въ Богоявленскій монастырь, въ палату гдѣ жили ученики славено-латинскихъ школъ, навѣстить больнаго Василія Кошельницкаго. Рувимъ говорилъ Василію чтобъ онъ обѣщался молебствовать Чудотворцу Николаю, и будетъ здравъ. Въ палатѣ случился Максимовъ Онъ плюнулъ, услыхавши слова Рувима, и сказалъ. „что̀ Николаю Чудотворцу поклонятися? онъ будетъ въ аду.“ * Въ той же палатѣ Максимовъ говаривалъ школьникамъ: „Авось и Никола будетъ въ пеклѣ?“ Ученики останавливали его: „такихъ де словъ тебѣ не подобаетъ говорить.“ Максимовъ возражалъ: „А кто съ Богомъ въ бесѣдѣ былъ?“ ** Указывая въ церкви Успенія Пресвятыя Богородицы, что̀ за Срѣтенскими воротами, на образъ Николая Чудотворца, который въ пожарѣ сгорѣлъ мало, Максимовъ говорилъ: „Какъ можетъ Святой Николай людямъ помощь подавать, если и самъ не защитилъ себя отъ огня?“ *** Мужикъ носилъ подъ Новодѣвичьимъ монастыремъ образъ Пресвятыя Богородицы, мало опаленный, и говорилъ чтобы тому чудотворному образу подавали на строеніе. Максимовъ замѣтилъ на это: „Буде бы тотъ образъ былъ чудотворный, и тотъ бы образъ не сгорѣлъ.“ **** Особенно любопытно показаніе о Максимовѣ священника церкви Воскресенія Христова, что̀ въ Гончарахъ, Іосифа Никифорова. Этотъ священникъ, въ 1713 году, въ Рождественскъ постъ, былъ на обѣдѣ у діакона той же церкви, Василія Родіонова, у котораго, какъ у своего зятя, жилъ Максимовъ. Школьникъ говорилъ о непоклоненіи иконамъ, о томъ что не слѣдуетъ призывать угодниковъ Божіихъ и учреждать имъ празднества: „какъ де умершіе могутъ вѣдать творимая имъ здѣсь празднества и како могутъ, во гробѣхъ лежаще, ходатайствовати и молитися о насъ Богу?“ Свое умствованіе Максимовъ под-

* Слѣдственное дѣло, л. 13.

** Тамъ же, л. 13 об.

*** Тамъ же, л. 14.

**** Тамъ же, л. 15.

тверждалъ такими словами: „Кто вѣсть идѣже духи человѣческіе отходятъ?“ Максимовъ доказывалъ далѣе что „не слѣдуетъ крестить младенцевъ, которые родятся отъ крещенныхъ родителей, на томъ основаніи что на родителяхъ оныхъ младенцевъ то таинство совершилось, и первородный грѣхъ отнялся: и тѣ де младенцы святы и безъ крещенія.“ * Объ освященіи воды Максимовъ также разсуждалъ по своему. „Какая та святая вода (говорилъ онъ), въ которой водѣ омываютъ попы крестъ въ чашѣ и сами архіереи то же творятъ? а наипаче вышедъ на рѣку и въ быстринѣ рѣчной въ который часъ крестъ омываютъ, въ тотъ часъ та вода и протекаетъ и водѣ святости отъ омытія креста не бываетъ.“ Священникъ вразумлялъ расходившагося школьника; но Максимовъ продолжалъ: „Я седьмаго собора на иконоборцевъ клятвы и ученія отеческаго не слушаю и историческія писанія въ басни вмѣняю.“ При этомъ разговорѣ присутствовалъ одинъ изъ прихожанъ Іосифа Никифорова, Иванъ Михайловъ. „И стали мы, — разказываетъ священникъ, — того дома діакону Василью Родіонову говорить: „Уйми его, Ивана школьника, „чтобъ онъ пересталъ святой церкви противныя слова гово„рить.“ „И онъ, діаконъ, возбранилъ, и хотѣлъ его бить, и съ двора ссылалъ, и говорилъ ему что и впредь де ты съ такими словами ко мнѣ въ домъ не ходи. И онъ, школьникъ, умолчалъ. И я, іерей Іосифъ, съ нимъ, Иваномъ Михайловымъ, отъ него, діакона, изъ дому пошли; и позвалъ я, іерей, его, Ивана Михайлова, къ себѣ въ домъ. И послѣ приходу нашего, мало помѣшкавъ, онъ же, школьникъ, не званъ, самовольствомъ, ко мнѣ жь въ домъ и въ горницу внезапно пришелъ и, не вопрошенъ отъ насъ, паки, якожь и въ дому дьяконовѣ, противныя слова православнымъ догматамъ сталъ говорить о Пресвятой Богородицѣ: чего де ради вы ее вельми почитаете? Она де подобна есть мѣшку простому, наполненну бывшу драгоцѣнныхъ каменій и бисеровъ; а егда де изъ онаго мѣшка оные драгіе каменія и бисеры изсыпаны, оной мѣшокъ каковой цѣнѣ и чести достоинъ? И я, іерей Іосифъ, со онымъ призваннымъ, бывшимъ въ дому моемъ, съ Иваномъ

* Тверитиновъ говорилъ что вода въ крещеніи не нужна, ибо Іоаннъ сказалъ о крещеніи Христовѣ: *Азъ убо вы крещаю водою, Тойжде вы креститъ Духомъ Святымъ* (Матѳ. 3). *Рожнецъ* Пафнутія, л. 78.

Михайловымъ, о таковомъ его, школьниковѣ, еретическомъ мудрованіи и о таковой его хулѣ на Пресвятую Богородицу слышавши, устрашилися, и хотѣли его связать и въ утрешній день отвести къ преосвященному архіерею. И онъ, школникъ, — аще истинно или притворно, совѣсть его вѣсть, — сталъ намъ говорить что я де, сія глаголя, чиню испытацію; намъ де школникамъ такъ чинить должно, чтобъ, услышавши отъ кого мудрые отвѣты, могли бъ мы тѣми еретиковъ побѣдить. И я, іерей Іосифъ, выбилъ его изъ горницы и съ двора своего велѣлъ его, школника, сослать въ тотъ же часъ.“ *

Максимовъ, говорятъ, хулилъ православные догматы чуть не на площади. Иконнаго ряду торговый человѣкъ Григорій Васильевъ разказывалъ: „Въ прошломъ 1709 году пришелъ я, Григорій, въ иконный рядъ къ лавкѣ своей поутру, въ обѣдни. И подлѣ моей лавки стоялъ Иванъ Максимовъ, школникъ, съ человѣкомъ, не знаю какова чину; и что говорили они до моего къ лавкѣ приходу, того я, Григорій, не вѣдаю; только я, пришедъ, слышалъ: говоритъ тотъ человѣкъ Ивану Максимову: „Какъ де ты сему не вѣришь, а сіе де апостолы говорили.“ И онъ, школникъ Иванъ, говорилъ: „Не вѣ„рую я и апостоламъ.“ И оный человѣкъ говорилъ ему, школнику, что де сія апостолы глаголали чрезъ Духа Святаго. А Иванъ Максимовъ говорилъ: „Хотя де апостолы сіе и чрезъ „Духа Святаго глаголали, я де не вѣрую.“ И тотъ человѣкъ сказалъ: „То де ты и Духу Святому не вѣруешь?“ И онъ, школникъ, сказалъ: „Я де не вѣрую и Духу Святому.“ И оной человѣкъ сказалъ: „Есть во святомъ Евангеліи написа„но: всякъ грѣхъ и хула, яже рекутъ на Сына человѣческаго, „отпустится человѣкомъ, а на Святаго Духа не отпустится ни „въ сій вѣкъ, ни въ будущій. Такъ де ты посему проклятъ.“ И плюнувъ тотъ человѣкъ и пошелъ отъ него, школника, прочь.“ **

Тяглецъ Котельной слободы, Михайло Андреевъ Косой, во время Стрѣлецкаго бунта 1682 года, „нѣкако согласіе возымѣлъ съ тѣми бунтовщиками стрѣльцами, которые за таковыя свои злобныя дѣла наказаны различными виды и разосланы въ дальнія разныя мѣста, а иныя изъ нихъ и смер-

* Слѣдственное дѣло, л. 239—242 об.

* Слѣдственное дѣло, л. 243.

тію казнены. Также и онъ, Михайло, наказанъ и сосланъ былъ въ ссылку въ Сибирь". * Другое извѣстіе прибавляетъ что Михайло съ товарищами ходили бунтомъ къ дьякамъ и подьячимъ, брали съ нихъ деньги, и за то были сосланы въ Тобольскъ. ** Около 1692 года, Михайло тайно прибылъ въ Москву. Боясь чтобъ его не узнали, онъ больше жилъ между иноземцами, особенно у лютеранина Якова Якимова, на Чистомъ Прудѣ. Это обстоятельство не осталось безъ вліянія на Михайлу Андреева Съ Тверитиновымъ онъ сошелся близко: лѣкарь крестилъ у него дѣтей. Косой увлекался доводами и начитанностію Тверитинова. „То-то бы патріархъ-отъ былъ!" восклицалъ онъ, слушая его разговоры и диспуты. Библія сдѣлалась его любимымъ чтеніемъ. На вопросъ московскаго вице-губернатора Ершова: читаетъ ли Библію? Косой отвѣчалъ что то его и животъ Библія, а по ней мудрствованіе такое держитъ и книжное писаніе разумно умѣетъ. Въ домашнемъ быту, Михайло Андреевъ позволялъ себѣ такія уклоненія отъ уложеній старины въ которыхъ многіе видѣли неуваженіе къ святынѣ и ересь. „Въ дому своемъ всякому христіанину (училъ старый Домострой), во всякой храминѣ святые и честные образы, написаны на иконахъ по существу, ставити на стѣнахъ, устроивъ благолѣпно, со всякимъ украшеніемъ и со свѣтильники, въ нихъ же свѣщи предъ святыми образы возжигаются на всякомъ славословіи Божіи, а по отпѣтіи погашаютъ, завѣсою закрываются, всякія ради чистоты и отъ пыли, благочинія ради и бреженія; а къ святымъ образамъ касатися достойнымъ въ чистей совѣсти; а на славословіи Божіи и на святомъ пѣніи и молитвѣ свѣчи вжигати и кадити благовоннымъ ладаномъ и фиміямомъ." *** Михайло Андреевъ „свѣчи отъ святыхъ иконъ отымалъ и курилъ табакъ; а къ иконамъ говорилъ: стойте такъ, лучше;" **** „предъ образами онъ мало любилъ свѣчи и въ домѣ своемъ отъ образовъ откинулъ." † Открыто называя иконы угодниковъ Божіихъ богами, Михайло Андреевъ любилъ высказываться противъ почитанія иконъ. Если ему случалось

* *Записка о дѣлѣ Тверитин. Камень вѣры* въ статьѣ: *Вина и случай писанія сея книги.*

** Слѣдственное дѣло, л. 44 об.

*** *Домострой*, по изданію Голохвастова, глава 8я.

**** Слѣдственное дѣло.

† *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

у кого-нибудь быть, то онъ украдкою, усмотря время, переворачивалъ икону головою внизъ. Однажды, бывши въ подмосковной деревнѣ у Ершова, Михайло Андреевъ присутствовалъ при разстановкѣ иконъ. Видя что Ершовъ ставитъ на гвоздяхъ образъ святаго Іоанна Златоустаго, онъ сказалъ съ усмѣшкою: „Для чего гвозди колотишь? поставь такъ къ стѣнѣ чтобъ о себѣ стоялъ безъ гвоздей, а на гвоздяхъ де и что-нибудь стоитъ“. Ершовъ возражалъ ему что и самъ Христосъ плотію на древѣ пригвожденъ былъ, а не прильнулъ. Михайло, разсмѣявшись, отворотился и пошелъ прочь: „дѣлайте де что хотите“. Косой вступалъ иногда и въ диспуты. Однажды онъ такимъ образомъ состязался съ дьякомъ Иваномъ Позняковымъ да со старымъ подъячимъ Максимомъ Даниловымъ.* „Исповѣдуешь ли Святую Троицу и святымъ иконамъ покланяешься ли?“ спрашивалъ Максимъ Даниловъ. „Откуду ты извѣстіе имаши?“ требовалъ доказательствъ Михайло Андреевъ. „Сіе взяли отъ святыя Восточныя церкви“, вмѣшался Позняковъ. „Покажи,“ настаивалъ Михайло. Не умѣя представить доказательствъ которыхъ требовалъ Косой, Позняковъ далъ диспуту другой оборотъ. „Развѣ ты не слыхалъ,—спрашивалъ онъ Михайлу,—что сказано въ недѣлю православія? Если кто не покланяется образу Божію и Богоматери и святымъ угодникамъ его, того клянетъ: да будетъ анаѳема!“ Но Михайло требовалъ подтвержденія и этому установленію церкви: „Аще сіе достовѣрно, да показано будетъ“. Косому ставили въ вину что онъ интересовался подобными вопросами, мудрствовалъ и разсуждалъ о догматахъ вѣры, не будучи образованнымъ человѣкомъ. Ершовъ „въ азбукѣ предложилъ ему просодіи.“ „И онъ, Косой, не точію просодіи разумно знаетъ, но и запятую точкою назвалъ, а больши ничего“. Ершовъ „зѣло прилежно, со слезами“ сталъ журить Косаго, „что не знаючи и азбуки, а оставя корабль церковный, въ такое бездонное и безконечное вступилъ море, отонуду же какъ съ таковымъ своимъ дурацкимъ разумомъ, идѣже многіе потонули и не съ такимъ разумомъ, елико въ немъ есть.** Неизвѣстно сталъ ли Косой учиться просодіи для того чтобъ

* Въ слѣдственномъ дѣлѣ, л. 228 об., находится „Копія съ диспуты письменной Михайла Андреева сына Косова, которую онъ Михайла самъ и началъ писать, съ дьякомъ Иваномъ Позднякомъ да съ старымъ подъячимъ Максимомъ Даниловымъ“.

** Слѣдственное дѣло.

„истинно знать догматы церковные и истинно испытать, какъ наша вѣра истинная;* но на Москвѣ было въ его время много людей которые томились тѣмъ же желаніемъ „*истино испытать*,“ которые также не знали „проседіи“ и которыхъ волны новаго движенія отбивали отъ церковнаго корабля, унося въ безконечное и бездонное море. Въ числѣ людей „мудрствовавшихъ“ подобно Косому, встрѣчаемъ сапожника Михайла Чепару, часоваго мастера Якова Иванова, Андрея Александрова изъ овощнаго ряда, цирюльника Ѳому Иванова и Никиту Мартинова изъ Котельной слободы. И они, подобно школьнику Максимову, „вездѣ острыми укоризнами и невѣжливыми рѣченьми укоряли нетокмо православные догматы, но и на таинство брехали“

II.

Новыя стремленія и мудрствованія, къ тому же окрашенныя протестантскимъ оттѣнкомъ, не могли не вызвать горячей, рѣшительной оппозиціи со стороны того кому, волею Петра, поручено было блюсти уже обреченное на упраздненіе мѣсто патріарха. Своими задушевными симпатіями, всѣмъ складомъ своихъ воззрѣній Стефанъ Яворскій принадлежалъ отходящей старинѣ. Воспитанный въ польскихъ школахъ іезуитами, Яворскій рано обнаружилъ ненависть къ лютеранству. Въ первой изъ своихъ напечатанныхъ проповѣдей, *Виноградъ Христовъ* (въ январѣ 1698 года),** онъ далъ мѣсто ожесточеннымъ ругательствамъ на Лютера, „треокаяннаго еретика, червя наполненнаго адскимъ ядомъ, скареднаго и богомерзкаго соблазнителя, правдоненавистнаго еретика, глухаго аспида“. Въ эпоху перехода отъ патріаршества къ синодальному управленію, поставленный на первенствующее мѣсто въ русской духовной іерархіи, Стефанъ не вошелъ въ виды Преобразователя и не оказалъ поддержки начинаніямъ своего царственнаго покрови-

* Собственное выраженіе Косаго предъ диспутомъ съ Позняковымъ.

** Мы пользовались рукописнымъ сборникомъ проповѣдей Яворскаго принадлежащимъ о. архимандриту Никодиму, которому и приносимъ благодарность за сообщеніе намъ этого манускрипта. Самъ Яворскій называетъ *Виноградъ* первою изъ напечатанныхъ проповѣдей своихъ: прежнія казанья, „которыя на рожныхъ мѣстцахъ лучилося мѣти, талантомъ заледво могутъ ся назвати“, и потому не были напечатаны.

теля въ трудныя минуты кризиса, когда глухо волновалась народная масса ожиданіями пришествія антихриста, видя въ дѣяніяхъ царя выраженіе его нечистаго духа. Мало того: Яворскій самъ склонялся къ тому же взгляду на совершавшійся въ Россіи переворотъ, и не одною мыслію, но словомъ и дѣломъ былъ, насколько то можно было осторожному ученику іезуитовъ, съ друзьями старины, съ врагами Петра.... „Столпы высокіе (говорилъ Стефанъ въ одной изъ своихъ проповѣдей) во градѣхъ и вертоградѣхъ сего ради поставляются, дабы отъ нихъ мощно познати и предувѣдати отдалече приходящіе непріятели или воры, хотящіе разграбити плоды. Сея ради вины и Господь небесный въ вертоградѣ своемъ церковномъ утверждаетъ столпъ сей—вѣру, дабы отъ сего столпа удобнѣе мы познавать возмогли находящіе непріятели, плоды и имѣніе душевное хотящіе разграбити. Вѣра есть столпъ оный Давидовъ, о которомъ воспоминаютъ *Пѣсни пѣсней;* — тысяща щитовъ висятъ на немъ и вся стрѣлы сильныхъ; которая вѣра аще гдѣ тверда пребываетъ, премногія и неисчислимыя тысящи съ собою имать добродѣтелей, аки непреломленныхъ щитовъ". * Гдѣ изнемогаетъ вѣра, тамъ все изнемогаетъ, продолжаетъ проповѣдникъ. Такимъ именно временемъ изнеможенія вѣры называлъ Яворскій эпоху петровской реформы. „Мнози скоро отъ своея православныя вѣры каѳолическія подвижутся и прелагаются и *чуждыя* богомерзкія, еретическія, пространнымъ путемъ во адъ ведущія вѣры похваляютъ; свою же, юже отъ отецъ и праотецъ восприяша, назданную на основаніи Христовомъ, воспріятую отъ апостоловъ, ругаютъ, осмѣиваютъ и уничтожаютъ. Многимъ случается, яко, *едва чуждыя узрятъ земли*, отлучившися отъ своего отечества, и отъ вѣры удаляются." ** Стефанъ предостерегаетъ православныхъ отъ содружества съ иноземцами и иновѣрцами: „Не видишь ли, яко отъ недужнаго скоро недугъ воспріемлетъ здравый, цѣльбы же недужный отъ здраваго въ сожитіи никогда получитъ? И что тебѣ пользуетъ дружество по плоти съ тѣмъ иже есть врагъ твой по духу? Дружество есть вещь изрядная, но другъ долженъ уподобитися врачу: врачъ не любитъ больнаго, аще не возненавидитъ его болѣзни. Тѣмже и ты, аще хощеши поистинѣ любити друга, возненавиждь его злонравіе и зловѣріе". Уча православныхъ

* *Проповѣди Стефана Яворскаго*, II, 13.

** Тамъ же, II, 23

дружбѣ основанной на ненависти, Яворскій прибавлялъ: „дніе лукави суть; сего ради не бывайте несмысленни, но разумѣвающе что̀ есть воля Божія. Содружества съ таковыми и собесѣдства, а наипаче въ писаніяхъ неискуснымъ и въ вѣрѣ неутвержденнымъ всячески возбраняетъ Павелъ святый.“ * Взглядъ Яворскаго на общеніе съ иностранцами не былъ слишкомъ далекъ отъ понятій старовѣровъ; мѣстоблюститель патріаршаго престола склонялся болѣе къ нимъ, чѣмъ къ Петру и его птенцамъ. Въ новшествахъ Петра старовѣрамъ видѣлись ясныя знаменія пришествія антихриста, и Стефанъ Яворскій, призванный разсѣять невѣжественныя толкованія фанатиковъ старины, выразителемъ которыхъ явился Талицкій, не находитъ въ себѣ искренняго убѣжденія въ лживости этихъ толкованій, и вмѣсто прямаго и положительнаго обличенія враждебной Преобразователю смуты, печатаетъ переводъ выдержекъ изъ книги Ѳомы Мальвенды *объ антихристѣ*. Доводы Яворскаго, изложенные въ его *Знаменіяхъ пришествія антихристова и кончины вѣка*, такъ мало были убѣдительны для „домашнихъ враговъ“ Петра что капитанъ Левинъ, возобновившій мнѣнія Талицкаго и всенародно провозгласившій въ Пензѣ пришествіе антихриста, показалъ на судѣ что „проповѣдуя пришествіе антихристово, приведенъ былъ въ соблазнъ тою книгой Яворскаго“ и утверждалъ свое мнѣніе на ней. Говорятъ что „самъ Яворскій, погрѣшеніе свое видя, простотою и недознаніемъ извинился и просилъ прощенія, которое милостію его императорскаго величества ему отпущено“. ** Безсильнымъ оказался Яворскій и при увѣщаніи Талицкаго, который открыто называлъ Петра антихристомъ и котораго царевичъ Алексѣй Петровичъ почиталъ человѣкомъ великаго ума. „Что̀ до обличенія Талицкаго надлежитъ разказываетъ авторъ *Молотка*, — о томъ могутъ присутствующіе тому еще свидѣтельствовать что на преніи Яворскому Талицкій ни мало не уступалъ, но ругательно пророкомъ Вааловымъ и прочее называлъ, донелѣ же, по прошенію всѣхъ собранныхъ, а паче слыша Яворскаго невозмогающа, пришедъ его императорское величество кратко явными Христовыми словами побѣдилъ и въ раскаяніе привелъ, о чемъ точно при казни онаго еретика во объявленіи, потомъ поученіемъ Яворскаго на день Петра и Павла точно показано было.

* *Камень вѣры.*

* *Молотокъ на Камень вѣры.*

Не можетъ же кто сказать чтобъ то по принужденію отъ него: ибо оное сказывалъ въ небытность его, въ Польшѣ 1708 году, о чемъ, можетъ, оный монархъ и потомъ не вѣдалъ, въ толикихъ трудахъ и подвизѣхъ пребывая".

Едва ли можно приписать случайности что Яворскій, столь настойчивый и, какъ увидимъ, до опрометчивости неугомонный въ преслѣдованіи людей враждебнаго ему направленія, оказывался вялымъ и безсильнымъ, исполняя навязанную ему обязанность обличать темныхъ людей, видѣвшихъ въ Петрѣ антихриста. Толки о кончинѣ міра, о появленіи антихриста родились въ невѣжественной средѣ приверженцевъ старины съ первыми попытками Московскихъ государей распространить въ Россіи иноземное просвѣщеніе, они росли и крѣпли съ каждымъ ударомъ который наносился Петромъ Великимъ старинѣ. Преобразованія въ церковномъ управленіи, сиротство, а потомъ и упраздненіе патріаршаго престола, всѣ новыя законоположенія, коими Петръ, по выраженію современныхъ ему старовѣровъ, „восхищалъ на себя царскую, святительскую и Божію власть, дѣлался самовластнымъ пастыремъ, единою безглавною главой надо всѣми", *—все это укрѣпляло въ извѣстной средѣ мысль что Петръ — противникъ Христовъ, антихристъ. Яворскій, ближе всѣхъ стоявшій къ великому и священному въ глазахъ народа сану патріарха, въ честолюбивыхъ мечтахъ своихъ могъ лелѣять мысль о возстановленіи патріаршества въ прежней силѣ; эта надежда не покидала многихъ русскихъ іерарховъ и много лѣтъ спустя послѣ смерти Петра, Стефанъ, говорятъ, „крайнимъ прилежаніемъ трудился, како бы возмогъ чинъ и власть патріарха получить, для котораго дары многимъ роздалъ великіе, а инымъ обѣщалъ". ** Учрежденію синода Яворскій „весьма противился и черезъ долгое время подписать (Духовный Регламентъ) отрицался, отговариваяся немощьми, иногда же яко бы неяснымъ нѣкоторыхъ пунктовъ истолкованіемъ; но наконецъ, побѣжденъ отъ его величества, которому противиться не смѣя, съ великою горестію подписался, жалѣя что такъ долго ожидаемаго патріаршества лишился. *** Между тѣмъ каждое нововведеніе Петра въ сферѣ церковнаго управленія разочаровывало властолюбивыя надежды

* Чистовича, *Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время*, стр. 59.

** *Молотокъ на Камень вѣры.*

*** *Молотокъ на Камень вѣры.*

мѣстоблюстителя патріаршаго престола; его власть суживалась постепенно, прерогативы патріарха одна за другою ускользали изъ рукъ его: царь „восхищалъ власть патріаршескую и Божескую“. При самомъ назначеніи Стефана мѣстоблюстителемъ, уничтоженъ патріаршій приказъ; 31го января 1701 года учрежденъ монастырскій приказъ и управленіе имъ поручено графу Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину, въ его же завѣдываніе поступили патріаршій и архіерейскій домъ, монастырскія дѣла и имѣнія. Въ 1709 году, Петръ, можетъ-быть вслѣдствіе жалобъ Яворскаго, писалъ Ромодановскому: „Архіерея рязанскаго, также брата, и прочихъ дому ево служителей, прикажи вѣдать всякими дѣлами въ одномъ монастырскомъ приказѣ, а въ другіе ни въ которые волочить не вели, и въ нашихъ приказахъ, кромѣ только государственныхъ дѣлъ, ихъ не вѣдать.“ * Мѣстоблюститель увидалъ себя подъ вѣдѣніемъ бывшаго астраханскаго воеводы; онъ не стерпѣлъ этого униженія, и въ Чудовѣ монастырѣ, на новый 1710 годъ, сказалъ проповѣдь прямо направленную на Мусина-Пушкина. Произнося это поученіе, Яворскій, говорятъ, „отъ ярости забывалъ свой санъ и мѣсто гдѣ стоялъ“. ** Намеки конечно были поняты; ждали недобрыхъ послѣдствій для Стефана, который своею проповѣдью косвенно задѣвалъ новое распоряженіе царя. Друзья старины встрепенулись. Царевичъ Алексѣй Петровичъ, любезный Яворскому и его приверженцамъ, писалъ своему духовнику изъ Дрездена: „Прошу изволь то казанье, буде напечатано, что рязанскій въ Новый годъ сказывалъ, прислать.“ Въ другомъ письмѣ царевичъ проситъ своего духовника: „Такожде о Рязанскомъ пиши что съ нимъ будетъ дѣлаться.“*** Гроза, впрочемъ, прошла на этотъ разъ мимо Стефана; но въ Духовный Регламентъ занесено было впослѣдствіи запрещеніе поносить кого-либо персонально въ проповѣдяхъ. Это запрещеніе вызвано было поученіемъ Яворскаго. **** Духовный Регламентъ осудилъ личные намеки въ проповѣдяхъ въ такихъ рѣзкихъ выраженіяхъ: „Обычай нѣкіимъ проповѣдникамъ есть, аще кто его въ чемъ прогнѣ

---

* *Дѣянія Петра Великаго*, XII, 69.

** *Молотокъ на Камень вѣры.*

*** *Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ*, 1861, кн. III, отд. II, стр. 41 и 42.

**** *Молотокъ на Камень вѣры.*

витъ, на проповѣди своей мстить оному, хотя *не именно* терзая славу его, обаче такъ говоря что можно слышателемъ знать о комъ рѣчь есть: и таковые проповѣдники самые бездѣльники суть." Проповѣдь Яворскаго, не разъ становившаяся выраженіемъ личныхъ отношеній его, тѣмъ сильнѣе дѣйствовала на слушателей что проповѣдникъ усвоилъ себѣ особенную манеру произносить поученія. Сочинитель *Молотка на Камень вѣры*, крайне нерасположенный къ Яворскому, говоритъ о его проповѣдническомъ талантѣ слѣдующее: „Что̀ витійства касается, правда что имѣлъ удивительный даръ, и едва подобные ему во учителяхъ россійскихъ обрѣстися могли: ибо мнѣ довольно случися видѣть въ церкви, что онъ могъ во ученіи слышателей привесть—*плакать или смѣяться*, которому *движеніе его тѣла и рукъ*, ломаваніе очей и лица премѣненіе весьма помоществовало, которое ему природа дала. Онъ, когда хотѣлъ, то часто отъ ярости забывалъ свой санъ и мѣсто гдѣ стоялъ." Духовный Регламентъ несомнѣнно имѣлъ въ виду Яворскаго, осуждая такими словами театральную и изысканную декламацію проповѣдей: „Не надобно проповѣднику *шататься вельми*, будто въ суднѣ весломъ гребетъ. Не надобно *руками спляскивать*, въ бока упиратися, подскакивать, *смѣяться*, да не надобѣ и *рыгать*; но, хотя бы и возмутился духъ, надобѣ, елико мощно, унимать слезы: вся бо сія лишняя и неблагообразна суть и *слышателей возмущают*ъ."

Между проповѣдями Яворскаго найдется довольно похвальныхъ словъ Петру; но они представляютъ лишь офиціальный панегирикъ царю, а не искреннюю похвалу преобразователю. Напротивъ, многія поученія Стефана ни своимъ тономъ, ни своимъ направленіемъ не соотвѣтствовали видамъ Петра и „за многіе въ нихъ соблазны" были запрещаемы. *

У польскихъ іезуитовъ Яворскій перенялъ способъ маскировать оппозиціонный духъ проповѣдей; онъ часто употреблялъ въ своихъ поученіяхъ „вымышленные примѣры," говорилъ притчами.

---

* Свидѣтельство *Молотка на Камень вѣры*. Мусинъ-Пушкинъ писалъ Поликарпову, 9го мая 1715 года: „Книги которыя ты взялъ у рязанскаго Стефана митрополита нынѣ не печатай, донджеже исправитъ, когда будетъ на Москвѣ; а какъ исправитъ, о томъ ко мнѣ отпиши." *Собраніе писемъ къ Поликарпову*, въ Типографской библіотекѣ, № 1.349, л. 251. Не о проповѣдяхъ ли Яворскаго идетъ здѣсь рѣчь?

Такъ, въ *Словѣ въ недѣлю вторую по Святомъ Дусѣ*, Стефанъ проводитъ такую параллель: „Второе подобіе людей съ рыбами: рыба рыбу снѣдаетъ. И аще бы иного рода, напримѣръ, аще бы щука линя, либо карася, либо окуня ѣла, то бы еще не дивно, а то своего рода: щука щуку, бо́льшая мéньшую, снѣдаетъ, пожираетъ. Велiе воистину суровство, которое и между звѣрями земными не бываетъ!... Но мы рыбамъ не дивимся: тiи бо суть безсловесніи; то паче, что у насъ, людей разумныхъ, тоежъ дѣлается. О коль многія нынѣ обрѣтаются острозубыя щуки, которыя мéньшихъ щучекъ бѣдныхъ снѣдаютъ, пожираютъ! Чтò вы творите, безмилосердые человѣки? Смотрите кого снѣдаете; зрите на кого гортань отверзаете! Се есть родъ вашъ! Единаго есте рода и ничимъ же разнствуете, только тѣмъ что ты—большая щука, а той—мéньшая; ты — щука сильнѣйшая, а той — щука бѣдная, безсильна. Но даромъ рыба рыбу снѣдаетъ, щука щуку безъ милосердія пожираетъ, снѣдающіи люди вмѣсто хлѣба! Постойтежь только, острозубыя щуки! Не имате вы милосердія надъ меньшими щуками, не будетъ и надъ вами милосердія, егда вамъ съ ножемъ своимъ изощреннымъ смерть заглянетъ въ очи: *нѣсть милости не сотворшему милости!* И сія то есть вина, слышателіе, что всякъ человѣкъ, егда видитъ рыбу убиваему, рѣжему и на части раздробляему, не имѣетъ никогда сожалѣнія надъ убіеніемъ ея, рѣзаніемъ и заколеніемъ. Надъ иными животными, егда ихъ убиваютъ, или ѣдятъ, обычно есть человѣку имѣти нѣкое сожалѣніе. Рѣзникъ, егда быка, корову, тѣля убиваетъ, имѣетъ нѣкое сожалѣніе, либо онъ, либо люді на то смотрящіи, ловаръ—курицу, либо гуся рѣжетъ, и ту бываетъ нѣкое смотрящихъ сожалѣніе; хортъ зайца угонитъ, начнетъ терзати, и тужь найдется такій чтò надъ бѣднымъ зайцемъ имѣетъ сожалѣніе. А надъ рыбами отнюдь сожалѣнія не бываетъ: начнетъ ловаръ рѣзати рыбу, распластывать, на части раздѣлять, въ окрогъ врѣющій, на сквраду, на роженъ влагати; а кто надъ рыбою имѣетъ сожалѣніе? Никтоже! Для чего жь надъ звѣрями земными убиваемыми есть сожалѣніе, а надъ рыбами нѣтъ? Для того: ибо звѣріе звѣрій своего рода не снѣдаютъ, имѣютъ надъ ними поща́деніе; аще и могутъ большій меньшего снѣсти, не снѣдаютъ, но имѣетъ надъ нимъ сожалѣніе. Для того такожде и отъ людей при своихъ бѣдствахъ имѣютъ сожалѣніе звѣріе земные, а рыбы надъ рыбами своего рода никакова не имѣютъ сожалѣ-

нія и пощаденія. *Нѣсть милости не сотворшему милости!* О рыбы словесныя, которыя снѣдаете меньшія рыбы! вѣсте ли что̀ васъ ожидаетъ?“ * Стефанъ ведетъ свое сравненіе людей съ рыбами далѣе: „Отъ головы начинаетъ рыба смердѣть, отъ *начальниковъ* множицею *въ собраніяхъ* бѣдство. А кто виновенъ бѣдству оной прекрасной Сусанны? Главы, старѣйшины, судіи израильскіи. А кто виноватъ распятію Христову неповинному? Главы, архіерее, книжники, фарисеи и весь синклитъ іудейскій. Кратко рекше: отъ главы — рыбы, отъ начальниковъ — многажды собранія растлѣваются, согниваютъ, погибаютъ.“ ** Въ подобные образы Яворскій облекалъ то чего не смѣлъ высказать ясно и опредѣленно, что̀ не рѣшался назвать собственнымъ именемъ. Въ устахъ воспитанника іезуитовъ и слѣдующій примѣръ одной проповѣди Яворскаго могъ имѣть особенное примѣненіе къ извѣстнымъ личностямъ. Слонъ (говоритъ Стефанъ), когда приходитъ къ водѣ пить, возмущаетъ ее чтобы не видать своей мерзости. То же дѣлаетъ и верблюдъ. Также поступаютъ и тѣ которые обличаемы бываютъ проповѣдію: „возмущаютъ ю, да не увидятъ себе и своя прегрѣшенія, да мерзостей и дѣлъ своихъ беззаконныхъ не увидятъ. Бяше сицевъ верблюдъ Иродъ четверовластникъ, иже, егда слыша Іоанна Крестителя иныхъ обличающа о сицевыхъ вещахъ которыя до его не касахуся, въ сладость послушаше его. Когда глаголетъ Іоаннъ: пресвѣтлѣйшій государь! въ томъ дому сходятся льяницы, картежники, блудники, убійства, татьбы, клеветы творящіи: слушаетъ его въ сладость Иродъ, абіе посылаетъ слуги, разгоняетъ безчинниковъ, разсыпаетъ, казнитъ. Глаголетъ Іоаннъ: тамо на прельщеніе многимъ творятся соблазны, тамо младіи безчинствуютъ, тамо безвременные крики и волпи. На сіе Иродъ: разрушу совѣты ихъ, вскорѣ соборище ихъ искореню, заключу въ темницахъ. Глаголетъ Іоаннъ: невинніи страждутъ, въ узахъ и оковахъ напрасно заключени; многихъ бьютъ напрасно на правежѣ; мнози обидими отъ сильнѣйшихъ. Глаголетъ

* Рукописный сборникъ проповѣдей Стефана Яворскаго въ Московской Типографской библіотекѣ, № 1599, л. 45. Въ печатномъ изданіи, которое набиралось съ этой рукописи, приводимое мѣсто значительно сокращено и передѣлано; а другія проповѣди Яворскаго въ печати мѣстами смягчены.

** Ср. *Проповѣди Стефана Яворскаго.* (М. 1804), часть I, стр. 208.

Иродъ. осужду, испущу, свобожду ихъ. Коснуся послѣ Іоаннъ и самаго безобразія Иродова, осяза раны его, открыгробъ его мерзостнѣйшій: ваше величество! ты и самъ еси отъ другихъ злѣйшій; понеже ты подданнымъ своимъ злѣйшій образъ подаеши, отъ тебя мнози соблазняются. Почто ты удерживаеши жену братнюю? Не подобаетъ тебѣ держати жену брата твоего. Здѣ Иродъ тотчасъ говоритъ Іоанну: молчи! въ темницу его! За дерзость казнь да пріиметъ! Мѣшаетъ чистую воду проповѣди, кто не слушаетъ слово Божіе въ терпѣніи.“ * Духовный Регламентъ не оставилъ безъ вниманія и этой стороны проповѣдей Яворскаго: онъ требуетъ чтобы проповѣдникъ прилѣжно читалъ книги Святаго Іоанна Златоустаго, „а казнодѣишковъ легкомысленныхъ, каковы напаче польскіе бываютъ, не челъ бы.“ Подъ покровомъ лолобныхъ притчей проповѣдникъ могъ бросать съ церковной каѳедры укоры и насмѣшки своимъ недругамъ и оставлять себѣ выходъ къ оправданію; потому „въ уставѣ духовномъ, — свидѣтельствуетъ авторъ *Молотка*, — накрѣпко его величество запретилъ, дабы (проповѣдникъ) *сказокъ и притчъ вымышленныхъ* въ поученіяхъ не употреблялъ и персонально поносить никого не дерзалъ.“

Въ 1711 году, нанесенъ былъ новый ударъ власти мѣстоблюстителя патріаршаго престола. 5го марта, Петръ далъ новоучрежденному сенату указъ, въ коемъ между прочимъ повелѣвалось „выбрать оберъ-фискала, человѣка умнаго и добраго.“ Онъ долженъ былъ „надъ всѣми дѣлами тайно надсматривать и провѣдывать про неправый судъ, такожъ въ сборѣ казны и прочаго, и кто неправду учинитъ, то долженъ фискалъ позвать предъ сенатъ (*какой высокой степени ни есть*) и тамо его уличать. И буде уличитъ кого, то половина штрафа въ казну, а другая ему, фискалу; *буде же и не уличитъ, отнюдь фискалу въ вину не ставить*, ниже досадовать, подъ жестокимъ наказаніемъ и разоренiемъ всего имѣнія; такожъ надлежитъ ему имѣть нѣсколько подъ собою провинціалъ-фискаловъ, у каждаго дѣла по одному, которые еще подъ собою нѣсколько нижнихъ имѣютъ, которые во всемъ имѣютъ такую же силу какъ и оберъ-фискалъ“ и т. д. ** Въ августѣ того же года, оберъ-фискалу предписано было смотрѣть надъ судьями въ патріаршемъ и архіерейскихъ приказахъ. *** Многіе

* *Проповѣди Стефана Яворскаго*, часть II, стр. 138—139.

** *Дѣянія Петра Великаго*, XII, 284.

*** Тамъ же IV, 54.

епископы встрѣтили это нововведеніе рологомъ, видя въ немъ посягательство на независимость церковнаго суда, на *Кормчую*, на соборныя постановленія. Одинъ изъ горячихъ приверженцевъ Яворскаго, человѣкъ одного съ нимъ духа, новгородскій митрополитъ Іовъ, писалъ Римскому-Корсакову въ 1713 году: „Фискаломъ, аще и домогаются они, пишуще объ отказѣ на мя, чтобъ имъ надсматривать въ нашихъ приказѣхъ, обаче имъ не надлежитъ у меня быти и надсматривати; понеже азъ самъ отъ Бога посланный на престолъ святѣйшія сея во управленіе епархіи архипастырь есмь, и судія, и рѣшитель по законамъ Божіимъ, царскимъ же и правильнымъ.... И будетъ имъ, таковымъ неукамъ и весьма неприказнымъ и глупымъ людямъ, пребывать при мнѣ, и мѣсто имъ дать надсматривать, то уже мнѣ, и приказнымъ нашимъ что дѣлать будетъ? Развѣ и церковь отдать имъ, фискаламъ, подъ надзирательство? Фискаломъ у дѣлъ нашихъ духовныхъ непристоитъ быти. Отъ вѣка сего не слыхано, ниже повѣдаша намъ отцы наши, что надъ церковію и надъ штрафы на насъ приказными управленьми нашими фискальствовать и неправедныя имъ штрафы на насъ чрезъ законы взимать.“ Въ заключеніи письма, Іовъ напоминаетъ что, напротивъ, по законамъ царскимъ, какъ греческимъ, такъ и россійскимъ, повелѣно повсюду при воеводахъ быть епископскимъ тіунамъ: Іовъ ссылается на историковъ Константина Великаго, на церковный уставъ Владиміра Святаго, на законоположенія царя Іоанна Васильевича всея Руси.... * Яворскій пошелъ дальше Іова. На второй недѣлѣ Великаго поста, въ 1712 году, онъ произнесъ въ Успенскомъ соборѣ проповѣдь, въ которой всенародно высказалъ то что шевелилось на языкѣ многихъ епископовъ того времени. Коснувшись указа о фискалахъ, Яворскій *кричалъ народу:* ** „Законы человѣческіе о коликое имутъ разстояніе отъ закона Божія! Законъ Господень непороченъ, а законы человѣческіе бываютъ порочны! А какой ми то законъ напримѣръ: поставити назирателя надъ судами и дати ему волю, кого хочетъ обличити, да обличитъ; кого хочетъ обезчестити, да обезчеститъ; поклепъ сложить на ближняго судію—вольно то ему; а хотя того не доведетъ о чемъ на ближняго своего клевещетъ, то за вину не ставить, о томъ ему и слова не гово-

* *Странникъ*, 1861, томъ I, 112.

** Собственное выраженіе Яворскаго объ этой проповѣди, въ письмѣ къ Петру.

рить: вольно то ему. Не тако подобаетъ симъ быти: искалъ онъ моей главы, поклепъ на меня сложилъ, а не довелъ: пусть положитъ свою главу; сѣть мнѣ скрылъ, пусть самъ ввязнетъ въ узкую; ровъ мнѣ ископалъ, пусть самъ владетъ въ онь, сынъ погибельный, чужею бо мѣрою мѣрите. А то какова слова ему ни говорити, запинаетъ за безчестіе. А какой же законъ лороченъ или нелороченъ, разсуждайте сами: я о законѣ Господнѣ глаголю". * Проповѣдникъ говорилъ о казняхъ Божіихъ, которыя постигаютъ разорителей закона Божія, преступниковъ Божіихъ заповѣдей. Слушатели не могли не понять кого касалось это старовѣрческое обвиненіе, послѣ того какъ Яворскій прямо сказалъ: „Того ради не удивляйтеся что *многомятежная* Россія наша доселѣ въ кровныхъ буряхъ волнуется; не удивляйтеся что по толикихъ смятеніяхъ доселѣ не имамы превожделѣннаго мира Миръ есть сокровище неоцѣненное; но тіи только симъ сокровищемъ богатятся которые любятъ Господень законъ; а кто законъ Божій разоряетъ, отъ того миръ далече отстоитъ." Въ заключеніе своего слова, Яворскій склонялъ симпатіи слушателей къ царевичу Алексѣю Петровичу, находившемуся тогда за границей. Называя его „единою нашею надеждою", проповѣдникъ противополагалъ царевича *„особеннаго заповѣдей Божіихъ хранителя, истиннаго раба Христова"* **, тѣмъ „разорителямъ закона Божія и преступникамъ Божіихъ заповѣдей" въ которыхъ не могъ не узнать себя Петръ и дѣятельные пособники его реформы. Царя не было въ Москвѣ когда сказана была эта тенденціозная проповѣдь, въ которой такъ живо сказалось сочувствіе мѣстоблюстителя къ старинѣ и къ тому въ комъ многіе ждали увидать нѣкогда ея возстановителя. Недовольные казаньемъ Яворскаго сенаторы переслали слово его царю. Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій и другіе говорили что „не слѣдовало ему, архіерею, о царевичѣ государѣ жалости публично произносити и фискаловъ поносити, которые учинены по волѣ государевой, отчего де можетъ въ народныхъ сердцахъ родитися мятежъ." *** Самъ царевичъ испугался слишкомъ от-

* Устряловъ, *Исторія царствованія Петра Великаго*, VI, 31.

** Тамъ же, стр. 30—32.

*** *Записка о дѣлѣ Тверитинова*, весьма пристрастная къ Стефану, оправдывая Яворскаго, излагаетъ и содержаніе проповѣди, и ходъ дѣла о ней невѣрно. „Оный преосвященный митрополитъ отправлялъ въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, на день Алексѣя Человѣка

кровенной антитезы которую поторопился высказать Яворскій. Узнавъ о проповѣди Яворскаго въ Померанiи, царевичъ, въ iюлѣ того же года, писалъ своему духовнику: „Понеже рязанскій у рождшаго мя за нѣкакія казанія есть въ ненавидѣнiи великомъ, и того ради мнѣ писать къ нему опасно, а говорятъ что ему быть отлучену отъ сего управленія, въ немъ же есть. и *того ради вамъ легчая сіе чрезъ кого-нибудь дѣлать;* а я совѣтую чтобъ вамъ съ симъ человѣкомъ съ опасностію обходиться не въ коротцѣ, чтобъ не причинился какой вредъ.“ Яворскій былъ „знакомѣе“ другихъ архіереевъ съ царевичемъ; Алексѣй Петровичъ хвалилъ его за проповѣдь о разорителяхъ закона Божія, но послѣ нея „корреспонденцію съ нимъ пресѣкъ и къ нему не ѣздилъ и къ себѣ не пускалъ его, чтобъ не подать тѣмъ подозрѣнія.“ * Царь прочелъ проповѣдь Яворскаго и „улучивъ архіерея, спрашивалъ: для чего онъ тако въ проповѣди произносилъ чего не надлежало? И архіерей, якоже возмогъ, тако извинялся; а потомъ уже съ великою клятвою доносилъ что говорено было безо всякія хитрости и безъ наклоненія возбужденія, но просто.“ ** Яворскаго пригласили въ сенатъ, гдѣ со стороны духовенства присутствовалъ одинъ только александроневскій архимандритъ Ѳеодосій; „поборая по правдѣ“, онъ не принялъ стороны Стефана, и этого Яворскій никогда не могъ простить ему. *** Въ письмѣ къ царю, свидѣтельствуясь Богомъ,

---

Божія проповѣдь. А въ этой проповѣди между другими поучительными словесы похвалялъ его царское величество (!) и сына государева, государя царевича Алексія Петровича, въ день тезоименитства его, ему же, государю царевичу, бывшу тогда въ европскихъ краяхъ; и, похваляя его, жалость объ немъ имѣлъ, яко онъ удалился отъ своего отечества, по волѣ отца его и государя, ради полезныхъ наукъ. Да въ той же проповѣди произносилъ нравоучительно, дабы слышатели пребывали благоговѣйно, праведно, безобидно и не ябедническы, яко же нѣкіи ябедники препростыхъ и смиренныхъ сердцемъ приказными дѣлами обижаютъ или разоряютъ напрасно, или якоже и фискалы многажды доносятъ, не усмотрѣвши подлинно и неправедно и тѣмъ разоряютъ и невинныхъ; *тако учаше, яко надлежитъ проповѣдникамъ слова Божія*.... Сенаторы по времени донесли его царскому величеству, а *можетъ-быть, и съ прибавленіемъ*.“

* *Объявленіе розыскнаго дѣла и суда на царевича Алексѣя Петровича.* Спб. 1718.

** *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

*** Ѳеодосій впослѣдствіи писалъ Петру Великому что „рязан-

что онъ и въ помышленіи не имѣлъ „дерзновеніемъ касаться царской чести и возмущать народъ на бунтъ и мятежъ“, Яворскій поддерживалъ свое убѣжденіе о незаконности фискаловъ въ духовныхъ судахъ. „Ставятъ мнѣ (писалъ онъ) за вину то что̀ я говорилъ о фискалахъ, *которымъ дали власть надо мною* и надъ приказомъ духовнымъ съ таковою вольностію что мощно фискалу, кого хощетъ, обезчестити и обличити, и хотя того фискалъ не доведетъ о чесомъ на ближняго своего клевещетъ, то ему то за вину не вмѣняти и слово ему за то не говорити. О семъ я говорилъ что не подобаетъ симъ тако быти и въ архіерейскихъ судахъ фискалу быти не обычно и не пристойно.“ *

Сенаторы, говорятъ, запретили Яворскому говорить проповѣди; ** запрещеніе это, конечно, не имѣло особеннаго значенія для Стефана; *** но Петръ, не положивши гнѣва на него „политично“, **** окончательно охладѣлъ къ мѣстоблюстителю патріаршаго престола; быть-можетъ, онъ уже убѣдился (какъ увѣряетъ авторъ *Молотка*) что „во ономъ мѣшкѣ не заяцъ, но лисица имѣлась.“ Таковы были отношенія Яворскаго къ царю, когда рязанскій митрополитъ поднялъ дѣло о московскихъ „еретикахъ.“ Это было въ 1713 году.

Двѣнадцать лѣтъ спокойно прожилъ Тверитиновъ въ Москвѣ; его мнѣнія давно извѣстны были правительственнымъ и вліятельнымъ духовнымъ лицамъ въ Москвѣ, не исключая и самого начальника монастырскаго приказа. Въ 1710 году, шуринъ Тверитинова, монахъ Пафнутій, оставилъ свой монастырь и прибылъ въ Москву. Цѣлый годъ твердилъ Пафнутій на Москвѣ что зять его Димитрій еретикъ, а Тверитинова не трогали. Лишь въ 1711 году, † купецъ Иванъ Короткой

скій архіерей гнѣвается на него (Ѳеодосія) за конференцію о поученіи, на которой изъ духовныхъ былъ только онъ, гдѣ и приразился Стефану.“ Соловьева, *Исторія Россіи*, XVI, 365.

* Чистовичъ, *Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время*, стр. 62.

** „Господа сенаторы.... мнѣ отселѣ запретили казанья говорить“, пишетъ Яворскій царю, 21го марта, черезъ три дня послѣ произнесенія проповѣди о фискалахъ. Устряловъ, *Исторія царствованія Петра Великаго*, VI, 30.

*** „Оттолѣ умолчахъ и впредь молчати готовъ есмь“, пишетъ Яворскій Петру, въ 1715 году. *Рукопись Рязанской семинаріи*, N 83, л. 1040.

**** *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

† Показаніе Магницкаго въ слѣдственномъ дѣлѣ.

привелъ Пафнутія къ извѣстному составителю ариѳметики—Леонтію Магницкому: „оба сказали ему про него, еретика Димитрія“; мало того „*многажды* показали Димитрія въ словопреніяхъ Магницкому“; * послѣдній донесъ на Тверитинова вице-губернатору Василію Ершову. Этотъ, въ свою очередь, пригласилъ Тверитинова къ себѣ, какъ будто для пользованія отъ болѣзни, услыхалъ отъ него *всякіе противные разговоры*; однако Димитрія „*не раздражалъ*, но началъ его къ себѣ *привабливати пріятствомъ*, дабы, его освидѣтельствовавъ, показати кому надлежитъ.“ Михайло Андреевъ Косой „*давно былъ вхожъ* къ вице-губернатору Ершову по фискальскимъ дѣламъ“, бывалъ у него въ деревнѣ; Магницкій зналъ его еще съ 1704 года, зналъ ** что онъ „зѣло дерзновенно противится православнымъ“. Ершовъ часто журилъ Косаго за его мнѣнія; „часто имѣлъ съ Михайлою Андреевымъ разговоры о догматахъ;“ Михайло иногда колебался въ мнѣніяхъ, но Тверитиновъ „утверждалъ“ его и Михайло „являлся горшимъ хульникомъ“. Все это давно извѣстно было Ершову и Магницкому; они восемь лѣтъ не поднимали объ этомъ дѣла и только въ концѣ роковаго для Яворскаго 1712 года, когда открытое нападеніе на фискаловъ обрушилось на голову самого обвинителя, убѣдились что *фискалъ* Михайло Косой еретикъ, стали совѣщаться какъ бы таковому злу возбранить, и присовѣтовали учинить тому Магницкому у себя обѣдъ и созвать нѣкоторыхъ, особенно таковыхъ *которые бы могли въ разговорахъ силу знать*, и Ершову съ собою привести Димитрія для разговору *при тѣхъ званныхъ* ***.

Предположенный обѣдъ состоялся 26го января 1713 года. „Званные“ собрались; привезены были Тверитиновъ и Михайло Андреевъ. „Званнымъ“ конечно извѣстно было что лѣкарь „чувствамъ своимъ внимая больше, нежели слову Господню, не вѣрилъ чтобы въ таинствѣ евхаристіи подъ видомъ хлѣба и

---

* *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

** Самъ Магницкій показалъ, 26го сентября 1714 года: „Котораго Михайлу знаю въ прешедшее время, *лѣтъ за десять*, что онъ, Михайла, зѣло дерзновенно противится православнымъ.“ Почему же Магницкій *десять лѣтъ* молчалъ о заблужденіяхъ Михайлы Андреева Косаго, и заговорилъ о нихъ только тогда когда Косой сдѣланъ былъ фискаломъ?

*** *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

вина были плоть и кровь Христова." * И вотъ, стали разговаривать, сначала о святой евхаристіи, потомъ о животворящемъ крестѣ, о святыхъ иконахъ, о постахъ, о различіи братенъ, о преданіяхъ, о мощахъ святыхъ, о призываніи и ходатайствѣ за насъ отшедшихъ святыхъ и о поминовеніи усопшихъ. Разговоры были „крѣпкіе": спорили безъ умолку одиннадцать съ половиною часовъ. Тверитиновъ „нудился отъ всей своей силы" и, когда уже не могъ продолжать споровъ, до того сталъ печаленъ что и „въ лицѣ зѣло испалъ и почернѣлъ." Видя что Тверитиновъ опечалился, и замышляя умножить на него свидѣтелей, Ершовъ обратился къ Магницкому съ словами: Надобно намъ Димитрія любить.—„За что его любить?" спросилъ Магницкій. Ершовъ отвѣчалъ. „Отъ иныхъ ли онъ Димитрій сихъ противностей научился, или отъ себя изобрѣлъ; однакожъ тѣми противностями возбудилъ только разговоровъ, еликихъ я отъ роду своего не слыхалъ, отчего и всѣ мы пользу пріяли и научилися: того ради надобно его всѣмъ любить." Тогда Магницкій сталъ говорить: „Ежели его, Димитрія, за то любить что онъ трудитъ насъ и нудитъ писаніе собирать и памятовать противу его непріятельскихъ разговоровъ, то уже и непріятеля нашего Шведа надобно любити что въ войнѣ съ нимъ уже четырнадцатый годъ наши солдаты пребываютъ и научилися съ нимъ воевать. Да что реку? И измѣнника Мазепу подобнѣ надобно любити, якоже Димитрія: понеже, аще бы не измѣнилъ, и непріятеля, Шведскаго короля, на Украйну не привелъ, то и викторіи таковой, на весь свѣтъ славной, подъ Полтавою мы не получили бы." „Такожде,—сталъ говорить іеродіаконъ Пафнутій—намъ надобно любить и Іуду, христопредателя, понеже аще бы онъ Христа не предалъ Іудеямъ на распятіе,—и тѣмъ всему міру учинися спасеніе." „Подобно (продолжалъ купецъ Иванъ Коротской) надобно любити и діавола, понеже писаніе повѣствуетъ: *многажды и діаволъ спасенію вина бываетъ.*" „Добрѣ,—заключилъ Магницкій,—сплетеся пятивѣнчный вѣнецъ (сирѣчь изъ пяти вѣниковъ): еретикъ, и непріятель Шведъ, и измѣнникъ Мазепа проклятый, и Іуда предатель, и діаволъ, всему міру врагъ! Равнѣ съ ними и Димитрій да почтется!" Тверитиновъ почернѣлъ, какъ земля, но не сказалъ ни слова; а „православные съ веселымъ сердцемъ и осклабленными устами начали Бога благодарить что во всѣхъ раз-

* *Рожнецъ*, л. 73 об.

говорахъ верхъ получили, и *праведно* таковыми жестокими реченіями бесѣду заключили въ укоризну Димитрію, и, выпивши. почитай впервые, по двѣ чарки водки, а пива по стакану, разъѣхались въ самую полночь.“ *

Но „православные“ на самомъ дѣлѣ не были довольны результатами званаго обѣда. Ершовъ и Магницкій пришли къ Стефану Яворскому, который былъ скрытою, но главною пружиной начатаго дѣла, и *„докладывали* ему на еретиковъ, и особенно на Димитрія, что онъ ереси учитель, упорно, и несклонно, и невѣжливо или нечестиво о всей святынѣ разглагольствуетъ“. Архіерей объявилъ что онъ *уже слышалъ объ немъ* и о другихъ его согласникахъ и *о школьникахъ*, ** а слышалъ онъ *словесный же извѣтъ отъ префекта и отъ прочихъ учителей*. „Но надобно,—прибавилъ Яворскій,—*письменное* отъ кого-либо извѣстіе принять, понеже по словесному извѣту таковыхъ дѣлъ дѣйствовать неприлично есть.“ И „мало нѣчто разглагольствуя, Стефанъ *съ сожалѣніемъ* отпустилъ“ Магницкаго и Ершова. ***

Спустя мѣсяцъ послѣ этого разговора, Магницкій съ извѣтомъ на Тверитинова явился къ графу Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину, который тогда изъ сенаторовъ одинъ былъ въ Москвѣ членъ сенатской канцеляріи. Этому начальнику монастырскаго приказа Магницкій донесъ что Тверитиновъ *„не умолкаетъ* разсѣвать плевелы соблазна между неискусными людьми“. Графъ велѣлъ доносителю привести лѣкаря на диспутъ съ нимъ. „Неудобно (отвѣчалъ Магницкій) тебѣ съ нимъ диспуты чинить, понеже онъ зѣло въ словѣ силенъ“. Слова эти попали въ цѣль. Мусинъ-Пушкинъ разсердился: „Какъ я съ нимъ, бѣздѣльникомъ и нешкольнымъ человѣкомъ не могу отъ Писанія диспуты отправить? Чѣмъ онъ силенъ?“ Этого только и нужно было Магницкому. „Дмитрій,—отвѣчалъ онъ,—имѣетъ изъ Библіи и изъ другихъ отеческихъ книгъ

* *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

** Нельзя не обратить вниманія на то что Стефанъ зналъ уже *о школьникахъ* (то-есть Максимовѣ), когда устраивали званый обѣдъ Тверитинову (въ январѣ). Лишь 21го апрѣля префектъ замѣнилъ словесный свой извѣтъ письменнымъ донесеніемъ Яворскому о Максимовѣ. Въ этомъ промежуткѣ сдѣланы были новыя попытки *умножить* свидѣтелей на Тверитинова, и тетради послѣдняго сообщены Мусину-Пушкину.

*** *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

выписки противъ церкви святой, сентенцій съ пятьсотъ, и выучены всѣ на память· ими онъ твои реченія забросаетъ. А ваше сіятельство, аще и довольнаго ума, но къ таковому диспуту не предъуготовленъ." Мусинъ-Пушкинъ потребовалъ выписки Тверитинова изъ Библіи; Магницкій привезъ ихъ къ нему въ тотъ же день. Графъ не одинъ принялся за чтеніе выписокъ; онъ призвалъ къ себѣ судью печатнаго двора Ѳедора Поликарпова. Это былъ одинъ изъ самыхъ жаркихъ сторонниковъ Стефана Яворскаго. Косо смотрѣлъ онъ на сближеніе съ иностранцами. Въ предисловіи къ своему *Славяно-греко-латинскому букварю* Поликарповъ говорилъ: „Сего убо православныя вѣры столпа, апостольскою утверждена проповѣдію и восточными украшенаго догматы, яко да всякъ Россо-греческія церкве сынъ, смотряя основу на греческихъ книгахъ оперту, благоизволилъ всесвятый параклитъ озарити умъ и мысль вѣрнѣйшему святыя православно-каѳолическія вѣры защитнику, любомудрія и трудолюбія взыскателю прилежнѣйшему, благочестивѣйшему великому государю нашему.... Петру Алексіевичу, еже бы утвердити ему своего православія столпъ, Давидову подобенъ, книгами разноязычными, аки щитами, въ защиту церкве оградити." * Поликарповъ еще находилъ нужнымъ объяснять читателю что онъ припечаталъ въ своемъ букварѣ латинскія буквы „не ко вреду", прибавляя:

Душу спасаетъ не языкъ, но вѣра:
Всѣмъ долгъ хранити правыхъ догмъ предѣла....
Лучше своими (книгами) чужихъ уловляти,
Нежели въ чуждихъ самимъ углѣбати.

Въ описываемое время, судья печатнаго двора былъ занятъ составленіемъ россійской исторіи, по повелѣнію Петра Великаго, и треязычнаго лексикона, предисловіе къ которому долженъ былъ написать Стефанъ Яворскій. ** Поликарповъ имѣлъ кромѣ того свои причины неблагосклонно смотрѣть на людей въ обществѣ которыхъ былъ дружески принятъ фискалъ Косой: онъ бралъ взятки съ своихъ подчиненныхъ (за что впослѣдствіи и былъ отрѣшенъ отъ должности директора типографіи). *** Поликарповъ естественно долженъ былъ бояться фискаловъ, и въ 1715 году, онъ даже обратился

* *Букварь славено-грѣко-латинскій*. 1701. Предисловіе, л. 2 об.

** Въ 1716 году, 2го января, Мусинъ-Пушкинъ писалъ Поликарпову что объ эти книгу царю „не очень благоугодны были."

*** Пекарскій, *Наука и литература при Петрѣ Великомъ*, II, 637.

къ Мусину-Пушкину съ просьбою поручить его покровительству губернатора и вице-губернатора, какъ видно изъ слѣдующаго письма графа Ивана Алексѣевича къ Поликарпову: „Да писалъ ты ко мнѣ, отъ 22го дня ноября, что хотятъ тебя щитать фискалы, чего имъ дѣлать не повелѣно; а велѣно имъ только смотрѣть, и буде усмотрятъ въ чемъ твою неправду, то долженъ доносить, а не щитать. И ежели придутъ и станутъ у тебя чего спрашивать, то видя свою правду, имъ не воспрещай; а къ губернатору и вице-губернатору о храненіи мнѣ писать непристойно. А фискаловъ опасатца (приписалъ Мусинъ-Пушкинъ собственною рукою) не для чего, ежели правъ, то всегда бѣзъ опасенія будешъ; а ежели неправедно что̀ учинено, то и безъ фискаловъ надобѣть боятца.“ *

Поликарповъ, по самому положенію своему, справщика, судьи печатнаго двора, долженъ былъ обладать значительными богословскими и церковно-историческими свѣдѣніями. Мусинъ-Пушкинъ пригласилъ его для разбора тетрадей Тверитинова, какъ спеціалиста. Прочитавъ и обсудивъ, при содѣйствіи Поликарпова, выписки лѣкаря изъ Библіи, Мусинъ-Пушкинъ снова просилъ Магницкаго привести къ нему Тверитинова. Магницкій однако отказался исполнить эту просьбу, отговорившись тѣмъ что этотъ по его призыву къ графу не пойдетъ и въ диспутъ при немъ не вступитъ, потому что „въ его домѣ былъ онъ обруганъ великими досадительными рѣчами“. Спустя три дня, Мусинъ-Пушкинъ самъ пригласилъ къ себѣ Тверитинова, и завелъ съ нимъ рѣчь объ иконахъ. Лѣкарь „переговорилъ его такъ скоро, что менѣе чѣмъ въ четверть часа, заставилъ его замолчать“. Говорятъ что Мусинъ-Пушкинъ, оставивъ тогда доводы отъ Священнаго Писанія, сказалъ Тверитинову: „Ты, Димитрій, оставь сіе мудрованіе и не соблазняй народъ; а ежели ты сего не оставишь, то мы тебя распытаемъ.“ ** Тверитиновъ очень вѣжливо замѣтилъ графу:

---

* Собраніе писемъ къ Поликарпову, въ типограф. библіотекѣ № 1.349, л. 265.

** *Записка о дѣлѣ Тверитинова*, написанная въ интересахъ Яворскаго, намѣренно представляетъ въ неблагопріятномъ свѣтѣ поведеніе Мусина-Пушкина, съ которымъ Стефанъ, какъ мы знаемъ, былъ не въ ладахъ. Едва ли графъ угрожалъ Тверитинову пыткой: весь дальнѣйшій ходъ дѣла говоритъ противъ этого; изъ другихъ источниковъ, и между прочимъ изъ вышеприведеннаго показанія Ѳеофилакта Лопатинскаго, видно что Мусинъ-Пушкинъ смотрѣлъ на Тве-

„Ваше сіятельство меня изволили на сей разговоръ понудить.“ Говорятъ такѣе что Тверитиновъ, называя Мусина-Пушкина іудейскимъ судьею, вездѣ говорилъ о своей побѣдѣ надъ нимъ. „Тако-де въ первенствующей церкви іудейскіе судьи, не могши говорить противъ апостоловъ, запрещали имъ говоря: *не запрещеніемъ ли запретихомъ вамъ глаголати о имени семъ*, то-есть Іисусовѣ? Такъ и нынѣшніе судьи: графъ не могъ говорить противъ меня отъ Писанія и теперь запрещаетъ истинную проповѣдь.“ Тогда нѣкоторые будто бы спрашивали Тверитинова: „Если графъ—іудейскій судья, сталобыть ты—апостолъ и проповѣдникъ?“ Лѣкарь же, не обинуясь, отвѣчалъ: — „Такъ, я подлинно апостолъ и проповѣдникъ истины“. *

Какъ бы то ни было, но Мусинъ-Пушкинъ, повидимому, не нашелъ во мнѣніяхъ Тверитинова особенно вреднаго и опаснаго еретичества. Ѳеофилактъ Лопатинскій разказываетъ что однажды при немъ лѣкарь вошелъ къ Мусину-Пушкину. Увидя его, графъ сталъ ему говорить: „Для чего ты сіе затѣваешь? Для чего не перестанешь отъ своего злоумствованія? Бѣдный, бѣдный! Жаль мнѣ тебя! Аще ты не отъ ереси, но отъ любопренія противности сія возновляеши, для чего предъ невѣжами сіе глаголеши? А ради лучшаго своего православія изъявленія отвѣчай на свои тетради.“—„Не могу я,—возразилъ Тверитиновъ,—рѣшить этихъ писаній, которыя собралъ въ свои тетради отъ священнѣйшаго Писанія.“—„Поможетъ отвѣчать тебѣ архимандритъ Ѳеофилактъ“, сказалъ Мусинъ-Пушкинъ. Тверитиновъ замолчалъ. **

Замѣчательно что ни Магницкій, ни Поликарповъ, завѣдывавшій школами, ни слова не уломянули Мусину-Пушкину о томъ что „еретическія“ мысли Тверитинова обнаружились уже въ школьникахъ, хотя о томъ уже было извѣстно отъ пре-

---

ритинова довольно снисходительно. Едва ли, съ другой стороны, и лѣкарю было благоразумно хвастаться своимъ разговоромъ съ графомъ и бранить его.

* *Записка* прибавляетъ къ этому разказу: „Таковъ злобный отступникъ что предъ тѣмъ незадолго, у Магницкаго въ домѣ, тако обличенъ, яко ни въ единомъ догматѣ чтобы верхъ получилъ, и довольно было ему познати свое заблужденіе и обратитися къ матери своей, къ благочестивой церкви, а онъ паче простирашеся.“

** Слѣдств. дѣло.

фекта Стефану Яворскому, извѣстно было Магницкому и не могло быть неизвѣстно Поликарпову.

Мусинъ-Пушкинъ вскорѣ уѣхалъ въ Петербургъ и тамъ, повидимому, позабылъ объ извѣтѣ Магницкаго, или же не придалъ ему никакого значенія, объяснившись лично съ Тверитиновымъ. Отъ 17го мая, онъ писалъ Поликарпову изъ Петербурга:

„Ѳедоръ Поликарповичь, здравствуй!

„Выпиши іс толкования Корнѣли Оляпѣды на второе посланіе Петрово на послѣднею главу і пришли ко мнѣ на словенскомъ языке. Скажи искусно отцу Лопагинскому· великіі государь милость къ нему имѣетъ, а на Крутицы не пускаетъ, понеже лутчаго ему хощетъ. Полъ Василей, чтò былъ ключарь, а нынѣ въ Галандіі, много премудрости навыкъ; но иная причина не допускаетъ, понеже все съ собою за пазухою кошку носитъ. А сказываетъ что изъ человѣка выходитъ душа въ кошку; и вси видящіи ругаются ему, а наши стыдятся имъ и хотятъ отпустить его къ Архангельскому городу, а отъ такова глупова своего мнѣния чаютъ, что отшелъ ума; а во иныхъ словахъ не показуется безуменъ, токмо кошка. Я не видалъ нигдѣ въ писмѣ и ни слышахъ чтобъ душа человѣческая въ кошку преходила. Были дураки нѣкогорые Еллене во мнѣніі, яко преносится отъ человѣческаго тѣла до другихъ животныхъ, а не особливо въ кошку. Василѣй же превзыдѣ старыхъ дураковъ въ таковыхъ мысляхъ, особливо дадѣ кошке силу приятия души человѣческие. Сие пишу ни для какие нужды, токмо глупство новаго философа показую. Вашей милости всякихъ благъ желатѣль, граѳъ Иванъ Мусинъ-Пушкинъ.“ *

Въ Москвѣ въ это время уже шло дѣло о своихъ „новыхъ философахъ“. 21го апрѣля, префектъ славяно-лагинскихъ школъ, Іоасафъ, подалъ Стефану письменное доношеніе ** что ученикъ философіи, Иванъ Максимовъ, *„не знаю откуда* изучися еретичества, а именно иконоборства, и въ непочитаніи святыхъ Боліихъ угодниковъ, также гнушается церковью каѳолическою апостольскою, и многихъ къ себѣ привернулъ на люторскую и кальвинскую вѣру, такихъ же ученій научилъ какихъ и самъ изученъ отъ отца своего діавола; и отъ того

* Письма къ Поликарпову, л. 220.

** *Записка о дѣлѣ Тверитинова* прибавляетъ что, еще прежде Іоасафа, игуменъ Добринской пустыни, Рувимъ, слышавъ негдѣ въ компаніи отъ Ивана Максимова хулы на церковные догматы, подалъ доношеніе Яворскому.

его, Иванова, ученія творится великая соблазнь прочимъ ученикамъ". Максимова взяли для допроса въ патріаршій приказъ; школьникъ не сознавался въ обвиненіяхъ на него взведенныхъ. Стефанъ приказалъ держать Максимова въ колодничьей палатѣ, при патріаршемъ дворѣ, за крѣпкимъ карауломъ. Въ то же время сдѣлана была новая попытка „пріумножить свидѣтелей" на Тверитинова. У симоновскаго архимандрита Петра устроенъ былъ обѣдъ, къ которому приглашены были архимандритъ Ѳеофилактъ Лопатинскій, вице-губернаторъ Ершовъ и „другія знатныя персоны". Ершовъ привезъ съ собой Тверитинова. Надѣялись что лѣкарь непремѣнно станетъ спорить; знали что онъ „имѣлъ незатыкаемыя уста и въ компаніяхъ не могъ быть безъ противныхъ разговоровъ". Но Тверитиновъ замѣтилъ поставленную ему западню: онъ „ничего же восхотѣ говорити". Ершовъ и другія персоны „понудили" Тверитинова принять участіе въ бесѣдѣ; но онъ говорилъ „осторожно и вѣжливо". Попытка Ершова снова не удалась: „ничего въ той компаніи въ свидѣтельство надъ Тверитиновымъ не получили, но еще тѣмъ и оправданьице ему заготовили принужденіемъ въ разговоръ". Тогда Стефанъ прибѣгнулъ къ рѣшительной мѣрѣ: 30го апрѣля онъ велѣлъ отослать Максимова въ преображенскій приказъ для пытки. Когда наконецъ пытка заставила Максимова оговорить Тверитинова, торговаго человѣка Никиту Мартынова, торговаго человѣка Михайлу Минина, фискала Михайлу Андреева и цирюльника Ѳому Иванова, тогда только увѣдомилъ Поликарповъ Мусина-Пушкина о появленіи между школьниками „новыхъ философовъ"; но Поликарповъ, повидимому, писалъ графу коротко, въ общихъ выраженіяхъ и, что особенно важно, ни слова не упомянулъ о человѣкѣ на котораго взводилось главное обвиненіе—о Дмитріи Тверитиновѣ. Мусинъ-Пушкинъ отвѣчалъ на это увѣдомленіе слѣдующимъ письмомъ:

„Ѳедоръ Поликарповичь, здравствуй!

„За писаніе твое благодаренъ и впредь, прошу, не оставь. Писалъ ты ко мнѣ о новыхъ философахъ, Иванѣ* да Ѳадѣе, Дмитрѣеве брате **, что взяты они въ Преображенское, а по

* То-есть Максимовѣ.

** Родной братъ Тверитинова, Ѳаддей, умеръ, кажется, во время производства слѣдствія надъ ними. Записка замѣчаетъ коротко: „Ѳаддей за нестерпимыя хулы Пресвятыя Богородицы пріялъ достой-

какому дѣлу неведомо, і ты справся подлинно, отъ какова звания они взяты і о томъ ко мнѣ отпиши подлинно. Вашей милости доброжелатѣль, графъ Иванъ Мусинъ-Пушкинъ. Изъ Санктъпетербурха, мая 26 дня 1713 году. Пришли вѣдомость школникомъ сымяннымъ спискомъ, что̀ ихъ въ какихъ школахъ учится."

Въ Преображенскомъ, Тверитиновъ показалъ что оговоренъ Максимовымъ, вѣроятно, по наученію архимандрита Ѳеофилакта Лопатинскаго; что дѣйствительно „въ домъ къ нему, Ивану, прихаживалъ онъ, Димитрій, для разговоровъ латинскаго языка, и диспуты у него съ нимъ по-латыни и по-словенски о поклоненіи святымъ иконамъ и святымъ мощамъ и о призываніи святыхъ чиномъ школьнымъ бывали, въ лицѣ святой церкви и въ лицѣ лютерскомъ, для его Дмитріевы науки латинскаго языка, а не ради противности церковной, и не отъ своего смышленія, но все отъ Священнаго Писанія". Максимовъ подтвердилъ что къ нему въ духовный приказъ приходилъ отъ Лопатинскаго и префекта богословскій учитель и два школьника; что послѣдные, „по многіе дни приходя отъ префекта говорили чтобъ онъ сказалъ на Дмитрія Тверитинова что онъ держится лютерскія вѣры; что де и свобоженъ будетъ и попреднему взятъ въ школы; а ежели не скажетъ, и они де его отошлютъ къ розыску въ Преображенскій приказъ, и будетъ мученъ".... Цирюльникъ Ѳома Ивановъ *самъ явился* ** къ розыску въ Преображенскомъ; съ поразительною откровенностію и прямотою онъ показалъ: „Разговоровъ о святыхъ иконахъ, что имъ не поклоняться, съ нимъ, Иваномъ, у него, Ѳомы, не бывало. А онъ, Ѳома, написаннымъ иконамъ, такѣе которыя бываютъ облитыя златомъ и сребромъ и на камняхъ вырѣзаны, и тѣламъ что̀ называютъ святыми мощами не покланяется и ихъ не почитаетъ, тѣла и крови Христовой не почитаетъ же и за истину не ставитъ, и Святыхъ Таинъ онъ не причащается, и у отца духовнаго не былъ на исповѣди лѣтъ съ двадцать, того ради что онъ, Ѳома, читалъ въ Библіи о несотвореніи себѣ ваянія и никоего же образа, елико на небеси горѣ и елико на земли долу (слѣдуетъ рядъ текстовъ изъ Священнаго Писанія). А когда на какомъ мѣстѣ

ную месть языкоболія, ибо въ корени языка его имѣлась болѣзнь, именуемая рак, отъ нея же нужно душу изверже".

* Письма къ Поликарпову, л. 222.

** Слѣдственное дѣло, л. 255.

ему, Ѳомѣ, приключатся творить поклоненіе, и на томъ мѣстѣ стоя творитъ онъ по святому Евангелію поклоненіе самому Богу и Отцу духомъ и истиною, а не написаннымъ иконамъ покланяется. Тѣлесамъ, что̀ называютъ святыми мощами, не покланяется для того что его. Ѳому, сотворили не они, но вышній Богъ. Тѣла и крови, что̀ совершается во святую литургію, не почитаетъ онъ. потому что оно все совершается человѣческими руками и не есть истина что то самое тѣло и кровь Христова. А о лѣкарѣ Дмитріи Тверитиновѣ, противность чтобъ иконамъ и мощамъ не кланяться, имѣетъ ли, не знаетъ, и разговоровъ съ нимъ въ томъ не было, а иконоборцевъ и развратниковъ никого онъ, Ѳома, не знаетъ."

15го іюня, Преображенскій приказъ отослалъ Ѳому къ Стефану Яворскому, съ тѣмъ „чтобъ имѣть объ немъ испытаніе и разговоры" и потомъ отписать будетъ ли онъ утверждаться въ своемъ мудрованіи или принесетъ истинное обращеніе, и чего онъ за такое обращеніе или противленіе окажется достоинъ. Яворскій ограничился тѣмъ что приказалъ держать его за крѣпкимъ карауломъ въ патріаршемъ приказѣ.

Прежде чѣмъ слѣдствіе о „новыхъ московскихъ философахъ" привело къ какому-нибудь результату, Стефанъ вышелъ противъ нихъ съ открытымъ обличеніемъ съ высоты церковной каѳедры. Въ недѣлю седьмую по Святомъ Духѣ онъ сказалъ проповѣдь на текстъ: *Отче святый! соблюди ихъ во имя Твое, ихже далъ еси Мнѣ: да будутъ едино, якоже и мы.* * Проповѣдникъ задачею слова поставилъ доказать что святые угодники Божіи, предстоя престолу Божію, молятся о

---

* *Проповѣди Стефана Яворскаго*, I, стр. 138—162. Вѣроятно, эта проповѣдь сказана была 24го мая 1713 года (въ этомъ году Пасха была 5го апрѣля). Трудно отнести ее къ 1714 году, когда дѣло о Тверитиновѣ уже получило опредѣленный оборотъ. Въ проповѣди говорится что „еретики *не престаютъ* укорять православную церковь" (стр. 142), что „лукавый еретикъ еще *роетъ* скверными носомъ виноградъ церкви Божіей" (стр. 155), что они еще спрашиваютъ и шумятъ (159), что они величаются и распространяются между православными (161), что, наконецъ, только въ *минувшихъ недѣляхъ* слушатели Яворскаго узнали о томъ что на церковь православную возстали злочестивые лжехристіане (142). Если при этомъ Яворскій разумѣетъ огласку о Тверитиновѣ, вслѣдствіе доноса Іоасафа, сдѣланнаго въ апрѣлѣ, то дѣйствительно до 24го мая, когда сказана была проповѣдь, прошло лишь нѣсколько недѣль.

насъ, знаютъ наши моленія къ нимъ и приносятъ ихъ къ Богу, помоществуютъ намъ во всякихъ нуждахъ нашихъ и предстательствуютъ. Стефанъ прямо выставляетъ на видъ что его поученіе вызвано современными еретическими толкованіями: „пусть злочестивые познаютъ какую ложь рязсѣваютъ они въ православномъ народѣ“ о святыхъ угодникахъ Божіихъ! Не называя Тверитинова по имени, Стефанъ указываетъ въ его мнѣніяхъ и толкахъ вѣяніе „вреднаго духа“ Лютера и Кальвина. Въ проповѣди приводятся далѣе слова сказанныя Тверитиновымъ въ какомъ-нибудь частномъ разговорѣ. „Кто имъ (угодникамъ Божіимъ) далъ такія долгія уши что они съ небесъ слышатъ моленія земныхъ? кто далъ имъ такія ясныя очи чтобы съ небесъ видѣть землю?“ * Въ проповѣди Яворскій опровергаетъ нѣкоторые пункты тетрадей „несмысленнаго и коснаго сердцемъ развратника вѣрныхъ“—Тверитинова. ** Указывая какъ превратно объяснялъ лѣкарь тексты Священнаго Писанія, Стефанъ не оставляетъ безъ вниманія главнаго требованія обличаемыхъ. „Всегда вопрошаете и надменными гласно шумите устами: да покажется *отъ писаній!* И уже премудрѣйшія писанія учителей церковныхъ, Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Кирилла, Софронія, Амвросія, едиными басньми нарицаете.“ Стефанъ зналъ что Тверитиновъ для доказательства догматовъ требовалъ только словъ „кореннаго“ (какъ онъ выражался) Писанія ***, то-есть Библіи, и потому старался опровергать его умствованія объ угодникахъ Божіихъ исключительно свидѣтельствами Священнаго Писанія. Щедро надѣливъ Тверитинова, „грубѣйшаго невѣжду, треклятую адскую гидру“, рѣзкими ругательствами, Яворскій, по своему обыкновенію, приплетаетъ „преокаяннымъ клеветникамъ приповѣсть славнаго баснотворца Эзопа. „Мышь, глаголетъ, влѣзши нѣкогда въ сосудохранительницу, обычнаго себѣ искаше корму; не обрѣтши же ничтоже, изыскала лилу и хотящи утолити алчбу свою, начатъ ю съ прилежаніемъ

---

* *Проповѣди Стефана Яворскаго*, I, 151.

** „Развратникъ вѣрныхъ (говорится въ проповѣди, стр. 153) приводитъ въ свидѣтельство лжи своея Писаніе; о еже не вѣдати святымъ моленій нашихъ и глаголетъ сія Ekklesiастова словеса: *Живіи разумѣютъ, яко умрутъ*“ и т. д. Этотъ текстъ изъ Экклесіаста дѣйствительно внесенъ въ тетради Тверитинова, надписаніе 9е. *Православное Обозрѣніе*, 1863, августъ, стр. 326.

*** Тамъ же, стр. 148.

грызти; грызущи же ю, вся своя зубы объ оную лилу притупила и перерѣзала. Будетъ, глаголю вамъ, о ереселюбители! иже хотяще церкви Божія установленія и преданія подгрызти: скверныя свои зубы притупите, прорѣжите и весьма приломаеге. ибо врата отца вашего діавола не одолѣютъ ей. Нынѣ ругаете церковь православную, но *обратится болѣзнь ваша на главы ваши.*“ * Въ заключеніе этого поученія, которое коснулось лишь однаго отдѣла тетрадей Тверитинова объ угодникахъ Божіихъ, Яворскій выражаетъ православному народу желаніе. „О дабы сіи мытари и язычницы, развращающіи православныхъ, и не слушающіи церкви божественной, отсѣчены и весьма истреблены были!... Пріидите убо, припадемъ и восплачемся предъ Господомъ, сотворшимъ насъ, приклонимъ колѣна наша предъ всѣми его угодниками святыми, да сей вредъ, сія злохульныя плевелы исторгнутъ отъ насъ, развѣютъ и дадутъ на сожженіе, аще не обратятся и покаются, огню неугасающему. Аще же обратятся отъ прелести и заблужденія, да отверзетъ имъ Господь умныя очеса, еже видѣти правду, да купно съ нами единѣми усты и единымъ сердцемъ прославятъ и воспоютъ пречестное и великолѣпое имя Господне!“ Стефанъ оканчиваетъ свою проповѣдь тѣмъ же текстомъ которымъ она открывается: „Отче святый! соблюди ихъ во имя Твое... да будутъ едино, яко же и мы....“ Послѣдующее изложеніе покажетъ сколько искренности было въ этомъ желаніи Яворскаго.

Когда пытка Преображенскаго приказа заставила Максимова назвать имена Тверитинова и другихъ лицъ, фискалъ Михайло Косой отправился вмѣстѣ съ лѣкаремъ въ Петербургъ и ускользнулъ отъ Преображенскаго приказа. Явившись къ князю Якову Ѳедоровичу Долгорукову, московскіе бѣглецы жаловались ему что Стефанъ, „не любя фискаловъ и въ противность волѣ государевой *иными посторонними дѣлами* ихъ фискаловъ хочетъ разорити и, принявши на нихъ клевету въ еретичествѣ, гонитъ ихъ напрасно.“ Долгоруковъ обѣщалъ Тверитинову и Косому свое покровительство. „Надѣйтеся; я васъ оборону“, сказалъ онъ имъ. Между тѣмъ изъ Преображенскаго приказа пришло въ Петербургъ требованіе выслать Косаго и Тверитинова въ Москву къ розыску. У Тверитинова нашлись теперь и другіе сильные покровители,

* *Проповѣди Стефана Яворскаго*, I, стр. 160.

кромѣ Долгорукова. Въ его дѣло вступился сенаторъ Михаилъ Самаринъ; ему сталъ помогать и сильный своимъ вліяніемъ александроневскій архимандритъ Ѳеодосій. Не за то только ненавидѣлъ Яворскій Ѳеодосія что тотъ рѣзко высказался въ сенатѣ противъ проповѣди Стефана о фискалахъ; цѣлая пропасть лежала между вліятельнымъ архимандритомъ, очень индифферентно относившимся къ религіи и угодливо хлопотавшимъ о церковныхъ реформахъ, и суровымъ мѣстоблюстителемъ. Ѳеодосій твердилъ что не должно боготворить иконы, и обдиралъ съ нихъ богатыя ризы для своего обогащенія. Онъ приказывалъ священникамъ чтобы свѣчъ въ церквахъ чрезъ потребу всуе не жгли, чтобы пречистыхъ Таинъ за лѣкарство алтекарское здравымъ и больнымъ младенцамъ не употребляли, но по крещеніи, причастивъ однажды, оставляли бы непричастныхъ до познанія добра и зла.* Онъ высказывался и противъ „ложныхъ“ чудесъ. Ѳеодосія клеймили тѣмъ же названіемъ еретика, поврежденнаго лютеранскою прелестію которое лежало теперь на Тверитиновѣ. Новгородскій митрополитъ Іовъ горько жаловался на „гордость и суетное киченіе“ быстро выдвинувшагося архимандрита, который расторяжался торою въ его епархіи безъ его вѣдома.** Паденіе Ѳеодосія встрѣчено было вслѣдствіи криками громкаго восторга, отголоскомъ котораго осталась „*Гисторія. Объявленіе пунктовъ*“. Изъ этихъ сатирическихъ виршей, уродливыхъ по формѣ, приведемъ немногіе характеристическіе отрывки:

Нѣкій архіепископъ, именемъ Ѳеодосъ,
Привелъ себя въ 725 году въ тяжкой доносъ.
О чемъ же себя публикаціею привелъ въ винность,
Которая пришла во всенародную дивность,
О непорядочныхъ его житейскихъ дѣлахъ,
О недостаточныхъ безумныхъ своихъ бѣдахъ.
Таковы имѣлъ у себя удобы,
Наполненъ былъ всякія лакости и злобы,
О чемъ ниже сего въ сей гисторіи объявляю,
А по дѣламъ же его любезныхъ читателей удивляю.

* Соловьевъ, *Исторія Россіи*, XVI, 364—365.

** „Да судитъ ему Богъ по дѣломъ его (прибавляетъ Іовъ); въ ню же мѣру мѣритъ, возмѣрится ему стократно.“ И тотъ же Іовъ пишетъ Ѳеодосію: „Да здравствуетъ преподобство ваше мирно и благополучно во всякомъ благоукрашеніи духовномъ и тѣлесномъ на многая лѣта.“ *Странникъ*, 1861, томъ I, стр. 101, 105.

Имѣлъ онъ гордость, лесть, зависть, лихоимство,
Сребролюбіе отчасти и лукавство.
А гордость же паче мѣры Богу есть противна,
Которая въ семъ народѣ есть дивна.
Сей бо гордый, малородный человѣкъ,
Льстивостію намѣренъ, во власть себя привлекъ.
Однакожъ помѣшательство его льстивое познали
И, вмѣсто смерти, ссылкою честь воздали.
Таковый бо лестію въ чести содержался.
А въ сотвореніи злобы весьма не ужасался.
Не токмо прочими дѣлами,
Но имѣлъ веселіе снятіемъ колоколами,
Обаче образы въ забвеніи не покидалъ·
Оклады и висящее прочь отдиралъ:
Вся бо завистію яро къ себѣ прибиралъ·
Образы и иконы пилою растиралъ,
Древнюю ризницу, и омофоры, и саккосы златые,
Сребро и каменія драгія,
Все въ продажѣ расточалъ,
А за то деньги себѣ получалъ.
На собранныя вещи выписалъ изъ-за моря, купилъ сервизъ,
За который въ Россіи немного и самъ не повисъ.
Драгихъ же многихъ вещей у себя уташа,
Отъ которыхъ нынѣ и прочь его отдалиша,
Никому могъ задружити,
Ибо тщался все разрушити,
Но имѣлъ въ своемъ сердцѣ внятность,
Которую признавалъ себѣ въ пріятность,
Христіанъ россійскихъ идолопоклонниками называлъ. *

Въ *Камнѣ вѣры* Яворскій, можетъ-быть, желалъ намекнуть на корыстный источникъ толковъ Ѳеодосія о небоготвореніи иконъ, сказавъ что люгеранамъ, нелочитающимъ иконъ, „то наипаче изощряетъ зубы, яко видятъ у насъ иконы, сребромъ, и златомъ и каменіемъ драгоцѣннымъ сіяюще, святокрадцы, хотяще похитити.“

Человѣкъ подобный Ѳеодосію былъ находкою для Тверитинова при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Суровая кара духовнаго суда уже висѣла надъ его головою. Ѳеодосій не только помогалъ ему своими совѣтами въ это трудное время; онъ исповѣдалъ и пріобщилъ его Святыхъ Таинъ. Сенаторы Ти-

* Неизданная *Исторія* находится въ рукописи Общества Исторіи и древн. отд. I, № 213, л. 322.

хонъ Стрѣшневъ и уже знакомый съ Тверитиновымъ Мусинъ-Пушкинъ были однихъ мыслей съ Долгоруковымъ. По докладу послѣдняго, царь приказалъ чтобы дѣло о Тверитиновѣ изъ Преображенскаго приказа передано было на разсмотрѣніе въ сенатъ и чтобы въ Петербургъ присланы были колодники содержавшіеся въ патріаршемъ приказѣ по обвиненію въ ереси. Это было въ августѣ 1713 года. Снова раздраженъ былъ Яворскій непріятнымъ для него оборотомъ, который принимало слѣдствіе надъ обвиненными. онъ устранялся отъ участія въ судѣ надъ людьми обвиненными имъ въ ереси. Сознавая что „сіе дѣло есть отъ части *духовныхъ*“, Яворскій написалъ царю письмо, въ которомъ убѣждалъ его „не допустить отъ сихъ малыхъ искръ большему возгнѣщатися пожару, да не како малый сей раскольничества ядъ великое убійство душъ вѣрному народу сотворитъ.“ Въ сентябрѣ, отправился въ Петербургъ Ѳеофилактъ Лопатинскій; по дорогѣ онъ заѣхалъ къ Новгородскому митрополиту Іову и запасся отъ него письмомъ къ царевичу Алексѣю Петровичу. Оно оканчивалось такимъ образомъ. „При семъ прошу, государь, твою христоподражательную царскую особу о явленіи милости къ сему письмовручителю, господину архимандриту Ѳеофилакту; и егда либо нѣчто востребуетъ къ полезному и защищенію святыя христовы церкви въ нашихъ православнѣйшихъ догматахъ, основанныхъ на седми святѣйшихъ всленскихъ соборахъ, присутствіемъ Пресвятыя Троицы,—благоволи, государь, руку помощи ему даровати. Нелѣпо бо есть въ толикой величайшей и пресвѣтлѣйшей истинѣ нашихъ святѣйшихъ догматовъ недоумѣніе и прѣніе, кромѣ общаго соборнаго согласія, со еретики, паче же со атеисты разглагольство допустити, да не когда тмою лжи своея, прикладомъ нѣкіихъ суетныхъ аргументовъ, возмнѣвъ, прославятъ самихъ себя правыхъ быти. О семъ и богодухновенный царепророкъ Давидъ: „Словеса беззаконникъ премогоша мя.“ *.

Передача дѣла Тверитинова въ сенатъ имѣла рѣшительное вліяніе на судьбу обвиненныхъ. Авторъ *Молотка на Камень впры* справедливо замѣтилъ: „Тверитиновъ съ товарищи, ежелибъ не послѣшилъ богобоязнаго и правосуднаго императора указъ, тобъ безъ сомнѣнія меча не избѣгли.“

Въ сенатѣ, фискалъ Михайло Андреевъ Косой показалъ что

* *Странникъ* 1861, томъ I, стр. 114—115.

самъ онъ въ сомнѣніи и соблазнѣ не пребываетъ. Иванъ Максимовъ говорилъ что префектъ поклепалъ его напрасно, а свидѣтели сказали на него ложно, по наученію префекта, что въ Преображенскомъ приказѣ онъ винился не терпя жестокой пытки, что другихъ обвинилъ въ ереси бывши въ безпамятствѣ и въ великой скорби и отъ страха. Въ сенатѣ и Ѳома Ивановъ нѣсколько измѣнилъ * свое прежнее показаніе. Онъ говорилъ что „пребываетъ въ православной каѳолической вѣрѣ и противности никакой не чинитъ, еретичества жь, иконоборства и люторской и кальвинской вѣръ не держится". Впрочемъ, тутъ же Ѳома повторилъ сказанное имъ въ Преображенскомъ приказѣ: „А на какомъ мѣстѣ приключится ему, Ѳомѣ, творить поклоненіе, и на томъ де мѣстѣ стоя творитъ онъ поклоненіе по святому Евангелію самому Богу и Отцу духомъ и истиною, а не написаннымъ иконамъ поклоняется. Мощемъ святымъ не поклоняется для того что его, Ѳому, сотворили не они, но вышній Богъ"

Дѣло тянулось. 5го февраля 1714 года Яворскому послали изъ сената просьбу взять о Тверитиновѣ показанія съ его духовника и приходскаго священника; Стефанъ исполнилъ требованіе сената: оба священника свидѣтельствовали что Тверитиновъ въ догматахъ церковныхъ противности не имѣлъ и къ церкви святой никакого противленія они отъ него не признавали. Ссылаясь на эти заявленія и на то что онъ былъ пріобщенъ Св. Таинъ архимандритомъ Ѳеодосіемъ, Тверитиновъ, въ мартѣ того же года, просилъ да повелитъ сенатъ дать ему великаго государя указъ для оправданія въ неправедномъ оклеветаніи въ противности святой церкви.

„1714 года, іюня въ 3й день, великій государь, царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ указалъ: школьника Ивана Максимова и торговаго человѣка Никиту Мартынова, и цирюльника Ѳому Иванова за карауломъ послать къ Москвѣ, къ преосвященному Стефану, для того: хотя изъ нихъ Максимовъ и Мартыновъ въ С.-Петербургѣ въ разспросѣхъ сказали что они пребываютъ въ православной каѳолической вѣрѣ и противленія никакого не чинятъ, а пребываютъ въ ловиновеніи, однако жь еще ихъ по правиламъ св. апостолъ и св. отецъ свидѣтельствовать духовнѣ, истинно ль они православ-

* Въ сенатѣ, Ѳома объяснилъ что „отца духовнаго имѣетъ, а на исповѣди у него не былъ и Святыхъ Таинъ не причащался *года съ три* за суетами своими", что въ Преображенскомъ онъ показывалъ будто не былъ на исповѣди *лѣтъ съ двадцать* изъ страха.

ную каѳолическую вѣру содержатъ твердо, и буде по свидѣтельству явятся что они православно-каѳолическую вѣру по преданію св. апостолъ и св. отецъ содержатъ твердо безъ сомнѣнія, и о томъ, взявъ у нихъ исповѣданіе на листмѣ за ихъ руками, подъ прещеніемъ суда Божія, въ торжественный день въ соборной апостольской церкви, во время лѣнія божественной литургіи, представить всенародно и велѣть имъ самимъ о себѣ объявить что они въ православно-каѳолической вѣрѣ по правиламъ св. апостолъ и св. отецъ пребываютъ твердо безъ сомнѣнія, дабы тѣмъ народное о нихъ мнѣніе искоренить и потомъ учинить ихъ свободныхъ. И буде у кого дворы и животы отписаны, и тѣ со отписаніемъ отдать имъ съ росписками. А цирюльника же Ѳому Иванова по правиломъ св. апостолъ и св. отецъ въ православную каѳолическую вѣру *духовнѣ исправитъ*, для того что онъ по розыску явился неисправенъ и подъ многимъ сомнѣніемъ, о чемъ явно по разспроснымъ ево рѣчамъ, дабы онъ позналъ самую истину безо всякаго сомнѣнія. И если онъ въ истинное познаніе придетъ и въ томъ повиноватися будетъ, взявъ у него исповѣданіе на листмѣ за его рукою, въ которомъ подтвержденіе написать противъ вышеписаннаго жъ, въ торжественный день, въ соборной церкви, велѣть ему самому о себѣ прежнее свое безумное сомнѣніе, и потомъ о познаніи истины и повиновеніи объявить всенароднѣ, и какъ онъ то все самъ о себѣ объявитъ, и его такожъ учинить свободна. А буде онъ въ совершенное исправленіе не придетъ и будетъ стоять въ безумномъ своемъ упрямствѣ, и его тако жъ отослать въ Московскую губернію къ гражданскому суду для казни по уложенію, какъ о такихъ противникахъ чинить повелѣно. А лѣкаря Тверитинова послать съ тѣмъ же урядникомъ и велѣть ему и его объявить преосвященному Стефану, дабы онъ въ соборной церкви въ торжественный день всенароднѣ его объявилъ что онъ, Димитрій, по свидѣтельству отцовъ духовныхъ имѣетъ, которые сказали что въ церковныхъ догматѣхъ противленія никакого они за нимъ не признавали, и въ С.-Петербургѣ сего 1714 года, на первой недѣлѣ святаго поста, онъ, Димитрій, Св. Таинъ причаститися сподобленъ, дабы тѣмъ объявленіемъ объ немъ, Дмитріѣ, прежнее всенародное мнѣніе искоренить и учинить его свободна."

5го іюля 1714 года, привезенные изъ Петербурга колодники, Иванъ Максимовъ, Ѳома Ивановъ и Никита Мартыновъ, приняты были въ духовномъ приказѣ и посажены въ колодничью палату; 17го іюля, туда же помѣстили и Тверитинова. Фискалъ Михайло Андреевъ Косой, даже не упомянутый въ указѣ сената, оставленъ былъ въ Петербургѣ: онъ былъ „лучшимъ фаворитомъ" князя Долгорукова. *

* *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

Указъ царя не могъ удовлетворить Яворскаго. Долгоруковъ, зная упрямый характеръ мѣстоблюстителя патріаршаго престола, увѣренъ былъ что Стефанъ не исполнитъ посланнаго къ нему царскаго указа; онъ самъ поѣхалъ въ Москву, какъ будто для того чтобы присутствовать въ московской сенатской канцеляріи. Предположенія Долгорукова сбылись. Получивъ указъ и копію съ сенатскаго дѣла, Яворскій потребовалъ отъ колодниковъ „дабы они написали за руками своими исповѣданіе вѣры, како они содержатъ и содержали.“ Заключенные исполнили приказаніе Стефана и подали, каждый отдѣльно, свое исповѣданіе вѣры. Тверитиновъ писалъ между прочимъ. „О томъ моемъ православномъ исповѣданіи вашему архіерейству извѣстно имяннымъ царскаго величества указомъ, чрезъ явное свидѣтельство о мнѣ отцевъ моихъ духовныхъ и приходскаго священника. А исповѣданіе мое сіе есть, которое предала намъ мать наша святая соборная апостольская каѳолическая церковь въ книгѣ названной *Православное исповѣданіе*; а все что̀ въ оной святой книгѣ предано намъ хранити, тако содержалъ испервa, содержу и сохраняю, и исповѣдую безъ всякаго сумнѣнія.“ Другіе колодники принесли исповѣданіе съ приложеніемъ символа вѣры и перечисленіемъ нѣкоторыхъ догматовъ. Одинъ Ѳома Ивановъ въ своемъ исповѣданіи написалъ что былъ въ сомнѣніи о святыхъ иконахъ, о мощахъ и о призываніи святыхъ; но что онъ отложилъ то безумное сомнѣніе и теперь во всемъ повинуется святой, соборной и апостольской церкви.

19го іюля, Яворскій опредѣлилъ „уготовить для нихъ время ко исповѣданію святой церкви“ и назначилъ для того Успенскій постъ; но черезъ два дня онъ принялъ новую мѣру относительно присланныхъ къ нему колодниковъ. Посовѣтовавшись со случившимися тогда въ Москвѣ архіереями *, Стефанъ велѣлъ опубликовать по всей Москвѣ подписанное нѣсколькими епископами *Увѣщаніе къ православнымъ*, въ которомъ убѣждалъ „сыновъ святаго православія,“ чтобы всякій, кто зналъ или слышалъ о еретичествѣ Тверитинова, подалъ о томъ письменное доношеніе. „На укрывающаго и злобу ихъ умолчевающаго (говорилъ Яворскій въ *Увѣщаніи*) буди клят-

* Съ Алексіемъ, архіереемъ сарскимъ и подонскимъ, Игнатіемъ, епископомъ суздальскимъ, Іоанникіемъ, митрополитомъ іерополь-скимъ.

ва отъ святыхъ седми соборовъ вселенскихъ и отъ нашего смиренія, отъ неяже не можетъ свобоженъ быти и въ самое лютое смертное время, ибо обидящій и честь матере своея церкве святыя не соблюдающій недостоинъ есть отъ нея помилованія и прощенія."

Увѣщаніе разослали во всѣ сороки; списки съ него выставлены были у всѣхъ церковныхъ дверей; по всѣмъ церквамъ разосланы указы съ именами всѣхъ ославленныхъ еретиками: въ торжественные дни велѣно читать тѣ указы въ церквахъ. Такъ „истреблялъ" митрополитъ всенародное мнѣніе о Тверитиновѣ и его товарищахъ!

Угроза церковнаго проклятія подѣйствовала на многихъ. Священниковъ давшихъ отзывы о Тверитиновѣ велѣно было поставить предъ самого митрополита. Еще въ 1716 году, Матвѣй Короткой просилъ у Стефана разрѣшить ему тотъ грѣхъ, котораго не отпустилъ ему духовникъ, что онъ не донесъ на Тверитинова. Въ обвинительныхъ сказкахъ недостатка не было. Въ бытность подсудимыхъ въ Петербургѣ, приверженцы Стефана не дремали: „благочестивою ревностію" коммиссара Сергѣева, увезенъ былъ изъ дома фискала Михайлы Косаго извѣстный листъ съ библейскими текстами. Яворскій и духовное начальство разсмотрѣли и листъ, и тетради Тверитинова. Стефанъ приказалъ, 11го августа, разослать подсудимыхъ по московскимъ монастырямъ и до указу держать ихъ за крѣпкими караулами, чтобъ они не ушли; допускать къ нимъ никого не велѣлъ, для того что въ приказъ подходятъ къ нимъ такіе жъ противники на большее развращеніе; бумаги и чернилъ давать имъ не было разрѣшено. Максимова заключили въ Андроньевѣ монастырѣ, Тверитинова въ Заиконоспасскомъ, Мартынова въ Богоявленскомъ, Ѳому Иванова въ Чудовѣ. Предъ тѣмъ какъ разослать ихъ въ эти монастыри, Тверитинову, и въ лицѣ его всѣмъ подсудимымъ, объявили что ежели онъ желаетъ получить прощеніе и церковное разрѣшеніе, то долженъ написать „истинное о тѣхъ своихъ ересяхъ покаяніе и „сказать въ правду: отъ кого онъ тѣхъ ересей научился и кого именно научилъ, и колико ихъ, и гдѣ житіе имѣютъ въ таковыхъ же ересяхъ пребывающіе и тыя свои ереси, притворяя словесы божественными и апостольскими, хульно и развращенно и еретически отъ него написанные, проклинаетъ ли и впредь соединится ли со святою православною Восточною соборною и апостольскою церковью? И догма-

тамъ ея православно вѣрнымъ, и святымъ иконамъ, кресту же Христову и мощамъ святыхъ честь и поклоненіе творити желаетъ ли? Преданія, и призыванія святыхъ и молитвы за умершихъ пріемлетъ ли? Въ евхаристіи святой вѣруетъ ли истинное быти тѣло и кровь Христова? И аще тако сотворити восхощетъ, то истинно да утвердитъ свое истинное покаяніе симъ образомъ. Аще же, яко песъ на первыя своя блевотины возвратится и начнетъ тѣхъ своихъ ересей паки держатися и вышеломянутые благочестивые догматы паки отвержетъ и такихъ же противниковъ кого утаитъ, да будетъ подъ вѣчною анаѳемою и постиженіемъ праведнаго суда Божія и вѣчныя муки, здѣ же временною казнію смерти."

Съ такимъ напутствіемъ разослали колодниковъ по монастырямъ.

Н. ТИХОНРАВОВЪ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

МОСКОВСКІЕ ВОЛЬНОДУМЦЫ

НАЧАЛА XVIII ВѢКА

И

СТЕФАНЪ ЯВОРСКІЙ.*

III.

Возвращаясь въ Москву, Тверитиновъ, конечно, никакъ не могъ ожидать что ему предстоятъ тамъ новыя тяжелыя испытанія: царскій указъ, рѣзко выдѣливъ лѣкаря изъ всей „компаніи“ обвиненной въ ереси, обязывалъ Яворскаго „въ торжественный“ день всенародно объявить что Дмитрій имѣетъ духовныхъ отцовъ, которые сказали что въ церковныхъ догматахъ противленія никакого они за нимъ не признавали, что въ Петербургѣ онъ пріобщенъ былъ Святыхъ Таинъ; затѣмъ слѣдовало *учинить* Тверитинова *свободна*. Дѣло лѣкаря считалось оконченнымъ; указъ не упоминалъ ни о какомъ новомъ изслѣдованіи образа мыслей Дмитрія, требуя въ то же время положительно чтобы школьникъ Максимовъ и торговый человѣкъ Мартыновъ „освидѣтельствованы были духовнѣ, истинно ли православную вѣру содержатъ твердо, и чтобы Ѳома Ивановъ *духовно* былъ исправленъ, дабы онъ позналъ самую истину

* См. *Русск. Вѣстн.* 1870, № 9.

безъ всякаго сомнѣнія". Самая обязанность *всенародно* объявить о православіи Тверитинова возлагалась на Яворскаго указомъ въ интересахъ лѣкаря, обнесеннаго ересничествомъ, „дабы тѣмъ объявленіемъ о немъ, Дмитріи, *прежнее всенародное мнѣніе* искоренить". Стефанъ не могъ не сознавать что „прежнее всенародное" мнѣніе о Тверитиновѣ было и его собственнымъ мнѣніемъ, что оно сложилось не безъ вліянія его всенародной проповѣди въ седьмую недѣлю по Пасхѣ * и той огласки которую далъ Яворскій первому доносу префекта словено-латинскихъ школъ на Максимова.

17го іюля 1714 года Тверитиновъ привезенъ былъ въ Москву. Заключивъ его, наравнѣ съ его товарищами, подъ строгимъ карауломъ въ колодничьей палатѣ духовнаго приказа, Яворскій, вопреки указу, потребовалъ отъ него письменнаго исповѣданія вѣры. Тверитиновъ исполнилъ требованіе мѣстоблюстителя патріаршаго престола, но не упустилъ случая намекнуть ему что это требованіе противорѣчило царскому указу. „О томъ моемъ *православномъ* исповѣданіи вашему архіерейству *извѣстно имяннымъ* царскаго величества *указомъ*, чрезъ явное свидѣтельство о мнѣ отцовъ моихъ духовныхъ и приходскаго священника", писалъ лѣкарь въ своемъ исповѣданіи. На другой же день, по представленіи исповѣданія, ** Тверитиновъ написалъ на имя Петра слѣдующее прошеніе: „Державнѣйшій царь, государь милостивѣйшій! Въ нынѣшнемъ 1714 году, по вашему царскаго величества указу, присланъ я изъ С.-Петербурга къ Москвѣ къ преосвященному Стефану, митрополиту рязанскому и муромскому, для объявленія въ соборной церкви всенароднаго мнѣнія что я нижепоименованный, по свидѣтельству отцовъ моихъ духовныхъ, святой соборной церкви повинуюсь; а нынѣ я удержанъ въ патріаршемъ духовномъ приказѣ. Всемилостивѣйшій государь! прошу ваше величество да повелитъ державство ваше меня изъ духовнаго приказу свободить подъ росписку." Этому прошенію Яворскій не далъ хода; онъ только приказалъ „взять его къ *дѣлу*". Итакъ, новое слѣдственное дѣло поднималось надъ Тверитиновымъ *черезъ три дня* послѣ того какъ онъ пріѣхалъ въ Москву съ оправдательнымъ указомъ царя. По-

* Въ первой статьѣ нашей ошибочно напечатано на стр. 51: *по Святомъ Духѣ*.

** Въ слѣдственномъ дѣлѣ это прошеніе, не имѣющее на себѣ числа, помѣщено *предъ* 21мъ іюля.

водомъ къ преслѣдованію дѣла о Тверитиновѣ Яворскій выставилъ то обстоятельство что уже *послѣ распоряженія его* относительно времени всенароднаго объявленія еретиковъ, именно 21го іюля, дошелъ до церковнаго суда листъ въ рамахъ, уставомъ писанный, содержавшій извлеченіе изъ извѣстныхъ тетрадей Тверитинова, и самыя тетради лѣкаря, и что кромѣ того „безумные еретики, въ исповѣданіяхъ ими поданныхъ, ни единымъ словомъ не износили правды, но точію лукаво извинялись якобы никогда въ томъ своемъ безумномъ противленіи были".

Трудно вѣрить что въ теченіи цѣлаго года, отданнаго первоначальному московскому и петербургскому слѣдствію надъ Тверитиновымъ, Яворскій не зналъ пресловутыхъ тетрадей обвиненнаго. Еще въ февралѣ 1713 года эти тетради принесъ къ Мусину-Пушкину Магницкій, тотъ самый который устраивалъ у себя обѣдъ съ цѣлію обнаружить при свидѣтеляхъ мнѣнія Тверитинова и который на другой же день послѣ этой неудавшейся трапезы пришелъ къ Яворскому съ докладомъ, „особенно на Дмитрія что онъ ереси учитель". Ѳеофилактъ Лопатинскій, „вѣрный эмиссаръ Яворскаго", познакомился съ тетрадями Тверитинова также въ 1713 году. * Въ то же самое время тетради разбиралъ съ Мусинымъ-Пушкинымъ Поликарповъ, человѣкъ также очень близкій Стефану. Неужели никто изъ этихъ людей не сообщилъ ихъ въ свое время мѣстоблюстителю? Въ самомъ слѣдственномъ дѣлѣ проскользнуло доказательство что тетради уже прежде извѣстны были Яворскому. „21го іюля 1714 года, говоритъ официальный актъ въ слѣдственномъ дѣлѣ, дошли до рукъ церковнаго суда тетради; въ тетратехъ пункты собиралъ Тверитиновъ, *въ чемъ и самъ онъ не отрицался очевидно предъ графомъ И. А. Мусинымъ-Пушкинымъ*". Откуда узналъ объ этомъ церковный судъ того же 21го іюля, въ день полученія тетрадей? Конечно отъ тѣхъ которые сообщили тетради суду и видѣли ихъ прежде у графа,—отъ Поликарпова или отъ Ѳеофилакта Лопатинскаго. ** Какъ бы то ни было, 21го іюля Яворскій сдѣлалъ распоряженіе „отца его, Тверитинова, духовнаго и приходскаго священника, также духовниковъ школьника Ивана Макси-

* Показаніе Лопатинскаго въ слѣдственномъ дѣлѣ, л. 152.

** Магницкій, какъ извѣстно, устранилъ себя отъ разговоровъ съ Тверитиновымъ въ присутствіи Мусина-Пушкина.

мова, и Никиты Мартынова, и *фискала Михайла Андреева*, сыскавъ, поставить къ вопрошенію *истинному* предъ его архіерейство; также съ которыми духовнаго и мірскаго чина людьми имѣли тѣ еретики обхожденіе и знакомство, изыскуя таковыхъ, повѣщати имъ *подъ запрещеніемъ церковнымъ*, дабы, аще кто на нихъ вѣдаетъ ко святой церкви сопротивленіе, износили ревностно самую истину, памятуя въ томъ месть и воздаяніе отъ самого Предвѣчнаго и конца не имущаго Архіерея и Вседержителя Владыки Христа Бога."

Вызванныя къ отвѣту духовныя лица въ сущности не показали ничего новаго или неблагопріятнаго о Тверитиновѣ. Спасскій попъ Поталій въ допросѣ сказалъ: „Вышеписанный Димитрій, прежь сего, тому лѣтъ четырнадцать, сталъ жить въ приходѣ ево на отдаточной стрѣлецкой землѣ и, какъ жилъ въ приходѣ ево, учинился быть у нево въ духовности тому лѣтъ седмь, и на исповѣди былъ трижды, а Святыхъ Таинъ не пріобщался; а противности святѣй церкви онъ въ немъ не припознялъ, а въ церковь Божію временно приходилъ, и онъ, попъ Поталій, со всякими потребами въ домъ къ нему приживалъ и молебное пѣніе отправлялъ. А въ домѣ дѣ ево, Дмитріевѣ, онъ, попъ Поталій, видѣлъ: въ рамахъ поставлена на стѣнѣ картина, написана по черной землѣ златыми литеры заповѣдь вторыхъ книгъ Моисеовыхъ, главы двадесятыя: *Азъ есмь Господь Богъ твой* и *Не сотвориши себѣ кумира и всякаго подобія, елико на небеси горѣ* и протчее той заповѣди. А для чего только тѣ двѣ заповѣди написавъ у себя онъ, Дмитрей, держалъ, того онъ, попъ Поталій, не вѣдаетъ и прежь его, попа, у кого онъ, Дмитрей, былъ въ духовности, того онъ, попъ, не знаетъ."* Успенскій священникъ Іоаннъ сказалъ: „Оный Дмитрей въ приходѣ его сталъ жить до лобѣгу своего только года съ полтора и въ томъ маложитіи въ церковь приходилъ временно, а въ духовности у него не бывалъ, и противности святѣй церкви въ немъ не присмотрилъ, потому что никакихъ съ нимъ, Дмитріемъ, разговоровъ о церковныхъ догматахъ не бывало."** Всѣ призванныя къ допросу духовныя лица показали что видѣли въ домѣ Тверитинова „картину" съ изображеніемъ на ней только двухъ первыхъ заповѣдей.

---

* Слѣдственное дѣло, л. 149.

** Тамъ же, л. 149 об.

Яворскій и духовное начальство обратились къ тетрадямъ лѣкаря чтобы тамъ найти доказательства опаснаго для церкви и правительства образа мыслей обвиненнаго. Еще въ 1713 году, когда слѣдствіе надъ Максимовымъ и его товарищами перенесено было въ Петербургъ, Стефанъ въ письмѣ къ царю такъ объяснялъ свое приказаніе пытать школьника: „Понеже то дѣло *государственное*, послалъ его *для лутчаго испытанія* съ распросными рѣчьми въ Преображенскъ.“* Въ тетрадяхъ Тверитинова духовныя власти открыли отдѣлъ на основаніи котораго выписки изъ Библіи имъ показалось возможнымъ возвести также въ государственное дѣло. Въ „надписаніи“, озаглавленномъ *о идолѣхъ языческихъ, имже многажды покланяхуся сынове Израилевы и сего ради различными казнями пострадаша*, Тверитиновымъ выписанъ былъ слѣдующій текстъ изъ Апостольскихъ Дѣяній (VII, 43): *Воспріясте* (говоритъ Господь Израильтянамъ) *скинію Молохову и звѣзду Бога вашего Ремфана, образы, яже сотвористе поклонятися имъ: и преселю вы далѣе Вавилона.* Въ этомъ же отдѣлѣ помѣщены были слѣдующія слова изъ книги пророка Іереміи: *Зане се азъ созову вся царства земная отъ сѣвера, рече Господь: и пріидутъ и поставятъ кійждо престолъ свой въ преддверіяхъ вратъ Іерусалимскихъ* (I, 15—16). Духовное начальство постановило что въ этомъ отдѣлѣ библейскихъ текстовъ Тверитиновъ „идолами иконы нарицаетъ, ихъ же ради содержащимъ я пагубою погибнути глаголетъ и въ невѣдущія страны изриновеннымъ быти въ служеніе чуждимъ богомъ въ безпокойство дне и ноши и мерзостію ихъ быти повѣствуетъ и кумирами и потребленнымъ имъ быти претитъ. Такожде *порицаетъ содержащихъ я племенъ странъ сѣверныхъ.* Потомъ *глаголетъ на царей*, и князей и на люди *гнѣву Божію быти* съ клятвою и запустѣніемъ земли, яко не быти живущимъ на ней за кажденіе Царицѣ Небесной и идоломъ; ** въ церкви же не именуется Царица Небесная, токмо Пресвятая Богородица, ей же вси вѣрніи кадило приносимъ. И глаголетъ, аки бы образы въ боги имѣемъ и за сотвореніе ихъ преселеннымъ

* Слѣдственное дѣло, л. 48 об.

** Въ этомъ же отдѣлѣ помѣщенъ былъ отрывокъ изъ 44 главы прор. Іереміи: „И отвѣщаша Іереміи вси мужіе разумѣющіи, яко кадятъ жены ихъ богомъ инымъ... глаголюще: не послушаемъ тебе.... кадити Царицѣ Небесній....“

быти далѣе Вавилона." * Такъ свободно читали духовные слѣдователи между строками тетрадей Тверитинова.

Но Яворскій не удовольствовался данными извлеченными по указанной нами методѣ изъ тетрадей лѣкаря. 29го іюля по всей Москвѣ опубликовано было соборное увѣщаніе православнымъ—письменно доносить о еретичествѣ Тверитинова. Вступая въ открытую борьбу съ рѣшеніемъ сената и волей царя, Стефанъ искалъ себѣ *поддержки* въ средѣ находившихся тогда въ Москвѣ архіереевъ: увѣщаніе подписали митрополитъ Іоанникій, епископы Алексій и Игнатій и самъ мѣстоблюститель. „Любимцы Яворскаго—учителя московскихъ славяно-латинскихъ школъ" ** готовы были поддержать смѣлое начинаніе рязанскаго митрополита. Префектъ школъ Гавріилъ Бужинскій и ректоръ Ѳеофилактъ Лопатинскій, называвшій Яворскаго своимъ батюшкой, *** первые явились въ духовный приказъ подать обличительныя сказки на Тверитинова и написали свои показанія въ то время когда самое увѣщаніе православнымъ о подачѣ сказокъ не было еще обнародовано, а только предполагалось. **** Между тѣмъ сказка префекта Гавріила начинается словами: „По сему церкве святыя православныя восточныя увѣщанію съ клятвою, нижеписанный іеромонахъ Гавріилъ сказалъ"; Лопатинскій же, также показавшій „противъ сего церкве нашея увѣщанія и клятвы прещенія", подписалъ свою сказку такъ: „Сіе ради своего спасенія, егоже никтоже кромѣ сущихъ въ православной церкви, яже вѣдущихъ о развращеніи еретика Димитрія, а не возвѣщающимъ тяжкою анаѳемою претитъ, наслѣдити не можетъ, сказую и своею рукою подписую". †

Обнародованіемъ соборнаго увѣщанія сдѣлавъ рѣшительный шагъ къ неисполненію царскаго указа, Яворскій приказалъ, 11го августа, разослать виновныхъ по московскимъ

---

* *Православное Обозрѣніе*, 1863, августъ, стр. 327.

** *Возраженіе на пашквиль лютеранскій, нареченный Молотокъ.*

*** Чистовичъ, *Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время*, стр. 465.

**** Сказка Гавріила записана въ слѣдственномъ дѣлѣ на оборотѣ 150 листа, тотчасъ за показаніемъ діакона Алексѣя Ананьева, даннымъ 21го іюля; въ концѣ сказки написано: *августъ*, по скобленому мѣсту, прежде стояло: *іюль*. Въ показаніи Лопатинскаго, *августъ* также написано по скобленому.

† Слѣдственное дѣло, л. 150, 152.

монастырямъ и снова потребовалъ у нихъ „истиннаго о тѣхъ своихъ ересяхъ покаянія“, угрожая имъ въ противномъ случаѣ церковною анаѳемой и смертною казнію. На это новое приглашеніе мѣстоблюстителя Тверитиновъ отвѣчалъ слѣдующимъ доношеніемъ: „Въ прошломъ 1713 году, апрѣля въ послѣднихъ числѣхъ, вицъ-губернаторъ, господинъ Василій Семеновичъ Ершовъ, принудилъ меня диспуты имѣть отъ лица лютерскаго чиномъ школьнымъ о призываніи отошедшихъ святыхъ въ помощь, * и таковые диспуты имѣлъ я со архимандритомъ Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ, оговорясь съ ними что я въ согласіи восточной церкви и съ вами единомудрствую. И послѣ тѣхъ диспутовъ обнесенъ я къ вашему архіерейству, будто держу преданіе люторскаго согласія, а не восточной церкви, и для того разоренъ напрасно. А о мнѣ вашему архіерейству доношу самую истину, какъ предъ Содѣтелемъ Богомъ, такъ и вашей святынѣ что я въ согласіи святыя соборныя апостольскія церкви, какъ и вси вы, и всякія потребы отъ нея пріемлю, и о почитаніи святыхъ иконъ, и святыхъ мощей, и о призываніи святыхъ угодниковъ Божіихъ, и о молитвѣ за умершихъ и о пріятіи святаго причащенія за самую истину, и о всѣхъ преданіяхъ святыя соборныя церкви, какъ намъ предала она мать наша, тако и держу и во всемъ ей повинуюся, а въ иконоборствѣ, и въ непочитаніи креста святаго, и святыхъ мощей, и о непризываніи святыхъ угодниковъ Божіихъ, ни о какихъ противностяхъ къ святѣй соборной апостольской церкви никогда не бывалъ, и проклинаю иконоборную ересь и всякую противность къ святѣй соборной апостольской церкви, и другихъ никакой противности не учивалъ, и противниковъ никого не знаю, и о утвержденіи ереси писемъ никакихъ не писалъ. А которые диспуты были у меня съ ученьми людьми чиномъ школьнымъ отъ лица лютерскаго о нашихъ уставѣхъ святыя церкви—не для какой ереси, но для лучшаго знанія, чтобъ я былъ го-

* Справщикъ типографіи, монахъ Ѳеологъ показалъ: „Въ прошломъ 1713 году, въ домѣ вице-губернатора московскаго В. С. Ершова, отъ самого его, Димитрія, въ разговорѣ слышалъ глаголюща его, якобы онъ отъ иноземцевъ слышалъ, бывая въ Нѣмецкой слободѣ, у нихъ совопротенія и разумѣнія ихъ, предлагалъ о поклоненіи иконамъ и о прочихъ вышеписанныхъ догматахъ, которыхъ де намъ недостоитъ творити, и приводилъ о томъ свидѣтельства отъ Библіи по ихъ еретическому лютеро-кальвинскому разумѣнію.“ Слѣдств. дѣло, л. 215.

товъ къ отвѣту, кто меня вопроситъ отъ иновѣрныхъ. А съ кѣмъ такіе диспуты были, также и которые слушали обносятъ меня вашему архіерейству будто я держалъ такіе диспуты за правду и противлюсь святѣй церкви,—и то они затѣваютъ напрасно, не справясь съ моими отцы духовными и не обыскавъ гдѣ я въ приходѣ; а и сами они о мнѣ свѣдомы что я всякія потребы принимаю отъ святыя церкви, какъ и они. А ежели я вашему архіерейству доношу и исповѣдаю неправду или подъ какою кондиціею, да буду подъ вѣчною анаѳемою и подъ постиженіемъ праведнаго суда Божія и вѣчнаго осужденія." * „Многострадальный колодникъ," ** школьникъ Иванъ Максимовъ, въ свою очередь каялся Яворскому, „что въ прошедшее время нѣкакъ опознахся съ пасторы люторскими (бывши въ Нарвѣ, послѣ и на Москвѣ), и они имѣли со мною разговоры о догматахъ церковныхъ, а именно о непоклоненіи святыхъ иконъ, и о непризываніи святыхъ на помощь и о постѣхъ отъ стараго и новаго завѣта мнѣ доводили, и на то отпоръ имъ, елико могъ чинилъ; однако не возмогохъ тогда ихъ хитро-сплетенныхъ подлоговъ разрушити. И оттолѣ смутихся и начахъ день отъ дне о томъ размышляти, како бы и гдѣ добрѣ на отпоръ противнымъ научитися, и отъ нѣкоторыхъ увѣдѣхъ: пріидохъ того ради въ школы латинскія. И егда пріучихся латинскимъ языкомъ разглагольствовати, начахъ вышереченныхъ пасторовъ слышанные отъ нихъ противные доводы нѣкоторымъ учителемъ къ разрѣшенію подлагати, о томъ же и прочіимъ ученымъ людемъ, въ высшихъ наукахъ пребывающимъ; они же возмнѣша за то быти мя подъ сумнѣніемъ. Нынѣ же познахъ себѣ, яко воистину человѣколюбецъ Богъ, приводя мя ко спасенію, благоизволи нанести на мя грѣшнаго сію настоящую бѣду и терпѣніе, и въ послѣднюю нищету пріидохъ, *а паче всего уже вторый годъ и свободныхъ наукъ всѣхъ обнажихся.* *** Эти покаянныя донесенія написаны были 20го августа. На измѣненіе участи заключенныхъ они не произвели никакого вліянія. Запиской Тверитинова слѣдователи воспользовались лишь для того чтобы найти новыя противъ него улики. Лѣкарь увѣрялъ въ ней что велъ диспуты „не для какой ереси, но для

* *Слѣдств. дѣло*, л. 128—л. 128 об.

** Такъ подписался Максимовъ подъ своею покаянною записью.

*** Слѣдств. дѣло, л. 126 об. — 127. Въ *Прав. Обозр.* 1863, іюнь, стр. 122, эта сказка напечатана съ ошибками.

лучшаго знанія, чтобы всегда быть готовымъ отвѣчать иновѣрнымъ"; духовное начальство, съ своей стороны, разборомъ тетрадей Тверитинова, старалось доказать что онѣ составлены не для обличенія иноземцевъ, но для того „чтобъ удобнѣе отторгнуть простой народъ отъ соединенія вѣры;" * что Тверитиновъ составилъ ихъ „отъ себя ло самой только злобѣ своей на церковь;" ** что вообще пункты тетрадей не имѣютъ полемическаго характера: „не словопрительно, но увѣщательно" *** написаны. Свидѣтельскія показанія, вызванныя соборнымъ увѣщаніемъ, должны были доставить церковному суду важнѣйшія доказательства зловредной еретической пропаганды, въ которой обвинялся Тверитиновъ. Еще въ 1713 году Яворскій писалъ царю что Максимовъ на пыткѣ „объявилъ прочихъ своихъ сообщниковъ и учителей своего раскольничества, иже, ничтоже сумнящеся, глаголютъ себе быти въ проклятыхъ своихъ ересяхъ паче всѣхъ мудрѣйшихъ и смысленнѣйшихъ и яко бы они паче наричутся христіане б....мъ своимъ расколомъ, нежели мы; расширяютъ бо адская своя уста на правовѣрный, истиннаго благочестія народъ, и богохульнымъ своимъ языкомъ дерзаютъ его прельщати, еже бы превратити на богомерзкое свое раскольничество и вкупѣ съ ними погибнути: ибо сами въ немъ вѣчно погибаютъ и хотящимъ въ православіи неподвижно пребывати, погибнути желаютъ. *И уже мнози суть въ Москвѣ, иже прельщени суть ядовитымъ ихъ прельщеніемъ на богомерзкое раскольничество.*" **** Сказки поданныя Яворскому не открыли однако новыхъ послѣдователей или учениковъ Тверитинова, кромѣ тѣхъ которые уже были извѣстны по первому слѣдственному дѣлу. Увлекшійся толками лѣкаря, архимандритъ Антоній писалъ между прочимъ въ своей сказкѣ: „Въ нынѣшнемъ въ 1714 году, іюліа въ 17й день, былъ у мене въ кельѣ шуринъ ево Димитріевъ, Матвѣй Алексѣевъ и, обѣдавъ, говорилъ за столомъ про зятя своего Димитрія, и сказывалъ какъ у него бывали многіе съ нимъ разговоры, и онъ де сущей еретикъ и противникъ святой церкви *и нынѣ де наполненъ его ученики Серпуховъ.* А при томъ, какъ онъ сіе говорилъ, были изъ Переславля-Залѣсскаго, Николаевскаго монастыря игу-

* *Правосл. Обозр.* 1863, августъ, стр. 327.

** Тамъ же, стр. 326.

*** Тамъ же, стр. 333.

**** Слѣдств. дѣло, л. 48 об. 49.

менъ Питиримъ, іеродіаконъ Авраамій, шуринъ же его Димитріевъ, а Матвѣевъ родной братъ, монахъ Пафнутій.“ * Но это показаніе Матвѣя Алексѣева, который давно, вмѣстѣ съ Пафнутіемъ, разошелся съ Тверитиновымъ и сталъ въ ряды его обличителей, не подтвердилось ничѣмъ: указаній на сношенія Тверитинова съ Серпуховымъ никакихъ не уцѣлѣло; едва ли они и существовали. Взводя на лѣкаря обвиненіе въ пропагандѣ, Матвѣй Алексѣевъ, повидимому, желалъ выставить себя въ выгодномъ свѣтѣ предъ архимандритомъ Антоніемъ. „И въ другое время бывши онъ Матвѣй (продолжаетъ Антоній) при братѣ своемъ Пафнутіи, говорилъ про него Димитрія что онъ есть въ лютерскомъ ученіи и имѣетъ учениковъ, и ученики де ево всѣ живутъ во всякомъ довольствѣ, потому что де они другъ друга снабдѣваютъ: *есть ли бы де и мнѣ къ нимъ склониться, то бы де и меня обогатили.*“ ** Со словъ того же Матвѣя Алексѣева доносилъ объ ученикахъ Тверитинова и игуменъ Питиримъ, но онъ не упоминалъ о Серпуховѣ. „Пафнутій (говорилъ онъ въ своемъ показаніи) противу его люторскихъ подлоговъ сдѣлалъ книгу со всякимъ свидѣтельствомъ Святаго Писанія и, сдѣлавъ, ему отдалъ во увраченіе. Да шуринъ же ево Димитріевъ, Матвѣй Алексѣевъ, мнѣ сказывалъ что де Димитріевы люторскія догмы есть многіе ученики. Да мнѣ же сказывалъ нашего же монастыря монахъ Самсонъ что онъ же, Дмитрій, ходитъ за Москву-рѣку въ Овчинники къ лосацкому человѣку въ домъ, къ Ѳедоту Терентьеву и учитъ де святымъ иконамъ не покланятися и прочая люторская мудрованія, и тотъ монахъ Самсонъ звалъ меня къ тому Ѳедоту въ домъ для обличенія его, Димитріева, еретическаго ученія; однакожъ мнѣ въ тотъ домъ сходить никогда не прилучилося.“ *** Самъ Матвѣй Алексѣевъ, въ сказкѣ поданной имъ согласно соборному увѣщанію, ни слова не сказалъ объ ученикахъ Тверитинова въ Серпуховѣ;****

---

* Слѣдств. дѣло, л. 168.

** Тамъ же, 168 л. об.

*** Тамъ же, л. 170 и слѣд.

**** Вотъ сказка Матвѣя: „По увѣщанію всего освященнаго собора велѣно сказать сказку людемъ всякаго чина и объявить именно про лѣкаря Димитрія Евдокимова и за его противныя слова въ разговорахъ на православную церковь. И азъ грѣшный не хощу быти подъ соборною клятвою, извѣщаю именно что у него слышалъ въ словахъ его со отцомъ моимъ, и съ братомъ и со мною говорилъ всякія слова

ничего не упомянулъ о нихъ и ревностный обличитель лѣкаря, сочинитель *Рожнца*—Пафнутій, въ обвиненіяхъ на своего Нѣмчина родственника заходившій, какъ увидимъ, далеко за предѣлы справедливости. Почему же молчалъ онъ о такомъ важномъ для обличителей Тверитинова фактѣ какъ совращеніе въ „новый расколъ“ чуть не цѣлаго Серпухова, еслибъ этотъ фактъ существовалъ не въ воображеніи только Матвѣя Алексѣева?

Несомнѣннымъ остается то что Тверитиновъ, какъ человѣкъ глубоко убѣжденный, не скрывалъ своихъ мыслей и, въ пылу увлеченія реформой, рѣзко порицалъ старый порядокъ вещей, невѣжество и суевѣріе массы и тѣхъ въ которыхъ, казалось ему, эта старина находила себѣ поддержку. „Прежде начатія объ нихъ розыска (писалъ въ своей сказкѣ Ершовъ) въ Москвѣ, во многія времяна разговоры его еретическіе слыхивалъ многіе, между которыми онъ, еретикъ, говаривалъ именно о святыхъ соборахъ и о нынѣшнихъ духовныхъ властяхъ сице: „дадутъ де они отвѣтъ предъ Богомъ; сколько де народу пропало и пропадаетъ!“ * Отданный всѣмъ сердцемъ успѣхамъ новаго просвѣщенія, Тверитиновъ относился къ старой Россіи такъ же презрительно и враждебно какъ иностранцы московской Нѣмецкой слободы, какъ самъ Преобразователь. „До розыскнаго о нихъ дѣла (показывалъ тотъ же Ершовъ) имѣли они еретическій свой голосъ такъ смѣло, *яко бы заграничной иноземецъ, но еще и поганѣе гораздо*, чего и люторы суціе такъ не мудрствуютъ.“ ** Запальчивыя рѣчи Тверитинова касались церкви, духовенства, вѣрованій, и всегда такъ или иначе разрѣшались сѣтованіемъ на скудость просвѣщенія народнаго. „Од-

безъ зазору и опасенія противность на нашу вѣру христіанскую и на церковь. Первое разсуждалъ неправымъ своимъ разсужденіемъ поклоненіе святыхъ иконъ, второе, не призывати святыхъ, третіе, и мощей святыхъ честь, четвертое, Креста Господня поклоненіе и честь, пятое. священство и монашество, и прочіе что содержится въ нашей православной соборной и апостольской церкви, все отрицалъ: не право де сіе все. А сущее де правда сія что у себя держалъ книгу *Катихизисъ* люторской: что въ ней написано, то де въ ней правда, надобно де содержать сіе всякому человѣку и будетъ де оправданъ предъ Богомъ. Сіе все слышахъ азъ, шуринъ его Матвѣй Алексѣевъ, и доношу въ правду. Слѣдств. дѣло, л. 188.

* Слѣдств. дѣло, л. 181.

** Тамъ же, л. 183, об. 184.

нажды въ разговорѣ съ лѣкаремъ Корнѣемъ Мининымъ, Тверитиновъ „называлъ тѣхъ которые кланяются святымъ иконамъ идолопоклонниками и приводилъ на то слово: *не сотвориши себѣ кумира*“ и проч.; потомъ сталъ говорить: „какъ де того безумнѣе—пророку Иліи о дождѣ молятся, а не Богу; а тотъ де пророкъ въ подаяніи дождя и ни въ чемъ силы не имѣетъ“. „Вы еще питаетеся млекомъ, заключилъ Тверитиновъ, а твердой пищи не пріяли.“ * Занятый вопросомъ о „твердой умственной пищѣ“, Дмитрій смѣло бросалъ свои обличенія на духовенство и открыто высказывалъ скептическія мысли, жестоко оскорблявшія чтителей старины. „Въ разныя времена (пишетъ Ершовъ) оному еретику лѣкарю я говаривалъ съ прошеніемъ и прещеніемъ, дабы онъ такъ буйствовать пересталъ или уже хотя бъ другихъ въ тое злую еретическую гибель не вводилъ, а ежели не перестанетъ, то погибнетъ. И оный мнѣ отвѣтствовалъ: „сказано де во Евангеліи: *не бойся, малое мое стадо*: *Азъ есмь съ вами*. То то де мы сущія его овцы и надѣемся де на одного ходатая на Него, Христа, а не на иныхъ ходатаевъ.“ ** Тверитиновъ зналъ какъ должны были отнестись къ его рѣчамъ въ обществѣ воспитавшемся подъ вѣковою опекой византійской догмы. „Вы сами о себѣ мудрствуете“, говорилъ онъ въ домѣ Александра Петровича Лопухина, окруженный приверженцами старины, клевретами первой супруги Петра Великаго: „и кто де съ вами станетъ говорить правду отъ Святаго Писанія и вы де грозите мучительствомъ“. *** „Только де у васъ и разума—грозите кнутомъ и огнемъ.“ **** Лѣкарь тѣмъ не менѣе любилъ откровенно говорить о занимавшихъ его вопросахъ, если къ тому представлялся случай. Когда въ Москвѣ дѣлали новую земляную крѣпость, во рвахъ выкопали нѣсколько умершихъ, „въ томъ числѣ находили тѣлеса неистлѣнныя и съ одеждами монашескими“. Тверитиновъ въ это время пришелъ въ овощной рядъ въ лавку къ своему знакомому торговцу Ерофею Андрееву (Мѣщанской слободы). Ерофей, съ которымъ лѣкарь часто бесѣдовалъ о святыхъ мощахъ, сталъ говорить о недавно выкопанныхъ нетлѣнныхъ тѣлесахъ и „подставлялъ ему видимое въ свидѣтельство на

* Слѣдственное дѣло, л. 175, 176.

** Тамъ же, л. 181 об.

*** Тамъ же, л. 171, об.

**** Тамъ же.

его невѣріе". Тверитиновъ горячо заспорилъ и „между многими своими о святыхъ иконахъ и святыхъ мощахъ противными разговорами утвержденіе соборное называлъ бабьимъ соборомъ", а благовѣрную царицу Ѳеодору сталъ бранить полуимянемъ. *

Сказки поданныя Яворскому проливаютъ новый свѣтъ на личность Тверитинова, на его общественныя связи и отношенія и дополняютъ живыми чертами тотъ отвлеченный образъ который обрисовывается предъ внимательнымъ читателемъ тетрадей Дмитрія. Фискалъ Степанъ Васильевъ показывалъ: „Съ лѣкаремъ Дмитріемъ Тверитиновымъ у него разговоры были. И въ этихъ разговорахъ онъ, Дмитрій, говорилъ про святыя иконы что почитаютъ де люди *народъ простой богоговорно*. И говорилъ: откуда де иконы и имъ поклоны взяты? О томъ де въ Завѣтахъ, въ Ветхомъ и въ Новомъ, повелѣнія не написано. Поминовеніе де усопшихъ отколѣ взято? Того де нигдѣ нѣтъ же написаннаго, а вездѣ де значитъ что по смерти покаянія никому нѣтъ, и что де кто живой сдѣлалъ, то де на страшномъ судѣ и пріиметъ, для того что и святымъ, и грѣшнымъ указу еще нѣтъ до страшнаго суда Христова. Про евхаристію святую говорилъ: въ евхаристіи де называютъ самимъ Богомъ, а тутъ де только тайна, а не божество. Тако же де и мощамъ святыхъ отшедшихъ поклоненіе и служба святымъ отколѣ взята, о томъ де нигдѣ не написано жь. И что де на заступленіе ихъ уповаютъ и причитаютъ де къ нимъ божескую силу? А Богъ де и самъ всѣхъ святыхъ милостивѣе и заступниковъ де никого Богъ не требуетъ и всевидецъ де Богъ всему Самъ. А что де свѣчи ставятъ предъ иконы люди и тѣмъ де будто Бога увеселяютъ, а Богу что въ огнѣ треба? для того что де Богъ всѣмъ свѣтъ далъ Самъ. О постахъ онъ же говорилъ что де и то приложено что во вторникъ и въ четвертокъ ѣдятъ мяса, а въ среду и въ пятокъ не ѣдятъ; и то де дѣлаютъ напрасно, для того что де во уста не скверитъ ничто. И монашество де сдѣлано отъ умышленія старческаго, а не отъ повелѣній Божіихъ; вселенскіе соборы сдѣланы по ихъ соборнымъ изволамъ, а не по ученію пророкъ и апостолъ." **

Изъ слѣдственныхъ сказокъ не видно чтобы Тверитиновъ

* Слѣдственное дѣло, л. 204, 183 об.

** Тамъ же, л. 207 об.

распространялъ свои тетради; онъ немногимъ давалъ и читать ихъ. Результатъ долговременной уединенной работы, онѣ ввѣрялись Тверитиновымъ лишь тѣмъ отъ которыхъ онъ имѣлъ основаніе ожидать и ожидалъ основательнаго разъясненія вопросовъ, матеріалъ для которыхъ собранъ былъ въ тетрадяхъ. Съ своими тетрадями и лютеранскими книжками онъ приходитъ къ ученымъ наставникамъ славяно-латинскихъ школъ, къ священникамъ, къ учителю нѣмецкой школы; съ ними особенно любилъ онъ говорить о православныхъ догматахъ, у нихъ беретъ книги для чтенія. Священникъ церкви Вознесенія Господня и Ипатія чудотворца, Кириллъ Васильевъ, сказалъ. „Жилъ въ моемъ приходѣ, въ дому Устины Осиповны Украинцовой, лѣкарь Дмитрей и со мною въ разглагольствѣ о поклоненіи святымъ иконамъ и о почитаніи святыхъ противныя слова многія говорилъ, яко поклонятися святымъ иконамъ и святыхъ почитати не подобаетъ и нигдѣ того въ Библіи, въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтахъ, не написано—поклонятися святымъ иконамъ. И я ему говорилъ: церковь святая пріяла поклонитися иконамъ, и есть написано: *Пречистому образу* Твоему *покланяемся, Благій* весь до конца; и онъ говорилъ: „сіе недавно написано“. И давалъ азъ ему книгу *Катихизисъ* новолечатную *, въ ней же о поклоненіи святыхъ иконъ и о почитаніи святыхъ писано, и онъ сказалъ: „сіе недавно писано“. И выѣхалъ онъ изъ моего прихода въ приходъ Успенія Богородицы на Покровку, и былъ я у него въ домѣ со святынею и показывалъ онъ мнѣ лютеранскій молитвенникъ, напечатанный въ Стекольнѣ, на русскомъ діалектѣ. И онъ читалъ оныя молитвы лютеранскія съ великимъ почитаніемъ и зѣло хвалилъ и цѣловалъ я; и я у него просилъ тоя книги для прочитанія, и онъ не далъ. И на дорогѣ я съ нимъ сошедшися, просилъ его чтобъ онъ, выписавъ изъ книгъ святыхъ, далъ мнѣ писаніе о поклоненіи святымъ иконамъ на посрамленіе противъ лютерановъ, и онъ сказалъ· „нигдѣ такого писанія не обрящешь.“ ** Духовныя лица къ которымъ обращался Тверитиновъ со своими мудрствованіями и запросами не всегда были въ состояніи разсѣять сомнѣнія лѣкаря и возвратить его къ признанію отвергнутыхъ имъ догматовъ; и Тверитиновъ оставлялъ ихъ разочарованный и неудовле-

* Здѣсь разумѣется *Православное исповѣданіе вѣры*.

** Слѣдственное дѣло, л. 154 об.

творенный. Симоновскій архимандритъ Петръ Смиляничъ, Сербъ, показалъ между прочимъ: „Какъ я пришелъ на дворъ (гдѣ жилъ Тверитиновъ), сталъ о томъ говорить и его спрашивать о чемъ у него съ полковникомъ (Божичемъ) споръ учинился, и онъ, Дмитрій, мнѣ сказалъ: „не понравилося господину полковнику что мы спирались съ нѣкоторыми людьми о вѣрѣ: которіи люди, изъ христіанъ именуеміи, лучше содержатъ вѣру! А я ему сказалъ: „Или ты того не знаешь что наша вѣра православная греческая лучше всѣхъ и утверждена на твердомъ фундаментѣ седмими соборами вселенскими“? А онъ такой отвѣтъ учинилъ: „Вы твердость свою полагаете на вселенскіе соборы; а есть люди разумные, которые свою вѣру и заповѣди содержатъ отъ самого Христа Спасителя изъ Евангелія и изъ Апостола, и вамъ со своими соборами нечего будетъ говорить противъ ихъ правдѣ“. А потомъ вопрошалъ: „Откуда у васъ поклоненіе иконамъ? Откуда поминовеніе мертвымъ? По смерти что̀ его будетъ пользовать? Только де то выдумали попы ради своего прибытку, а иного свидѣтельства нигдѣ нѣту, чтобы возможно кому, дабы польза была отъ поминовенія, что̀ творится послѣ смерти“. Также и о евхаристіи говорилъ: „Пожалуй, дай мнѣ отвѣтъ: како можетъ единъ Христосъ быть повсюду раздѣляемъ, и раздробляемъ, и раздаваемъ и снѣдаемъ въ службахъ, которыя бываютъ во всемъ свѣтѣ въ единъ день и въ единъ часъ? ибо въ томъ де я вельми усомнѣваюсь“; и прочія безумныя укоризненныя и противныя слова. И я ему по возможности своей о томъ отвѣщалъ. И онъ сказалъ: „Тому я не могу повѣрить; развѣ изволь мнѣ написать на листьмѣ, и я покажу учителю нѣмецкой школы, для того что онъ вельми умѣетъ о томъ противно отвѣщать“. * Златоустовскій архимандритъ Антоній, „не весьма читатель божественнаго Писанія“, купилъ у Тверитинова рукописную копію лютеранскаго катихизиса, чрезъ Пафнутія досталъ себѣ (еще въ 1710 году) его тетради и велѣлъ списать для себя. „А когда ихъ у меня списывали (показываетъ Антоній), и онъ, Дмитрій, ко мнѣ пришелъ и, увидѣвъ, говорилъ: „О, если кто въ сихъ тетратѣхъ писанія выразумѣетъ, добръ тотъ будетъ“. Съ Антоніемъ Тверитиновъ былъ откровененъ, но относился къ нему свысока. „Да онъ же, Дмитрій (говорилъ архимандритъ въ своей сказкѣ),

* Слѣдственное дѣло, л. 155.

называлъ соборъ который былъ при Θеодорѣ царицѣ бабіимъ: царица де Θеодора восхотѣла свою догму уставити чтобы иконамъ поклонялися, и собрала изъ лѣсовъ и изъ пустынь черноцовъ, и они де по ея воли и утвердили поклоненіе иконамъ, а вы де ево и слушаете и еретиковъ проклинаете, а клясти не подобаетъ никого. Да и всѣ де ваши соборы между собою несогласны, единъ другаго собора порицали, глаголюще: не добрѣ разумѣша того собора отцы; и на сицевыхъ несогласіяхъ кто можетъ утверждатися? Да онъ же Дмитрій говорилъ многажды о праздницѣ Пресвятыя Богородецы Казанскія, что бываетъ іюля въ 8й день: „сей де праздникъ у васъ дѣвочей; дѣвка де еще имене себе не могла знать, а вы де, ей повѣривши, и праздникъ составили; и то де у васъ догма, якоже и другіе неизвѣстные ваши догматы. И добрѣ де о васъ апостолъ глаголетъ, якоже не вѣстѣ яже чтете и яже утверждаете“ *. Объ извѣстномъ обѣдѣ у Магницкаго Антоній показалъ: „Да еще въ прошломъ въ 713 году, въ мѣсяцѣ генварѣ, былъ я у Леонтія Магницкаго въ домѣ, видѣлъ и слышалъ ево Димитрія, какъ онъ пространно разговаривалъ *аки бы отъ иноземческаго лица* съ нимъ, Леонтіемъ, и съ Иваномъ Коротким и съ шуриномъ своимъ, монахомъ Пафнутіемъ; а съ сторону его былъ фискалъ Михайло Андреевъ. А въ той разговоркѣ отрицалъ онъ, Димитрій, въ постѣхъ различіе брашенъ, и во святомъ причащеніи говорилъ просту быти хлѣбу и вину, а не сущу тѣлу и крови Христовой; а приводы онъ на сіе приводилъ тѣ же *которые мнѣ наединѣ и кромѣ иноземческаго лица говаривалъ*“. **

Листъ содержавшій въ себѣ сокращеніе тетрадей Тверитинова постоянно висѣлъ у него въ домѣ: его видѣли всѣ навѣщавшіе лѣкаря. Священникъ церкви Успенія Пресвятой Богородицы и Николая Чудотворца Большаго Креста, Георгій Кириловъ, показалъ: „И видѣлъ я у него, Дмитрея, въ палатѣ листъ къ стѣнѣ прилѣпленъ, на немъ же написано: *Азъ есмь Господь Богъ твой, изведый тя изъ работы Египетскія; не будутъ тебѣ бози иніи, развѣ Мене. Не сотвориши себѣ кумира, ни всякаго подобія; елика на небеси горѣ, и елика на земли низу и елика въ водахъ подъ землею, да не поклонишися имъ. Азъ есмь Господь Богъ твой.* И сіе изъ

* Слѣдственное дѣло, л. 166 об.—167.

** Тамъ же, л. 168.

посланія Павла апостола: *И измѣниша славу нетлѣннаго Бога въ подобіе образа тлѣнна человѣка, и птицъ, и четвероногъ и гадъ;* и прочая подобная на листу томъ писана изъ разныхъ книгъ. И слышалъ я отъ него словеса, яко помяновеніе по умершихъ не пользуетъ, которое свое разумѣніе онъ, противное святѣй церкве, утверждалъ апостольскими словесы сими: *кійждо пріиметъ мзду по своему труду.* И поклоненіе святымъ иконамъ отрицалъ, глаголя: *Слыши, Израиле! Господь Богъ твой—Господь единъ есть; Господу Богу твоему поклонишися и тому единому послужиши.* А кланятися глаголалъ не на иконное изображеніе зря, но въ небо, и утверждалъ то Христовыми словесы: *Духъ есть Богъ и духомъ кланятися подобаетъ, ибо таковыхъ покланяющихся ему ищетъ Богъ*". * Антоній показывалъ: „Да въ томъ же (1710) году въ мѣсяцѣ сентябрѣ звалъ онъ, Дмитрій, меня въ домъ къ себѣ; и я видѣлъ у него въ домѣ, въ переднемъ углу, листъ большой въ рамахъ, писанъ уставнымъ письмомъ, такимъ же чиномъ какъ и въ тетрати, токмо мало посокращеннѣе. Да и въ другое время онъ, Дмитрій, звалъ меня на имянины къ себѣ въ домъ. И я, будучи у него вечернемъ временемъ, вышеписаннаго листа не видѣлъ, и спросилъ у него: „гдѣ у тебя листъ который стоялъ въ переднемъ углу"? И онъ сказалъ: „отдалъ де я его Михайлу Андрееву"; и говорилъ мнѣ: „пущай де и другіе пользуются, а у меня де есть и другой маленькой". И взявши съ стола шендалъ съ свѣщею и повелъ меня къ дверямъ и показывалъ надъ дверьми стоящую картину, а на ней написано золотыми литерами двѣ заповѣди, которыя писаны выше сего, а прочихъ заповѣдей не писано". **

Въ теченіи трехъ мѣсяцевъ со дня обнародованія соборнаго увѣщанія православнымъ, тридцать девять человѣкъ отчасти сами принесли сказки на Тверитинова, отчасти привлечены были, для этой же цѣли, къ допросу въ духовный приказъ. ***

---

* Слѣдственное дѣло, л. 153—153 об.

** Тамъ же, л. 167 об.

*** Ершовъ показалъ что „купецкой Ероѳей Андреевъ вѣдаетъ *многое сопротивленіе* о Тверитиновѣ" (Слѣдст. дѣло, л. 183 об.), и Ероѳей долженъ былъ дать сказку о своихъ разговорахъ съ лѣкаремъ. Священникъ Козьма Елисеевъ написалъ что теща и шурья Тверитинова желаютъ дать сказки объ его еретичествѣ: ихъ заставили написать *свидѣтельства* что лѣкарь еретикъ. Вотъ ихъ по-

Изъ числа подавшихъ сказки и допрошенныхъ, почти половина (восемнадцать) принадлежала къ духовенству; изъ свѣтскихъ лицъ самыя обширныя донесенія представлены были вице-губернаторомъ Ершовымъ, * Магницкимъ и Поликарповымъ; надъ разъясненіемъ дѣла о Тверитиновѣ снова работали съ особенною ревностію люди устраивавшіе обѣды и диспуты въ 1713 году. Соборное увѣщаніе скудно пополнило ряды прежнихъ обличителей и не прибавило почти ничего къ тому что̀ зналъ о Тверитиновѣ Мусинъ-Пушкинъ до отъѣзда своего въ Петербургъ.

5го сентября (въ недѣлю 16ю по Святомъ Духѣ) Яворскій сказалъ новую обличительную проповѣдь на Тверитинова и его „богопротивную компанію“. Въ ней раскрывалась та ис-

---

казанія: „1714 года, мѣсяца сентября 25й день, гостиные сотни Алексѣя Олисова жена ево Ѳекла Кондратьева дочь дала сіе свидѣтельственное письмо о зятѣ своемъ лѣкарѣ Дмитрее Евдокимове въ томъ что онъ разные разговоры имѣлъ съ мужемъ моимъ, а съ своимъ тестемъ, которые явились противны святѣй соборной и апостольской церкви. Еще слышала отъ мужа моего о немъ, что онъ не поклоняется святымъ иконамъ и святыхъ мощи имѣлъ за простыя тѣлеса мертвыхъ“. Стефанъ Олисовъ написалъ почти то же: „1714 года, мѣс. сентября въ 25й день, лѣкарскихъ и аптекарскихъ дѣлъ ученикъ Стеванъ Алексѣевъ сынъ Олисовъ далъ сіе свидѣтельство за моею рукою о зятѣ моемъ, лекарѣ Дмитре Евдокимовѣ въ томъ что онъ имѣлъ разные разговоры со отцемъ моимъ и съ братьями моими такожде и со мною о разныхъ вещахъ. И противъ его разговоровъ явился онъ, Димитрій, противенъ нашей вѣрѣ и св. соборной и апостольской церкви, потому что онъ имѣлъ святыя иконы за самое простое древо; и сказывалъ мнѣ что не надобно де имъ поклоняться; такожде и о святыхъ говорилъ что по смерти ихъ нѣтъ отъ нихъ помощи“. Слѣдств. дѣло, л. 188 об.—189. Ершовъ же донесъ что о Косомъ знаютъ Дмитрій Марьинецъ и садовникъ Воронинъ; того и другаго сыскали для дачи сказокъ.

* Показаніе Ершова, написанное на восьми полулистахъ, начинается такъ: „Аще и грѣшенъ есмь, обаче есмь сынъ матере нашея святыя благочестивѣйшія седмисоборныя апостольскія церкве и святаго ея матерня гласа, якоже самого жениха ея, Спасителя нашего, Христа Бога, трепещу и во всемъ доброхотно повинуюся. И того ради по вышеписанному ея всежелательному увѣщанію представляю къ ней, всесладчайшей моей матери, совѣсть мою нагу сущу, безъ всякаго пристрастія, тако ми Христа, развѣ забвенія суща днесь, въ чемъ отъ нея и прощенія прошу.“ Слѣд. дѣло, л. 177.

тина православной церкви что Священное Писаніе повелѣваетъ хранить преданія *. Въ началѣ проповѣдникъ приломинаетъ слушателямъ слова изъ прочтеннаго Евангелія: *Человѣкъ нѣкій, отходя, призва своя рабы и предаде имъ имѣнія своя* (Матѳ. 25, 14); такъ и Христосъ,—продолжаетъ онъ,—„отходя на страну далече, до онаго т.-е. небеси, идѣже престолъ славы Его, вручилъ намъ таланты, т.-е. различныя дарованія". „Боязненны и святымъ Божіимъ эти таланты!" Но еретики, какъ древніе такъ и новѣйшіе, получивши отъ Бога талантъ—мудрость, употребляютъ ее во зло и тѣтъ готовятъ себѣ вѣчную гибель. Святое крещеніе дѣлаетъ ихъ сынами церкви православно-каѳолической; но они, омрачившись своею треклятою ересью, крещеніе свое ругаютъ, дѣлаются врагами Божіими, отродками и ругателями православной церкви. Въ самомъ началѣ проповѣди, приломиная нѣкоторые пункты тетрадей Тверитинова, Яворскій даетъ понять слушателямъ противъ кого будетъ направлено его слово. „Церковь содержитъ седмь таинъ; изверги же ея глаголютъ быти токмо два. Церковь повелѣваетъ творити благая дѣла, посты, молитвы, милостыни; изверги ея глаголютъ вся тыя быти вымыслы человѣческіе и преданія: не должно хранити я; и глаголютъ: *Богъ сего творити не повелѣваетъ; нѣсть сіе въ божественномъ писаніи писано*". Или не вѣсте, о прегрубѣйшіи невѣжди! яко церковь есть тѣло, Богъ же есть душа тѣла того: тѣмъ же что̀ церковь повелѣваетъ, Богъ повелѣваетъ" ** Не въ первый разъ всходилъ проповѣдникъ на церковную каѳедру чтобъ обличать вольнодумныя рѣчи и еретическія тетради Тверитинова: еще въ 1713 году онъ опровергалъ его толки объ угодникахъ Божіихъ; *** въ другомъ по-

---

* Проповѣди Стефана Яворскаго, II, 32. Проповѣдь относится къ концу 1714 года, когда обвиненные были заключены въ разныхъ монастыряхъ. Яворскій намекаетъ на ихъ заключеніе слѣдующими словами: „О противницы! видѣсте и *слышасте*, яко... преисполненны суть посланія апостольскія. *Аще же они* (т.-е. обвиненные) *не услышатъ*" и т. д. Проп. II, 37.

** Тамъ же, стр. 31.

*** Слово въ недѣлю седьмую по пасцѣ, въ Проповѣдяхъ Яворскаго I, стр. 138—162. Въ сборникѣ прошлаго вѣка, принадлежавшемъ Ундольскому, нынѣ Московскаго Публичнаго Музея, № 658, л. 68, оно озаглавлено: *Слово въ недѣлю седьмую по пасцѣ противу лютеранов, и кальвинистов, и раскольников о призываніи святыхъ*

ученіи онъ доказывалъ еретикамъ, желавшимъ опираться на одно лишь Священное Писаніе, важность преданій 1) ихъ древностію и 2) свидѣтельствами самаго Священнаго Писанія. * Во время новаго слѣдствія надъ Тверитиновымъ, когда соборное увѣщаніе о подачѣ обличительныхъ на него сказокъ висѣло у церковныхъ дверей, Яворскій снова обращается къ опроверженію пунктовъ заключеннаго. Тонъ новой проповѣди мѣстоблюстителя сдѣлался рѣзче и суровѣе чѣмъ прежде. По-видимому, мысль о составленіи подробнаго опроверженія на тетради Тверитинова и затѣмъ на протестантскую догму вообще, мысль о *Камнѣ вѣры* уже созрѣла въ головѣ Яворскаго. Приведя въ доказательство важности преданій церковныхъ слова апостола Павла: „Тѣмъ же убо, братія, стойте и держите преданія, имже научистеся или словомъ, или посланіемъ нашимъ", проповѣдникъ восклицаетъ: „О, упорства и непокорства еретическаго! Вопрошаютъ отъ насъ свидѣтельства отъ Писанія, и Писанію не вѣруютъ! Се вамъ *камень*, его же поглотити не возможете". ** Но Яворскій думалъ не объ одномъ „духовномъ исправленіи" присланныхъ къ нему съ царскимъ указомъ „новыхъ еретиковъ"; въ поученіи онъ намекнулъ на необходимость иной мѣры относительно ихъ. Разбирая свидѣтельства Священнаго Писанія о преданіяхъ, онъ останавливается на словахъ апостола Павла въ посланіи къ Тимоѳею: „О, Тимоѳее! преданіе сохрани, уклоняйся сквернымъ суесловій и прекословій лженменнаго разума". (Посл. I, 5.) „Апостолъ Павелъ, продолжаетъ проповѣдникъ, предвѣдяше яко имѣяху возстати безглавни еретицы, хотящіи разграбити сіе сокровище.... Почто же тако искренно наказуетъ хранити преда-

---

и приписано префекту Гавріилу. Мы не имѣли возможности провѣрить справедливость этого указанія.

* Въ разбираемомъ словѣ Яворскій говоритъ: „На сія вся отвѣщахомъ имъ въ прежнемъ моемъ словѣ, ово отъ древности хранимыхъ преданій, ово отъ писанія самаго божественнаго худоумное ихъ мнѣніе обличающе и ложь ихъ являюще". Проп. II, 32. Въ другомъ мѣстѣ той же проповѣди сказано: „Аще кому случися на семъ святомъ мѣстѣ недостойныя моея слушати проповѣди, вспомянути можетъ како противницы церкви святой, еретицы кальвины и лютеры, злохульнымъ еще аріанскимъ дышуще ядомъ, о преданіяхъ, всеусердно держимыхъ, оглашаютъ церковь православную". Сколько намъ извѣстно, это поученіе не было напечатано.

** Проповѣди Яворскаго II, 37.

нія? Сего ради, яко Фингелъ и Ермогенъ, уже отвратившеся, противная сумазбродствоваху.“ „Павле святый! (восклицаетъ Яворскій) аще бы возсталъ еси нынѣ и посмотрѣлъ еси, нетокмо во всемъ мірѣ, но во градѣ семъ не двоихъ, но безчисленныхъ за новымъ Фигелломъ—Лютеромъ и Ермогеномъ—Кальвиномъ развратившихся увидѣлъ бы еси. Во истинну треба бы нынѣ развѣ съ тою палицею показатися ея же нѣкогда на Галатѣхъ употребити хотѣлъ еси!....“ *

Разсматривая преимущественно вопросъ о преданіяхъ церковныхъ, Яворскій касается въ своей проповѣди и другихъ отдѣловъ тетрадей Тверитинова, стоявшихъ въ связи съ вопросомъ о преданіяхъ и отчасти имъ обусловленныхъ: числа таинствъ, постовъ, поклоненія иконамъ, таинства евхаристіи. Разговоры извѣстные изъ поданныхъ въ духовный приказъ сказокъ, и тетради лѣкаря ** составляютъ исключительный предметъ обличеній Стефана. Еретики „помышляютъ, мню, вопросити: аще и можно хранити преданія, но не вѣмы кія суть правыя и почему познати правость ихъ?“ И вотъ вторая часть проповѣди посвящается указанію признаковъ истинныхъ преданій церкви. Грозное будущее предсказываетъ Яворскій „неблагодарнымъ чадамъ церкви, ехиднамъ, снѣдающимъ утробу матери своей, Авессаломамъ, звѣронеистовѣйшимъ отцегонителямъ“: „увидите, о противницы, прельщеніе и худоуміе ваше“! Проповѣдь заключается слѣдующимъ молитвеннымъ обращеніемъ ко Святой Троицѣ: „Измы отъ правовѣрія раздоры, *разруши совѣты*, паче же сихъ иже въ православіи родишася братія наши, нынѣ же воюющія на насъ суть и на вѣру нашу православную, *измы ихъ отъ средыны насъ*, потреби гордость вселившуюся.... Измы надмѣніе, Боже нашъ, отъ умовъ ихъ, иже херувима отъ небеси сверже въ преисподнюю. Но даждь имъ умъ съ нами единомудрствовати, даждь намъ миръ

* Проповѣди Яворскаго, стр. 39—40.

** Касаясь 25 надписанія тетрадей о ложныхъ учителяхъ, Яворскій говоритъ: „Что̀ имутъ (еретицы) противу глаголати? Не что̀ иное, токмо яко неблагодарніи сынове отцовъ святыхъ укорати и матерь свою православную церковь злословити. О, злохитріи хульницы! укоряете отцовъ святыхъ, кто *вамъ* вѣру имать? Како хощете истинніи предъ *учениками* своими явитися, имъ же совѣтуете да *учителемъ* не вѣруютъ?“ Проп. II, 36. Противъ 25 надписанія тетрадей Яворскій написалъ: Propter se scripsit, rejicientem doctrinam patrum et doctorum. *Православное Обозрѣніе* 1863, августъ, стр. 332.

оный, его же, отходя отъ насъ, оставилъ еси намъ. Не терпи, Господи, да яже на крестѣ распростертыма дланьма собралъ еси, паки расточенныя лестію змія адскаго быти.... но да будетъ множество вѣрующихъ сердце едино и душа едина; да будемъ вси едино стадо, Ты же намъ единъ пастырь; въ семъ же градѣ да не будетъ беззаконіе и преслканіе, да не презираетъ рука око, ниже око руку, да не возстаютъ нозѣ на главу, ниже да речетъ глава ногамъ: не требѣ ми есте.“ * Но миръ еще далекъ былъ и отъ обвиненныхъ, и отъ обвинителя....

Уже два мѣсяца тянулось вновь начатое Яворскимъ слѣдствіе надъ Тверитиновымъ; о товарищахъ его заключенія какъ будто забыли. Все вниманіе и митрополита, и подававшихъ сказки занято было лѣкаремъ и отчасти ускользнувшимъ отъ рукъ церковнаго суда Косымъ. Между тѣмъ Ѳома Ивановъ, вмѣстѣ съ Максимовымъ и Мартыновымъ, привезенъ былъ изъ Петербурга еще 5го іюля. Въ августѣ, когда обвиненнымъ, предъ разсылкой въ монастыри, предложено было написать истинное покаяніе, Ѳомѣ Иванову мелькнула надежда на скорое освобожденіе. Смѣлая и непреклонная натура цирюльника, которой не могъ отказать въ правдивости ни сенатъ, ни самъ Яворскій, пошатнулась въ монастырскомъ заключеніи. Уступая требованію мѣстоблюстителя, Ѳома написалъ: „1714 года августа въ „ “ день противъ присланнаго великаго государя указу, каковъ присланъ изъ патріаршаго духовнаго приказу въ Чудовъ монастырь ко архимандриту Геннадію, подначальный цирюльникъ Ѳома Ивановъ приноситъ истинное покаяніе святѣй соборной и апостольской церкви, и ему, преосвященному Стефану, митрополиту рязанскому и муромскому, и всему священному собору что я, Ѳома, ни отъ кого никакихъ ересей не учился, и самъ никого ересемъ не училъ же и никакихъ еретиковъ не знаю, нынѣ и впредь еретиковъ проклинать буду и соединитися святой православной, восточной, соборной, апостольской церкви и догматомъ ея православно-вѣрнымъ и святымъ иконамъ, образу Спасителя, Пресвятей Богородицы, кресту Христову, мощамъ святымъ, призываніе святыхъ, молитвы за умершихъ безъ сумнѣнія пріемлю, евхаристію истинно быти тѣло и кровь Христову. А буде я, Ѳома, нынѣ и впредь святой православной, восточной, соборной и апостольской церкви и догматомъ ея православно-

* Проповѣди Яворскаго, II, 48.

вѣрнымъ, святымъ иконамъ, кресту Христову и мощамъ святымъ честь и поклоненіе творити не буду и призываніе святыхъ, и молитвы за умершихъ, евхаристію истинно быти тѣло и кровь Господню вѣровать не стану и противныхъ еретиковъ проклинать не стану жь и впредь ересемъ держатца: и я, Ѳома, да буду подъ вечною анаѳемою и постиженіемъ праведнаго суда Божія и вѣчныя муки, здѣ же привременною смертію и казнію." * Надеждамъ Ѳомы не суждено было осуществиться. На его покаяніи Стефанъ написалъ обычное: „взять къ дѣлу", и только; въ отношеніи къ нему не думали исполнять царскаго указа „духовнѣ исправить и *взявъ у него исповѣданіе на письмѣ за его рукою*, учинить свободна", хотя никакихъ новыхъ данныхъ о Ѳомѣ, къ которымъ бы можно было придраться для переизслѣдованія его дѣла, не было подъ руками у Яворскаго. Вмѣсто *духовнаго исправленія*, Ѳому велѣли держать въ Чудовѣ монастырѣ „на цѣпи со стуломъ" ** и скованаго приводить къ церкви Божіей во время пѣнія"; *** вокругъ него раздавались слова: „анаѳема! анаѳема!" **** Ѳома не вынесъ всенароднаго позора; дикіе инстинкты поднялись въ душѣ его: подъ одеждой принесъ онъ съ собою въ церковь желѣзный косарь, и послѣ заутрени, уединяся, бросился къ образу чудотворца Алексія митрополита, стоявшему за желѣзною рѣшеткой у самой раки святителя, предъ правымъ клиросомъ, и сталъ его рубить. Стоячій, рѣзноѣ на серебрѣ образъ Ѳома „перерубилъ, святаго его лица брови, и уста, и носъ, и браду, и на главѣ клобукъ и правое плечо перерубилъ." † Разъяренный цирюльникъ до тѣхъ поръ „ломалъ и рубилъ", пока не прибѣжали старшіе братья и лампадчики, привлеченные необычнымъ стукомъ и „нуждою ухватя его, Ѳомку, удержали." †* Это было 5го октября 1714 года. Въ тотъ же день чудовскій архимандритъ Геннадій донесъ о случившемся Яворскому; митрополитъ приказалъ: „взять иконоборца въ патріаршь духовный приказъ и допросить его о семъ лукавомъ дѣлѣ и *о прочихъ, которые его на то поду-*

---

* Слѣдственное дѣло, л. 129 об.—130.

** Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

*** Слѣдственное дѣло, л. 1.

**** Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

† Слѣдственное дѣло, л. 1.

†* *Тамъ же* и *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

щали; и какo вѣруетъ; и для чего прежде на письмѣ подавалъ исповѣданіе и покаяніе приносилъ, а нынѣ противно сотворилъ." 6го октября Ѳому привели въ патріаршій духовный приказъ къ допросу. Судьба Ѳомы была рѣшена; онъ это понималъ. Прежняя твердость возвратилась къ нему, и въ духовномъ приказѣ онъ показалъ: „Отецъ де у него былъ Иванъ Яковлевъ, посадской человѣкъ, жилъ въ городѣ Твери. А онъ, Ѳомка, родился въ томъ же городѣ Твери и крещенъ у приходской церкви Илья Пророка, а крестилъ его, Ѳомку, той же церкви попъ Петръ: а воспріемники отъ святаго крещенія кто ему, Ѳомкѣ, были, того онъ сказать не упомнитъ. И отецъ его Ѳомкинъ въ томъ же городѣ Твери умре; а онъ, Ѳомка, остался послѣ отца своего въ малыхъ лѣтехъ и жилъ при матери своей въ домѣ Татьянѣ Юрьевы дочери во Твери жь. И у вышеупомянутого попа Петра онъ, Ѳомка, учился грамотѣ; да онъ же, попъ Петръ, ему, Ѳомкѣ, былъ и отецъ духовный, и по исповѣди святыхъ таинъ причащался. А многажды ль у него, попа Петра, на исповѣди онъ, Ѳомка, былъ, того онъ не упомнитъ; и тотъ де попъ Петръ нынѣ живъ ли, того онъ, Ѳомка, не вѣдаетъ. А мать де его и донынѣ жива и живетъ въ Твери жь. И тому двадцать два года онъ, Ѳомка, пріѣхалъ изо Твери къ Москвѣ.... И по пріѣздѣ своемъ изо Твери и на Москвѣ ни у кого священниковъ на исповѣди онъ, Ѳомка, не бывалъ и въ церкви де святыя божественнаго пѣнія онъ, Ѳомка, хаживалъ и молился истинному Богу, а святымъ иконамъ не покланялся. И въ прошломъ 713 году, по указу великаго государя велѣно его, Ѳомку, сыскать въ Преображенской приказъ, и онъ де, Ѳомка, услышавъ тотъ великаго государя указъ въ домѣ ближняго стольника, князя Ѳеодора Юрьевича Ромодановскаго, явился собою предъ нимъ, княземъ Ѳеодоромъ Юрьевичемъ. И изъ дому своего онъ, князь Ѳедоръ Юрьевичъ, отослалъ его, Ѳомку, въ Преображенскій приказъ." Разказавъ свою послѣдующую судьбу, Ѳома Ивановъ продолжалъ: „И въ Чудовѣ монастырѣ, по приказу архимандрита Геннадія, отданъ онъ, Ѳомка, въ подначальство гробовому іеромонаху Варсонофію. И онъ, Варсонофій, говорилъ ему, Ѳомкѣ, что чудотворецъ Алексѣй митрополитъ въ бѣдахъ человѣкомъ помощникъ, и поучалъ его, Ѳомку, чтобъ онъ образу чудотворца Алексѣя покланялся и цѣловалъ бы, — которой образъ Алексѣя чудотворца стоячей рѣзной на серебрѣ поставленъ въ церкви Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы предъ

правымъ крылосомъ. И сегожь октября 5го числа, какъ онъ, Ѳомка, пошелъ изъ кельи іеромонаха Варсонофія къ утрени въ вышепомянутую церковь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, и взялъ съ собою онъ, Ѳомка, тайно изъ той кельи косарь желѣзной. И по отпѣваніи утренняго пѣнія въ той церкви Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, тотъ вышеупомянутый образъ чудотворца Алексія онъ, Ѳомка, тѣмъ косаремъ желѣзнымъ изрубилъ, лицо, и брови, и уста, и носъ, и браду, и на главѣ клобукъ и правое плечо, для того что святыхъ иконъ, и животворящаго креста, и мощей угодниковъ Божіихъ онъ, Ѳомка, не почитаетъ, что святыя иконы и животворящій крестъ—дѣла рукъ человѣческихъ, а мощи его, Ѳомку, не милуютъ. И догматы, и преданія церковныя, и въ призываніи святыхъ и молитвы за умершихъ не пріемлетъ, и во евхаристіи не вѣруетъ быти истинное тѣло и кровь Христову, но просвира и вино церковное просто. И какъ онъ, Ѳомка, пріѣхалъ изо Твери къ Москвѣ и читалъ книги Ветхаго и Новаго Завѣта, святое Евангеліе и Апостолъ, и въ тѣхъ книгахъ не нашелъ чтобы покланяться святымъ иконамъ и животворящему кресту, и о призываніи святыхъ, и о евхаристіи истинное быти тѣло и кровь Христову. А тотъ де образъ чудотворца Алексѣя митрополита изрубилъ онъ, Ѳомка, собою. а ни съ кѣмъ о томъ не умышлялъ, и никто на то его, Ѳомку, не научилъ. А нынѣ и впредь святымъ иконамъ и животворящему кресту онъ, Ѳомка, поклоняться не хочетъ, и содержитъ о евхаристіи и о догматахъ церковныхъ и о прочеемъ какъ у него, Ѳомки, сказано въ семъ допросѣ выше. А того иконоборства и противности церковной ни у кого онъ, Ѳомка, не учился, а творитъ то иконоборство собою и никого людей того иконоборства онъ, Ѳомка, не училъ же и иныхъ иконоборцовъ и противниковъ церковныхъ таковыхъ какъ онъ, Ѳомка, содержитъ, никого не знаетъ. А какъ де онъ, Ѳомка, по присылкѣ изъ Санктъ-Петербурга держанъ въ патріаршѣ духовномъ приказѣ и на письмѣ онъ, Ѳомка, подалъ за рукою своею православное исповѣданіе и покаяніе преосвященному Стефану митрополиту чрезъ судію іеродіакона Трифилія, хотя себѣ онъ, Ѳомка, получить свободу. А какъ бы онъ, Ѳомка, получилъ бы себѣ свободу, и онъ бы, Ѳомка, творилъ о иконоборствѣ такожде какъ писано въ семъ допросѣ выше.“ Относительно Тверитинова, Максимова и

Мартынова Ѳома показалъ что не вѣдаетъ есть ли за вышеупомянутыми людьми иконоборство. *

Поступокъ Ѳомы ускорилъ развязку дѣла о другихъ подсудимыхъ; онъ обрушилъ на голову Тверитинова новое и самое тяжелое обвиненіе: святотатственное посягновеніе цирюльника на святыню не было ли практическимъ результатомъ смѣлыхъ толковъ лѣкаря, на словахъ и на письмѣ, о небоготвореніи иконъ? 11го октября, когда православная церковь празднуетъ память седьмаго вселенскаго собора, Яворскій сказалъ новую проповѣдь противъ московскихъ вольнодумцевъ.** Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ иконоборства Ѳомы о чемъ могъ говорить Стефанъ въ день церковнаго воспоминанія о соборѣ на иконоборцевъ какъ не о поклоненіи святымъ иконамъ? Основой своей проповѣди онъ избралъ слова церковнаго канона: „Пречистому ти образу покланяемся, Благій, просяще прощенія прегрѣшеніямъ нашимъ, Христе Боже!“ Тетради Тверитинова, „учителя ереси“, составляютъ попрежнему предметъ обличеній Яворскаго. Высказавъ убѣжденіе что „православные сынове восточной церкви готовы страдать и кровь свою изліять за честь иконъ святыхъ“, онъ переходитъ къ объясненію различія между идоломъ и иконой. Онъ обращается къ Тверитинову съ вопросомъ: „И что же послѣ речѐши, седмиглавный змію иконоборныя ереси, иконы святыя отметающая?“ И продолжаетъ такъ: „Слышу, слышу, рожденіе ехиднино, что̀ глаголѐши! Отрыгаеши отъ устъ твоихъ богомерзкихъ ядъ аспидовъ неисцѣленъ, нарицающи насъ православныхъ идолопоклонниками, а иконы святыя нарицающи идолами. Вѣпервыхъ вопрошаю, аспиде ядовитый: что̀ есть идолъ и что̀ есть икона? и какое разнствіе имѣетъ икона отъ идола? И ты еси *мерзкій учитель* во Израили и сихъ ли не вѣси? Образъ или икона есть изображеніе и подобіе вещи *истинныя*, которая вещь либо есть, либо была, либо будетъ. Изобразуетъ кто Святую Троицу лицами трехъ ангеловъ? то въ самой истинѣ было, когда три ангела явишася Аврааму у дуба Мамврійскаго. Изобразуетъ кто Бога Отца лицемъ старца нѣкоего пречестна? когда пророкъ Даніилъ и пророкъ Исаія

* Слѣдственное дѣло, л. 2 об.—5 об.

** Это неизданное слово Яворскаго *О поклоненіи иконамъ* находится, съ именемъ автора, въ рукописномъ сборникѣ Ундольскаго, Московскаго Публичнаго Музея № 658, л. 251—254.

видѣша Ветхаго деньми, сѣдящаго на престолѣ высоцѣ, превознесеннѣ и серафими окрестъ Его.....Тожде и о прочихъ иконахъ разумѣти подобаетъ, которыя всегда съ своимъ первообразнымъ согласуютъ и суть изображеніемъ и подобіемъ истинныхъ вещей. А идолъ что̀ есть и коль велико имать разнствіе отъ иконы? Икона есть изображеніемъ *истинныя* вещи, а идолъ есть изображеніемъ *прелести*. А что̀ ми изобразуютъ идолы Діа, Ерміа, Аполина, Артемиды и прочая безчисленная бѣсовская капища? А что̀ ми изобразуютъ идолы солнца и мѣсяца, Купала, Лады, Перуна? Рещи яко вся сія изобразуютъ боговъ; но о семъ вопросъ есть: истинны ли бози суть они, яже суть идолами изображенны?..." * Объяснивъ разницу между идоломъ и иконой, ** Яворскій заключаетъ эту часть проповѣди слѣдующими словами: „А что̀ жь прочее дерзнетъ иконы идолами нарицати, не слышите ли страшнаго грома отъ собора святаго, нынѣ празднуемаго вселенскаго седьмаго, аки облака превознесенна происходящаго и велегласно гремяща: *иконы святыя глаголющимъ быти идолами анаѳема, анаѳема, анаѳема!*" Не примѣняя пока этого постановленія воспоминаемаго церковію собора къ Тверитинову и его единомышленникамъ, Яворскій косвенно задѣваетъ обвиненныхъ, касаясь Льва Исаврянина, бывшаго какъ бы виновникомъ того собора на которомъ уничтожено было поклоненіе святымъ иконамъ. Извѣстно что Левъ Исаврянинъ (725) сдѣлалъ первый шагъ къ уничтоженію почитанія иконъ, и что сынъ и преемникъ его Константинъ Копронимъ, въ 754 году, созвалъ многочисленный соборъ, который отмѣнилъ поклоненіе иконамъ, ссылаясь на постановленія шести предшествующихъ вселенскихъ соборовъ. Но соборъ Константина Копронима не получилъ въ православной церкви каноническаго значенія и не былъ внесенъ въ число вселенскихъ соборовъ. Ни изъ тетрадей Тверитинова, ни изъ всего слѣдственнаго дѣла о немъ не видно чтобы самъ лѣкарь или кто-нибудь изъ его „компаніи" называлъ соборъ Копронима седьмымъ вселенскимъ и ссылался на его постановленія; Тверитиновъ, какъ мы видѣли, отвергалъ авторитетъ вселенскихъ соборовъ вообще. Яворскій въ своемъ *Камнѣ вѣры* говоритъ что „противники воплятъ"

---

* Сборникъ Ундольскаго, № 658, л. 251.

** Эту разницу Яворскій подробнѣе развиваетъ въ *Камнѣ вѣры*, часть 1, глава 6 (по 2 изд., стр. 79).

что *„ихъ соборъ*, отъ гноименитаго Копронима въ церковь Влахернскую собранъ, *есть соборомъ святымъ вселенскимъ седьмымъ* (тако бо его иконоборцы нарекоша); того убо собора, иконы отметающаго, слушати подобаетъ". * Въ проповѣди произнесенной въ день церковнаго празднованія седьмаго вселенскаго собора, Яворскій сопоставляетъ московскихъ вольнодумцевъ съ Константиномъ Копронимомъ и Львомъ Исаврянином. „Кто почитаетъ образъ (говоритъ Стефанъ), почитаетъ изображеннаго въ немъ. И тымъ побѣдилъ иконоборцовъ Стефанъ святый, за иконы святыя пострадавшій, о которомъ извѣщаетъ житіе его. Приведутъ его предъ самого иконоборцовъ начальника, злочестиваго Льва Исавра, повелѣвающаго ему попрати ногами икону Спасителеву. Что же творитъ мужъ святый? Проситъ кинсонной ** златицы и вопроситъ: „чій сей образъ и написаніе?" Егда рекоша ему яко кесаревъ есть, ударитъ о землю златицу и начнетъ ногами попирати, плевати, образъ кесаревъ, на златицѣ изображенный, предъ лицемъ самого кесаря уничижати и обезчещати. Разгнѣвался, на тое смотря, царь и всѣ его старѣйшины; а мужъ святый съ дерзновеніемъ рече. Тако ли, безумныи, разсуждаете? Гнѣваетеся яко азъ попралъ вашего царя земнаго, иже прахъ есть и пепелъ; како убо не имать гнѣватися Царь царствующихъ и Господь господствующихъ, Его же вы образъ скверными вашими попираете ногами? Нѣсте ли чли апостольское правило: *его же сами не хощете, прочіимъ не творите.* Не хощете иконамъ вашимъ, васъ изображающимъ, попраннымъ быти; почто убо попираете иконы самого Спаса нашего и Его угодниковъ изобразующія?"

Яворскій не хочетъ входить въ подробный разборъ пунктовъ Тверитинова о поклоненіи иконамъ. „Все мудрствованіе ваше богомерзкое (обращается онъ къ „еретикамъ") на двѣ части раздѣляется. Въ первой части мудрствовасте яко поклоняющіися иконамъ святымъ суть идолопоклонниками;... въ другой части суемудрствуете, мерзкіи, *гноименитые Копронимчики*, яко мы православные заповѣдь Господню преступаемъ иконамъ поклоненіемъ нашимъ; писано бо въ десяточисленныхъ заповѣдяхъ Господнихъ: *не сотвориши себѣ*

* *Камень вѣры*, часть 1, гл. 3, стр. 24 и слѣд.

** Кинсонъ—census, оцѣнка имѣнія по которой расположенъ былъ платежъ податей; *кинсонъ* не иное что значитъ какъ дань. Алексѣевъ, *Церковный словарь*.

кумира, ни всякаго подобія.“ Яворскій не хочетъ теперь посвящать времени на опроверженіе мудрствованій „богопротивной компаніи“, какъ дѣлалъ въ прежнихъ поученіяхъ; онъ торопится всенародно высказать отъ своего лица то что̀ готовился постановить относительно обвиненныхъ, опираясь на авторитъ всѣхъ находившихся тогда въ Москвѣ архіереевъ. „Но что̀ съ безумными и упорчивыми прочее глаголати? Скверняйся да сквернится. Отверзите мерзкія свои гортани со всѣмъ адомъ преисподнимъ. Церкви есть столпомъ, утвержденіе истины, съ котораго мы, чада ея, со всѣми отцами святыми, свѣтилами вселенскими: Василіемъ Великимъ, Григоріемъ Богословомъ, Іоанномъ Златоустымъ, Аѳанасіемъ и Кирилломъ и прочіими безчисленными, со всѣмъ соборомъ святымъ вселенскимъ, на иконоборцовъ собравшимся, вси единогласно глаголемъ и кровію нашею готовы подписатися: *Пречистому ти образу покланяемся, Благій!* Васъ же мерзкихъ еретиковъ, гноименитыхъ Копронимчиковъ, съ тѣмъ же соборомъ святымъ седьмымъ вселенскимъ проклинаемъ: анаѳема, анаѳема, анаѳема!“ *

Итакъ, грозное слово проклятія прогремѣло надъ Тверитиновымъ и его компаніей прежде чѣмъ церковный судъ окончилъ свое слѣдствіе и изрекъ, на основаніи церковныхъ правилъ, свой приговоръ обвиненнымъ. Сказки еще продолжали подаваться вслѣдствіе соборнаго увѣщанія; но Стефанъ не медлилъ. Во второй половинѣ октября онъ велѣлъ изъ тридцати девяти находившихся у него подъ руками допросовъ и показаній сдѣлать подробный экстрактъ и положилъ на немъ слѣдующую резолюцію: „выписать изъ правилъ святыхъ и изъ указовъ государевыхъ, и изъ гражданскихъ статей и изъ примѣровъ“. Зачѣмъ нужны были мѣстоблюстителю эти справки со святыми правилами и съ царскими указами, когда онъ сказалъ уже свое послѣднее слово относительно обвиненныхъ, когда его проповѣдь уже предварила „соборное“ опредѣленіе? Осторожному митрополиту нужно было, на всякій случай, подготовить доказательства что дѣло о Тверитиновѣ возобновилось въ Москвѣ, велось и завершилось цѣлымъ соборомъ. Долгоруковъ еще продолжалъ гостить въ Москвѣ; онъ выжидалъ исполненія царскаго указа... Для Яворскаго наступала рѣшительная минута, когда онъ долженъ былъ собрать результаты

* Сборникъ Ундольскаго, № 658, л. 254.

возобновленнаго надъ Тверитиновымъ слѣдствія и противуполставить ихъ выводамъ и рѣшенію о лѣкарѣ петербургскаго сената. Въ слѣдственномъ дѣлѣ остался слѣдующій документъ, написанный (вѣроятно, самимъ Яворскимъ) съ очевидною цѣлью доказать несостоятельность петербургскаго слѣдствія надъ Тверитиновымъ и тѣмъ косвенно оправдать возобновленіе дѣла о немъ, вопреки царскому указу: „Лѣкарь Дмитрей Евдокимовъ сынъ Тверитиновъ—еретикъ, и ереси учитель и народа развратникъ есть сущей, потому: 1) ученикъ его, школьникъ Иванъ Максимовъ, въ еретичествѣ показанъ явно сказками многихъ своей братьи школьниковъ и отца ево Иванова роднова и по извѣту отъ учителя. 2) Къ розыску въ Преображенскомъ и тое за собою ересь, и учителя своего той ереси—онаго еретика, лѣкаря Дмитрія Тверитинова и другихъ учениковъ его еретическихъ, которые въ то дѣло написаны, показалъ онъ Максимовъ, а именно жъ. 3) Подобно ему, школьнику Максимову, и другой его товарищъ, еретикъ же купецкой Никита Мартиновъ, того ереси учителя — лѣкаря Тверитинова и другихъ учениковъ его еретическихъ показалъ же имянно. 4) Цырюликъ Ѳома Ивановъ, который и образъ святаго Алексія митрополита обругалъ, ту свою ересь показалъ же иже и сущею вещію того. А что они тѣ свои Преображенскія рѣчи въ Санктъпитербурхе перемѣняли, что будто тѣ рѣчи въ Преображенскомъ говорили они отъ страха, и *тому вѣрить нѣчему*, потому: *пытанъ изъ нихъ одинъ школьникъ Максимовъ*, который еще и до пытки въ той винѣ былъ явенъ подлинно (какъ чрезъ многихъ свидѣтелей, такъ и чрезъ его языкъ); а еретики жъ вышеписанные, купецкой Никита Мартиновъ, цырюликъ Ѳома *и не пытаны*. Да и не токмо чтобы имъ то говорить отъ страха, цырюликъ Ѳома безумною своею еретическою ревностію и къ розыску въ Преображенское самъ явился.

„А и въ Санктъпитербурхе въ сенатѣ въ такихъ ихъ наружныхъ и перемѣнчивыхъ ихъ рѣчахъ, *какъ гражданство лежитъ*, и не розыскивано. А по нынѣшнему церковному суду, и безъ всякова розыску, тотъ еретикъ лѣкарь Тверитиновъ какъ въ той ереси, такъ и въ ученіи своемъ и развратѣ народа наружно явенъ, потому:

„1) тому своему еретическому, народоразвратному злому ученію и книгу сдѣлалъ, чего и самъ не отрицается;

„2) а что отъ своей еретической книги отговаривается тѣмъ

что въ тѣхъ его еретическихъ пунктахъ написано изъ Священнаго Писанія, и то ему не во оправданіе, потому: и древніе еретики развратъ во святой правой вѣрѣ чинили и злоумышленныя душелагубныя свои ереси разсѣвали, утверждая отъ Писанія.

„3) А что онъ, еретикъ-лѣкарь Тверитиновъ, отъ тѣхъ своихъ собранныхъ еретическихъ пунктовъ отговаривается жь тѣмъ что выписалъ де онъ тѣ пункты для знанія противныя стороны, а не для какова противоборнаго утвержденія, и та его отговорка и всего паче показуетъ его явно православію противника, злодѣя суща, потому: тѣ свои на явное еретичество и на развратъ народа собранные пункты и самъ называетъ противными, а собственно своими прелестными надписаніями надписалъ и утверждаетъ православными. *И тѣмъ своимъ еретичествомъ* злодѣйски тѣми своими на явную простымъ прелесть собранными пунктами *наводитъ поношеніе ругательное на всякую власть безобходно, да и всему государству въ примѣръ показываетъ погибели древнихъ государствъ за идолопоклоненіе, о чемъ ему и въ мысли своей держать было страшно и не подобало.* А которыя православныя догмы,—какъ святый животворящій вещественный Христовъ крестъ, такъ и самыя иконы, и святую Богородицу, и святыхъ отшедшихъ угодниковъ Божіихъ и прочая—ругательно тотъ еретикъ отмещетъ, и какою умышленною прелестью простыхъ развращаетъ и свою ересь утверждати тщится и утверждаетъ,—и то явно показуютъ тѣ его еретическіе пункты и надъ ними по главамъ надписи его народоразвратныя имянно; въ чемъ явно показуется народоразвратная его злодѣйская прелесть, явная тѣми его злодѣйскими пунктами имянно.

„А народомятежство его явно безъ всякаго его извиненія, потому что тѣ свои еретическіе народоразвратные пункты не про одного про себя онъ имѣлъ, а росписалъ ихъ на листы уставомъ со тщаніемъ и надписьми красными и раздавалъ въ другіе домы, которое именно въ дѣлѣ показуетъ. *

„Да и свидѣтелевы сказки какъ духовнаго, такъ и мір-

---

* Изъ сказокъ и слѣдственнаго дѣла открылось что у Тверитинова былъ *одинъ только* экземпляръ листа содержавшаго сокращеніе пунктовъ, и что этотъ единственный экземпляръ онъ отдалъ Косому, тетради давалъ онъ *только* Антонію, архимандриту.

скаго чину многихъ знатныхъ людей, которыхъ число 39 человѣкъ, ереси его, злаго еретика, и въ народъ разсѣяніе его безстрашное показуютъ, по церковному вопрошенію, самовидно подлинно; въ томъ числѣ есть и свойственники его еретическіе ближніе, а именно шурья родные; въ томъ числѣ монахъ Пахнутей въ прельщеніи его еретическомъ былъ, которое въ крайнюю вѣрность утверждаютъ оба законы, какъ духовной, такъ и гражданской имянно, что всякъ глаголъ при двою и трехъ свидѣтеляхъ вѣренъ да станетъ. А что тотъ еретикъ съ товарыщи своими утверждаютъ себѣ во оправданіе что они возымѣли себѣ отцовъ духовныхъ, и исповѣдывались, и пріобщались Святыхъ Таинъ, и то имъ, еретикамъ, не во оправданіе, потому что, по ихъ еретической безстрашной замерзѣлости, чинить имъ такую богопротивную дерзость, защищая свое зло, за долготерпѣніемъ Божіимъ невозбранно, на что̀ и древніе есть образы: раскольники и другіе тому подобные противники, за страхъ гражданства, уподобляяся добрымъ людямъ, такія богопротивныя дерзости чинили; которое и въ самой той ихъ еретической кунланье нынѣ явилось, а имянно: товарыщъ ихъ Ѳома и по обращеніи явился паки въ противности, и въ . . . тотъ Ѳома и винился имянно, что покаяніе свое онъ, ома, приносилъ лестное, изыскуя себѣ живота, а впредь хотѣлъ онъ имянно то жь еретичество чинить, какъ о томъ о всемъ въ дѣлѣ есть и изъяснено право и непорочно въ церковномъ декретѣ.“ *

23го октября Яворскій приказалъ привезти заключенныхъ изъ монастырей по которымъ они были разосланы, и помѣстить за крѣпкимъ карауломъ скованныхъ: Тверитинова—въ Чудовѣ монастырѣ, Максимова—въ патріаршемъ домѣ въ хлѣбнѣ, Никиту Мартинова—въ духовномъ приказѣ. **

На другой день, въ воскресенье, 24го октября, въ патріаршей крестовой палатѣ собрались всѣ присутствовавшіе тогда въ Москвѣ архіереи, многіе архимандриты, протопопы, господа и иныхъ чиновъ люди: *** обвиненные должны были быть поставлены для увѣщанія и соборнаго суда. Долгорукова, которому заранѣе послано было извѣстіе объ этомъ соборѣ, не являлся. Яворскій отправилъ къ нему судью духовнаго при-

* Слѣдственное дѣло, л. 255—256 об.

** Тамъ же, л. 292 об.

*** *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

каза, іеродіакона Трифилія, съ новымъ приглашеніемъ „пожаловать къ таковому дѣйствію“. Долгоруковъ велѣлъ Трифилію сказать архіереямъ: „Я не поѣду и имъ сего чинить не велю безъ государева указа.“ Съ этимъ суровымъ, лаконическимъ отвѣтомъ возвратился посланецъ Яворскаго въ крестовую палату.* Архіереи рѣшили общимъ совѣтомъ что начатое дѣло не терпитъ отлагательства ** и приказали поставить предъ соборомъ сначала Тверитинова, а за нимъ по одиночкѣ и двухъ другихъ обвиняемыхъ „для увѣщанія къ покаянію“. Тверитиновъ, Максимовъ и Мартиновъ предъ лицомъ собора утверждали что еретиками не бывали, а обвинены въ еретичествѣ по клеветѣ и ложно.*** „По многомъ испытаніи“ Стефанъ, архіереи и весь освященный соборъ осудили ихъ.**** Отославши подсудимыхъ изъ крестовой палаты, „архіереи начали дѣйствовать по Чиновнику и всякому особенно на имя возгласили пѣніемъ троекратно: *анаѳема!*“ † Яворскій не остановился на этомъ: архіереи и прочимъ неявившимся въ Москву еретикамъ, фискаламъ Косому и Михайлѣ Минину, чеботарю, трижды же возгласили: *анаѳема! да и всѣмъ, явно и тайно тѣмъ еретикамъ помогающимъ трижды же возгласили: анаѳема!* †* Обсужденію собора подвергнутъ былъ и поступокъ

* *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

** Тамъ же.

*** Тамъ же.

**** Слѣдственное дѣло, л. 292 об.

† *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

†* Тамъ же. Въ соборномъ приговорѣ сказано: „Еретиковъ... анаѳемѣ предаемъ, именно: ересемъ начальника... Тверитинова и ученика его Михайла Андреева Косова... и Ѳому Иванова... Да будутъ убо сіи... еретики прокляты отъ седми соборовъ вселенскихъ и отъ нашего смиренія, и имена ихъ да напишутся въ церковную роспись съ предними еретиками. Двоихъ же отъ оныхъ еретиковъ... Максимова и Мартинова паки подобаетъ взяти на увѣщаніе церковное.“ *Православное Обозрѣніе*, 1863, іюнь, стр. 132. Между тѣмъ Макаровъ писалъ изъ Москвы Яковлеву, секретарю придворной конторы: „Здѣсь архіерей рязанской и прочія всѣ духовныя персоны имѣли совѣтъ о противникахъ церкви, на которомъ положили что предать ихъ проклятію, что прошла воскресенья учинили и публично ихъ анаѳемовали, а именно Дмитрія Тверитинова, Ѳому (который изрубилъ въ Чудовѣ образъ чудотворца Алексѣя), *Ивашку Максимова*; также и сообщниковъ ихъ—Митку Косова и *Мишку сапожника* (*Минина*), которые нынѣ въ Санктпетербургѣ, также предали прокля-

любимца царскаго, александроневскаго архимандрита Ѳеодосія: за то что онъ не только безъ вѣдома собора, но и не доложивъ ни одному изъ архіереевъ, исповѣдалъ и пріобщилъ Тверитинова, зная что онъ оглашенъ еретичествомъ, соборъ закрѣпилъ приговоръ, по которому Ѳеодосій отчуждался отъ божественнаго служенія до особеннаго о томъ исправленія. * Бѣгло перечисливши „богомерзкія и богохульныя ереси“ обвиненныхъ, соборный приговоръ останавливался на тѣхъ „многихъ достовѣрныхъ доводахъ“ которые послужили къ обличенію подсудимыхъ. Въ числѣ этихъ доводовъ соборнымъ приговоромъ указаны: 1) лютеранскій катихизисъ; 2) тетради Тверитинова; 3) листъ; 4) картина на которой изображены были лишь двѣ первыя заповѣди десятословія; 5) свидѣтельскія сказки; 6) обруганіе Ѳомой иконы Алексія митрополита, и 7) наконецъ показанія данныя въ Преображенскомъ. Соборный приговоръ коснулся и петербургскаго слѣдствія, но осторожно и двусмысленно: „въ Петербургѣ (сказано въ приговорѣ) аще еретики измѣнили словеса свои, обаче тѣмъ злобы своея явныя не токмо не покрыли, но и сугубому суду человѣческому и Божію повинны явилися; человѣческому, яко судъ гражданскій (то-есть сенатъ) обольстили,—которую ихъ еретическую лесть явно показало *сіе духовное дѣло* (то-есть новое московское слѣдствіе) многими достовѣрными свидѣтельствы, и *санктпетербургскій сенатъ открыт ю въ присланномъ оттуда о нихъ указѣ.*“ ** Истолковавъ такимъ образомъ смыслъ и содержаніе извѣстнаго намъ сенатскаго указа, соборъ не рѣшился внести въ свой приговоръ ни имени Ѳеодосія, отнесши свое отлученіе отъ божественнаго служенія къ „недобрымъ онымъ строителямъ божественныхъ таинъ“, *** ни троекратнаго проклятія тѣмъ которые явно или тайно помогали обвиненнымъ; но имя Ѳеодосія произнесено

тію.“ Чистовича, *Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время*, стр. 64. Въ указахъ разосланныхъ Яворскимъ во всѣ московскіе соборы также сказано что „соборнымъ ихъ архіерейскимъ сужденіемъ“ Тверитиновъ, Ѳома Ивановъ, Михайло Косой, *чеботарь Михайло Мининъ* и *Иванъ Максимовъ* осуждены и проклятію преданы“. Слѣдственное дѣло, л. 250 и слѣд.

* Слѣдственное дѣло, *Правосл. Обозр.*, 1863, іюнь, стр. 131, *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

** Слѣдств. дѣло и *Православное Обозрѣніе*, 1863, іюнь, стр. 130.

*** Тамъ же, стр. 131.

было на соборѣ * точно такъ же какъ и проклятіе прогремѣло надъ явными и тайными покровителями обвиненныхъ... Максимова и Мартинова соборъ постановилъ снова взять на церковное увѣщаніе и предать суду гражданскому въ томъ случаѣ только если они не обратятся съ истиннымъ покаяніемъ къ святой церкви: „они по дѣлу являются лишь учениками Тверитинова, а не ересеначальниками и не изліха ревнителями сего злоумствованія“. Передавая затѣмъ отлученныхъ отъ церкви, Тверитинова, Косаго и Ѳому Иванова, суду гражданскому, соборъ „именемъ Господа нашего Іисуса Христа и воздаяніемъ его въ семъ и будущемъ вѣкѣ“ молилъ гражданскій судъ и „страшнымъ судомъ Божіимъ претилъ“ чтобъ онъ „сотворилъ о томъ свято по закону истинну, *не отлагая церковнаго суда*, ниже въ свободу чрезъ какія оныхъ еретиковъ коварства допускающи“. Соборъ умолялъ „благочестивое всероссійское гражданство сія богоненавистныя еретическія плевелы *конечно* истребити“. „Сіе же сотворити повелѣваетъ (прибавлялось въ соборномъ приговорѣ) не токмо нужда духовная, но и гражданская: ибо не можетъ царство стати раздѣлившееся на ся, по словеси Христову. Царство же ничто же тако раздѣляетъ, яко же раздѣленіе въ вѣрѣ: *идѣже не едина вѣра къ Богу, тамъ не едина вѣрность и человѣкомъ.*“ **

24го же октября, по окончаніи соборнаго суда, Тверитиновъ, Максимовъ и Мартиновъ снова разосланы были въ монастыри служившіе для нихъ мѣстами заключенія, съ тѣмъ чтобы „въ тѣхъ вышеупомянутыхъ монастыряхъ держать ихъ скованныхъ въ цѣпи и въ желѣзахъ, и караулить накрѣпко, и караульщиковъ у нихъ было бы не малое число, чтобъ они изъ монастырей не ушли и надъ собою чего не учинили, и къ нимъ никого отнюдь не припускать.“ *** Ѳому Иванова предписано „попрежнему скована за крѣпкимъ карауломъ держать въ духовномъ приказѣ.“ ****

Яворскій не считалъ впрочемъ дѣла о Тверитиновѣ и его компаніи оконченнымъ въ отношеніи къ духовному суду. На соборѣ 24го октября постановлено было возобновить *увѣща-*

---

* *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

** *Православное Обозрѣніе*, 1863, іюнь, стр. 132.

*** Слѣдственное дѣло, л. 296.

**** Тамъ же, л. 296 об.

ніе православнымъ, приглашавшее подавать сказки на еретиковъ. Соборный приговоръ признавалъ это необходимымъ, „понеже и *въ первомъ указномъ письмѣ* за подписаніемъ высокородныхъ сенаторовъ изъ С.-Петербурга, февраля 5го сего лѣта, *написано* дабы о вышеписанномъ еретикѣ Дмитріѣ по вопрошенію приходскаго священника *вопросить и всѣхъ прихожанъ*.“ * Въ письмѣ сенаторовъ ** дѣйствительно излагался указъ царя „освидѣтельствовать Тверитинова *приходскими людьми* подлинно“, и на основаніи этого указа спрошены были священникъ, діаконъ, пономарь и церковный сторожъ указанныхъ въ письмѣ приходовъ. Такъ понятъ былъ тогда царскій указъ. *** Но теперь Яворскому хотѣлось, во что бы то ни стало, поднять противъ Тверитинова и „учениковъ“ его „всенародное мнѣніе“ и въ случаѣ нужды опереться на него. Въ ноябрѣ во всѣ московскіе сороки разосланы были указы предписывавшіе „раздать вышеупомянутое соборное увѣщаніе ко всѣмъ церквамъ и тщатися о семъ вседушевно священному чину и всѣмъ вѣрнымъ христіанамъ православнымъ, дѣтемъ святыя церкве, дабы о тѣхъ и другихъ, аще какіе явятся еретики, подавали бы о томъ сказки приходскимъ священникамъ“. Прежнее соборное увѣщаніе и новый указъ, объявлявшій о проклятіи Тверитинова, Ѳомы Иванова, Косаго, Минина и Максимова, разосланы были по всѣмъ московскимъ церквамъ. Священникамъ предписано было, каждому въ своей приходской церкви, читать и увѣщаніе, и указъ „въ воскресные и праздничные дни неотлагательно, и у сѣверныхъ, и у южныхъ, и у западныхъ дверей выставить на листахъ списки жъ и требующимъ давать списывать, *дабы о всемъ о томъ всѣмъ церковнымъ дѣтямъ было извѣстно*.“ **** Приходскимъ священникамъ которые „о всемъ вышеупомянутомъ вознерадѣютъ“ указъ Яворскаго грозилъ *вѣчнымъ извержені-емъ*.“ † „А ежели (прибавлялъ блюститель патріаршаго пре-

* *Православное Обозрѣніе*, 1863, іюнь, стр. 133.

** Этотъ сенатскій указъ подписанъ княземъ Яковомъ Долгоруковымъ, графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ, Тихономъ Стрѣшневымъ и княземъ Григоріемъ Волконскимъ (вмѣсто князя Михаила Долгорукова).

*** Слѣдственное дѣло, л. 26—28.

**** Слѣдственное дѣло, л. 252 об.—253.

† Тамъ же, л. 253 об.

стола) въ приношеніяхъ тѣхъ сказокъ и во всякихъ о томъ случаяхъ дому святѣйшаго патріарха или его преосвященства какіе служители по мздѣ или по дружбѣ или по какой-либо иной страсти станутъ чинить священному и мірскому чину людямъ какое нелюбленіе или хотя малое прекословеніе, и таковые отъ святыя православныя церкве да вмѣняются съ тѣми жь вышеписанными еретиками." *

Сказки подавались на осужденныхъ и послѣ собора; ** Яворскій попрежнему писалъ на нихъ: „взять къ дѣлу." Въ томъ же ноябрѣ, Тверитиновъ, Ѳома Ивановъ и Максимовъ отосланы были къ гражданскому суду, въ губернскую канцелярію. *** Лѣкаря должна была постигнуть суровая казнь; въ „соборномъ" приговорѣ онъ былъ выставленъ „начальникомъ ереси, учителемъ" Ѳомы Иванова; соборный приговоръ дѣлалъ его отвѣтственнымъ за грубое святотатство развенчѣвшаго цирюльника, помѣщая въ числѣ обличительныхъ доводовъ на обвиненныхъ „страшную и ужасную и едва когда слышанную, звѣрскую и нечеловѣческую *ихъ* дерзость на святую апостольскую церковь и на святыхъ Божіихъ, ею же *единъ отъ нихъ* возбѣшенъ, обруга святую икону Алексія митрополита." **** Ждали что Тверитиновъ поплатится головой за вины взведенныя на него духовною властію. † Но Долгоруковъ не дре-

* Тамъ же, л. 253.

** Послѣ 24го октября подано было девять сказокъ: 1) коммиссаромъ Александромъ Сергѣевымъ, 2) гостиной сотни Никитой Вихляевымъ, 3) городскимъ человѣкомъ Поталовымъ, 4) прихожанами церкви Успенія: Андреемъ Евстафьевымъ Филатьевымъ и 5) Дмитріемъ Алексѣевымъ Филатьевымъ, 6) священникомъ Іосифомъ Никифоровымъ, 7) иконнаго ряду торговымъ человѣкомъ Гр. Васильевымъ, 8) княземъ Яковомъ Семеновымъ Барятинскимъ и 9) огородной слободы Аѳанасіемъ Павловымъ.

*** Слѣдственное дѣло, л. 252 об.

**** *Православное Обозрѣніе* 1863, іюнь, стр. 130.

† Пристрастная къ Яворскому *Записка о дѣлѣ Тверитинова* говоритъ: „Заступники ихъ (обвиненныхъ), противящеся совѣсти своей, не престаша имъ помогати: ибо потомъ положиша совѣтъ онаго Ѳому разыскивать и по розыскѣ казнить смертію;.... ко другихъ отъ того тщалися сохранити, того ради при томъ розыскѣ стоять Димитрію и увѣщевати его, Ѳому, ко благочестію и тѣмъ его, Димитрія, одобрити, яко бы возмогъ его, Ѳому, обратить ко благочестію". По словамъ автора *Записки*, заступники обвиненныхъ „хотѣли спасти Димитрія отъ *смерти* и вины".

малъ. Онъ рѣшился показать Яворскому что преступленіе Ѳомы нельзя было переносить на голову Тверитинова, что нельзя было *всѣхъ* подсудимыхъ обвинить въ „неслыханной, звѣрской и нечеловѣческой дерзости на церковь", и что между сборникомъ библейскихъ текстовъ въ тетрадяхъ лѣкаря и святотатственнымъ посягновеніемъ Ѳомы на святыню существовала огромная разница. Когда Ѳому Иванова прислали на Житный дворъ въ застѣнокъ, князь Долгоруковъ потребовалъ чтобы туда же приведенъ былъ и Тверитиновъ и чтобы послѣдній во время розыска увѣщевалъ Ѳому раскаяться въ своемъ поступкѣ. На таковую „факцію" поѣхалъ и самъ Долгоруковъ. Но за княземъ слѣдили люди расположенные къ Яворскому и вице-губернатору Ершову, который принималъ, какъ видно, горячее участіе въ ходѣ дѣла московскихъ еретиковъ. Къ князю Долгорукову былъ вхожъ стольникъ Михайло Петровичъ Измайловъ меньшой. Узнавши о распоряженіи князя относительно застѣнка, Измайловъ бросился „скорымъ теченіемъ" къ „другу своему" Ершову и объявилъ ему о поступкѣ Долгорукова. Ершовъ въ то время былъ боленъ ногами; но при первомъ извѣстіи о случившемся отправился на Житный дворъ. Онъ пріѣхалъ въ застѣнокъ въ то самое время когда Ѳома висѣлъ на дыбѣ, а Тверитиновъ, двоюродный братъ цирюльника, увѣщевалъ его раскаяться. Услыхавши рѣчи Димитрія, Ершовъ „голосно возопилъ: Что сіе творится? Сатана дьявола приводитъ въ благочестіе! Сіе дѣло есть смѣху достойное и на свѣтѣ неслыханное! Или нѣтъ духовныхъ и учительныхъ персонъ, кому бы удобнѣе и приличнѣе увѣщевати, а не сему *главному* еретику? По всему видно что сія факція есть не прямое дѣло". Долгоруковъ тотчасъ же вышелъ изъ застѣнка, не сказавши ни слова. *

30го ноября, Ѳома Ивановъ, по царскому указу, сожженъ былъ въ срубѣ на Красной площади. ** Сторонники Яворскаго увѣряютъ что „духовныя и учительныя персоны увѣщали Ѳому принять соединеніе церкви святой и проклясть свою ересь и пріобщили его Святыхъ Таинъ", *** что онъ „загладилъ свое лукавое дѣло сущимъ покаяніемъ, исповѣданіемъ

* *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

** *Записка о дѣлѣ Твер.* По Веберу, который невѣрно называетъ Ѳому священникомъ, онъ былъ казненъ въ началѣ декабря. Das veranderte Russland, 1744, I, 57—58.

*** *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

грѣховъ своихъ и всенароднымъ жалѣніемъ о своей дерзости". * По другимъ, болѣе правдоподобнымъ извѣстіямъ, Ѳома остался вѣренъ убѣжденіямъ высказаннымъ на допросѣ 6го октября, не принесъ покаянія, ** на мѣстѣ казни съ величайшею твердостію держалъ надъ огнемъ свою преступную руку съ косаремъ и до послѣдней минуты всенародно исповѣдывалъ свои вѣрованія. ***

Мечъ снова висѣлъ надъ Тверитиновымъ; но прежде чѣмъ гражданскій судъ произнесъ свой приговоръ надъ нимъ и его „богопротивною компаніей," дѣло о немъ опять потребовано было въ Петербургъ; самого Яворскаго звали къ отвѣту за „соборъ;" роли мѣнялись: московскіе обвинители становились обвиненными; Ершова и Магницкаго также требовали въ Петербургъ къ суду; ихъ коснулось страшное дѣло о „казенныхъ подрядахъ," о расхищеніи казеннаго интереса.

IV.

Въ 1703 году Петръ Великій ввелъ новый порядокъ снабженія провіантомъ арміи и гарнизона. Доставленіе провіанта войску натурой составляло одну изъ тяжелыхъ повинностей низшаго сословія, вслѣдствіе обширнаго пространства государства. Желая облегчить эту повинность, Петръ учредилъ особыхъ коммиссаровъ, на обязанности которыхъ лежало доставлять войску провіантъ; самая же подать натуральная замѣнена была денежною. Недостатки этой новой системы снабженія войскъ провіантомъ вскорѣ обнаружились, благодаря застарѣлой язвѣ русскаго общества — лихоимству и казнокрадству. Люди сильные и знатные начали принимать на себя, подъ чужимъ именемъ, подряды, скупали хлѣбъ по провинціямъ, назначали ему высокую цѣну, договаривались о томъ съ коммиссарами. Зло всею тяжестію упало на народъ и государственную казну. Войско не получало во́-время жалованья, цѣлыя тысячи рабочихъ, согнанныхъ въ Петербургъ, часто лишены были опредѣленнаго имъ хлѣба и денегъ. Во

---

* *Камень вѣры.* Вина и случай писанія сея книги.

** *Молотокъ на Камень вѣры.*

*** Das veränderte Russland, I, 58

время войны войско особенно чувствовало недостатокъ провіанта. *

Въ 1714 году, Петръ одинъ, безъ помощи своихъ союзниковъ, продолжалъ затянувшуюся войну съ Швеціей. 20го мая царь съ своимъ флотомъ отплылъ отъ Кронштота; 22го на кораблѣ *Св. Екатерины* былъ консиліумъ о начатой кампаніи, ** и въ тотъ же день Петръ послалъ въ Москву генералъ-майору Ушакову слѣдующее приказаніе: „1) Смотрѣть подрядовъ, которые почитай всѣ на Москвѣ чинятся, и невозможно статься чтобъ безъ великой кражи государственной казны было и чтобъ хотя про одно такое дѣло провѣдать подлинно. 2) Въ канцеляріи военной такожъ сборовъ много, а денегъ, сказываютъ, нѣтъ; а наипаче въ мундирномъ дѣлѣ разсмотрѣть, понеже, чаю, и тутъ не безъ того жъ; также и о денежныхъ дворахъ. 3) Въ Московской губерніи, въ ратушныхъ и иныхъ дѣлахъ, сколько возможно, провѣдывать зѣло тайно, чрезъ посторонній способъ, и чтобъ никто не зналъ что сіе тебѣ приказано". *** На корабляхъ оказались во время Петрова поста пагубныя слѣдствія дурнаго и скуднаго провіанта, и 22го іюня Петръ еще шутливо писалъ изъ Ревеля адмиралтейтсу А. В. Кикину: „Провіанту только до августа мѣсяца; ибо святое ваше расположеніе,—на пять недѣль снятковъ ржавыхъ и воду,—солдаты двѣ недѣли употребляли, отчего безъ невелика 1.000 человѣкъ заболѣло и службы лишились; отчего принужденъ я законъ вамъ оставить и давать масло и мясо, и для того по вашему расположенію мѣсяцъ убылъ. Правда, когда бъ Шведовъ такъ кормить, зѣло бъ изрядно было, а нашимъ я не вотчимъ." **** Разбивши шведскій флотъ при Гангудѣ и овладѣвши островомъ Аландомъ, царь возвратился 9го сентября въ Петербургъ съ плѣнными Шведами и захваченными кораблями; онъ былъ встрѣченъ торжественно и „сія кампанія съ тріумфомъ конецъ свой воспріяла". Побѣдитель Шведовъ, возведенный сенатомъ въ званіе вице-адмирала, долженъ былъ раздѣлываться теперь съ внутренними врагами государства. Къ его пріѣзду фискалы

---

* Weber, Das veränderte Russland I, 32—41.

** Походный журналъ 1714 года, стр. 22.

*** *Дѣяніе Петра Великаго*, IV, 335.

**** *Собраніе писемъ Петра Великаго къ разнымъ лицамъ*. Спб. 1829, I, 246.

успѣли подготовить доносъ по тому вопросу о подрядахъ и казнокрадствѣ который жегъ душу Петра во время только что оконченной морской кампаніи.

Пока Яворскій неослабно велъ въ Москвѣ слѣдствіе надъ Тверитиновымъ и его „богопротивною компаніей“, одинъ изъ наиболѣе ненавистныхъ Стефану членовъ этой компаніи, фискалъ Михайло Косой, въ свою очередь, усердно работалъ въ Петербургѣ, надъ разъясненіемъ дѣла о казенныхъ подрядахъ, о коммиссарахъ.... Московскій вице-губернаторъ Ершовъ, до опредѣленія въ эту должность, былъ оберъ-коммиссаромъ. Одинъ изъ его прежнихъ сослуживцевъ, коммиссаръ Сергѣевъ, явился въ домъ Косаго въ Москвѣ и насильно увезъ оттуда листъ въ рамахъ, уставомъ писанный, чтобы передать его церковному суду. * Этотъ листъ и послужилъ для Яворскаго поводомъ къ возобновленію дѣла о московскихъ еретикахъ духовныя власти отдали справедливость „благочестивой ревности“ коммиссара. Когда соборъ произнесъ проклятіе надъ отсутствовавшимъ Косымъ, тотъ же Сергѣевъ подалъ въ духовномъ приказѣ ** сказку, въ которой между прочимъ писалъ: „Въ моемъ и въ другихъ домахъ егда случалось мнѣ случатися со онымъ Михаиломъ Косымъ, то едва безъ противности его когда было ль; а именно лорицалъ поносно, ругательски на святыя иконы, на святыхъ Божіихъ угодниковъ отшедшихъ и на священнической и на монашеской чины и на всю церковную службу. Нѣкогда случилось мнѣ съ товарыщи моими сидѣть за вѣдомостьми въ мундирной канцеляріи съ недѣлю и больше безвыѣздно, и во образцовой палатѣ говорилъ многія на святыя иконы поносныя слова, а какія за долготою времени не упомню; притомъ тогда были старшей мой товарищъ оберъ-коммиссаръ, что нынѣ вицъ-губернаторъ, господинъ Ершовъ да, мнитъ ми ся, были жь тутъ коммиссаръ Степанъ Варакснпъ, дьякъ Иванъ Лебедевъ да другіе, о нихъ же не упомню. Да при немъ же, Косомъ, въ домѣ моемъ прилучилось быть чудовскимъ старцамъ Каріону да Ѳеологу,—а о другихъ не упомню: — которой Косой съ тѣми старцами чинилъ многій споръ, въ томъ числѣ помню что отрицалъ ихъ монашество. Да слышалъ я *отъ фискала Алексѣя*

---

* Самъ Сергѣевъ пишетъ въ сказкѣ что листъ увезъ онъ „сильно“ Слѣдственное дѣло, л. 227.

** Сказка Сергѣева подана 28го октября 1714 года.

Нестерова: въ домѣ де Кіевскаго коммиссара Ивана Ѳедорова сына Контяжкина тотъ Михайло Косой говорилъ хулу о святыхъ иконахъ и за то де ево оный коммиссаръ и бить хотѣлъ, о чемъ могутъ именно сказать оные фискалъ и коммиссаръ". * Оберъ-фискалъ Алексѣй Нестеровъ не любилъ Косаго; онъ донесъ что Михайло Андреевъ утаилъ пошлины. Косой былъ обвиненъ и отданъ на росписку знатнымъ людямъ. Его призвали въ коллегію юстиціи „для прикладыванія руки къ роспискѣ; и онъ. Косовъ, со измѣнительнымъ лицомъ и съ крикомъ великимъ, приблизясь къ президентскому столу, ударя въ столъ рукой, говорилъ что онъ не послушенъ будетъ никакому суду до прибытія государя". ** Нестеровъ былъ въ недобрыхъ отношеніяхъ съ графомъ Иваномъ Алексѣевичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ и княземъ Яковомъ Ѳедоровичемъ Долгоруковымъ, у котораго Косой „былъ первымъ фаворитомъ", у котораго нашелъ себѣ заступничество Тверитиновъ съ своею компаніей: Нестеровъ доносилъ на Долгорукова три года сряду въ 1712, 13 и 14; *** представлялъ доносы и на Мусина-Пушкина. **** За то Нестеровъ держалъ постоянно сторону бывшаго оберъ-коммиссара, а потомъ вице-губернатора московскаго Ершова. Послѣдній постоянно ссорился съ московскимъ губернаторомъ Салтыковымъ. Еще въ декабрѣ 1713 года поднято было подметное письмо, обвинявшее Мусина-Пушкина, „извѣстнаго коварнаго лукавца и гонителя всякой правды", Долгорукихъ, „иконоборца Самарина", оказавшаго въ Петербургѣ покровительство Тверитинову, и наконецъ „стараго плута и всесвѣтнаго труса" губернатора Салтыкова, „вставленнаго на это мѣсто сенаторами, а больше Мусинымъ и Долгорукимъ". Письмо наполнено было похвалами Ершову и совѣтывало поручить ему розыскъ о лихоимствахъ: „ибо онъ, никого не боясь, ни для какой корысти неправды не сдѣлаетъ". † Въ по-

* Слѣдственное дѣло, л. 226 об.

** Соловьева, *Исторія Россіи*, XVI, 249. Въ 1719 году Нестеровъ снова донесъ на Косаго что онъ чинитъ противности святой церкви и не почитаетъ святыхъ иконъ. Въ доносѣ Нестеровъ разказывалъ о тѣхъ же рѣчахъ Косаго у коммиссара Контяжкина которыя передалъ Сергѣевъ въ сказкѣ своей Яворскому. *Описаніе документовъ и дѣлъ архива св. синода*, I, 157.

*** Соловьева, *Исторія Россіи*, XVI, 232, 233, 242

**** Тамъ же, XVI, 241.

† Тамъ же, XVI, 237.

слѣдствіи, въ 1715 году, Нестеровъ доносилъ что Салтыковъ потерялъ казны тысячъ съ 50, что Ершовъ упрекалъ его за это и въ лицо ему говорилъ съ укоризной не малою: что̀ де ты ворамъ потакаешь? *

Таковы были отношенія фискала Косаго къ знатнымъ персонамъ, когда поднято было дѣло о коммиссарахъ, о расхищеніи казеннаго интереса.

Косой, лока его товарищи сидѣли въ Москвѣ въ монастырскомъ заключеніи, успѣлъ „изыскать надъ многими господами петербургскими жителями нѣкоторыя *интересныя* вины въ похищеніи казны разными виды: ища себѣ пользы, прислуживался таковыми царскому величеству“. ** Въ числѣ обвиненныхъ были: генералъ-адмиралъ Апраксинъ, Меньшиковъ, петербургскій вице-губернаторъ Корсаковъ, оберъ-адмиралтейтсъ Кикинъ (къ которому царь писалъ о ржавыхъ снятках съ корабля *Св. Екатерины*), оберъ-коммиссаръ адмиралтейства Синявинъ, генералъ-фельдцейхмейстеръ Брюсъ, сенаторъ князь Волконскій. *** Въ ноябрѣ начались въ Петербургѣ страшные розыски; Петръ самъ разыскивалъ это государственное дѣло, нити котораго онъ наконецъ чувствовалъ въ своихъ рукахъ. **** „27го ноября его величество былъ на конюшенномъ дворѣ: подымали Волконскаго князя Григорья и Якова Корсакова“. † Въ то же время Петръ писалъ новгородскому коменданту Татищеву: „Понеже вамъ уже вѣдомо что Яковъ Корсаковъ явился въ великихъ преступленіяхъ, того для надобно тебѣ всѣ его пожитки, которыя есть у тебя, такожь и у другихъ, у кого знаешь, собравъ, прислать сюда немедленно; такожь объявить всѣмъ публично указъ: ежели у кого есть его пожитки, дабы объявляли именно; будежь кто утаитъ, а послѣ въ томъ будетъ извѣтъ, и за то такіе кото

* Тамъ же, XVI, 243.

** *Записка о дѣлѣ Творитинова*, изъ которой взято это указаніе, прибавляетъ что Косой затѣялъ это дѣло „разумѣвъ яко дѣло ихъ (то-есть обвиненныхъ въ ереси) не безъ большаго опасенія, и не тмится ихъ вина, но паче изъясняется“.

*** Weber, *Das veränderte Russland*, I, 40.

**** *Походный Журналъ* 1714 года, стр. 146, 147, 148, 149.

† Тамъ же, стр. 144. Подъ 27мъ ноября записано въ другомъ мѣстѣ: „Сего числа былъ розыскъ вицъ-губернатору Корсакову и сенатору князю Григорію Волконскому“. Тамъ же стр. 79.

рые утаятъ будутъ казнены смертію". * За Корсакова явился одинъ ходатай и заступникъ—новгородскій митрополитъ Іовъ, тотъ самый который далъ Ѳеофилакту Лопатинскому письмо къ царевичу съ просьбой помочь ему въ дѣлѣ московскихъ еретиковъ. ** Іовъ „приносилъ теперь моленіе" Ѳ. М. Апраксину „о господинѣ честнѣйшемъ и сынѣ своемъ Яковѣ Корсаковѣ: милость христіаннѣйшую въ прошеніяхъ его да подаси ему". „Покажи ему (убѣждалъ митрополитъ Апраксина) всякую благость и человѣколюбіе, силу же и дерзость ко благочестивому монарху; во упованіи Божіи да сотвориши о немъ, и Господь поможетъ вамъ всѣмъ воистину, яко Іисуса Христа возъимѣвши присно помощника." ***

Косой не забылъ и московскихъ жителей; въ Москвѣ было довольно лицъ съ которыми фискалу хотѣлось посчитаться. Въ Москвѣ, по доносу Косаго, дѣло началось гораздо раньше нежели въ Петербургѣ: московскіе приказы всполошились въ концѣ августа 1714 года. Графъ Головкинъ писалъ 30го августа изъ Петербурга: „Иванъ Губинъ! По полученіи сего собирайся съ дѣлами принадлежащими къ счетному дѣлу, немедленно, а возьми съ собою приходныя и расходныя книги всѣхъ повытей двухъ годовъ 1710 и 1711, а ежели мочно скоро управиться, то и 1712 и 1713 году. И притомъ забери у всѣхъ подлинные расходные тѣхъ годовъ указы и письма мои, господина подканцлера, которыя о какихъ дачахъ кому въ тѣхъ годѣхъ изъ походу были писаны; такожде остаткамъ и приходамъ всѣмъ документы, а именно отписки изъ губерніи и вѣденія: ибо безъ того здѣсь невозможно того дѣла изслѣдовать. Подъячихъ возьми съ собою двухъ человѣкъ, которые къ сему дѣлу способнѣе, а объ отправленіи твоемъ сюда писалъ я секретарямъ обстоятельно. И ты, какъ можешь, съ поспѣшеніемъ убрався, пріѣзжай сюда, пока еще осень глубокая не наступила и конечно всякія извѣстія съ собою привези: ибо на тебѣ то здѣсь спрашивать станутъ, и ты имѣешь въ томъ во всемъ отвѣтъ давать, для того что я тебя къ тому счетному дѣлу опредѣлилъ." **** Едва успѣлъ возвратиться царь изъ морской кампаніи, а кабинетъ-секретарь Алексѣй

---

* *Дѣянія Петра Великаго*, IV, 395.

** См. первую нашу статью, стр. 56.

*** *Странникъ*, 1861. I, 161.

**** Московскій архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Васильевичъ Макаровъ уже поѣхалъ 26го сентября въ Москву. Въ концѣ октября онъ писалъ секретарю придворной конторы Яковлеву: „Я слышалъ отъ вѣрныхъ людей что помянутые Мишка Косой и Мишка сапожникъ* великіе плуты и злодѣи, и для того надобно на нихъ смотрѣть чтобъ они не сдѣлали какой бѣды по дѣламъ тѣмъ которыя отсель изъ приказовъ забраны по ихъ доношенію.“ ** Ожиданія Макарова сбылись: письмо за письмомъ посылалъ царь къ Ушакову, *** который давно долженъ былъ тайно провѣдывать о подрядахъ Петръ приказалъ прислать въ Петербургъ за карауломъ: Леонтія Магницкаго, вице-губернатора Василія Ершова, коммиссаровъ и секретарей артиллерійскаго приказа, судей Соловьева и Сергѣева, фискаловъ Желябужскаго и Нестерова, со всѣми ихъ фискальскими книгами, и многихъ другихъ. **** Оговоренныхъ Косымъ постигли „великая турбація и страхъ, и убытки“. † Въ декабрѣ затребованныя лица привезены были въ Петербургъ; въ началѣ слѣдующаго года (1715), Петръ учредилъ для изслѣдованія дѣла о подрядахъ особую коммиссію подъ предсѣдательствомъ генералъ-поручика князя Василія Владиміровича Долгорукаго. Между тѣмъ 27го декабря 1714 года публикованъ былъ царскій указъ: „чтобы всѣхъ губерній и приказовъ и канцелярій, всякаго чина люди, кто своимъ именемъ, или на имя посторонняго подряжался, о всѣхъ своихъ, какъ о провіантскихъ, такъ и о другихъ подрядахъ, какова званія оные и манира ни были, которые поставлены въ адмиралтейство, во артиллерію и въ протчія мѣста, объявили въ сенатѣ таковымъ образомъ, въ которомъ году, кто какой под-

---

* Михайло Мининъ, сапожникъ, тоже былъ фискалъ. Слѣдственное дѣло, л. 46. Вмѣстѣ съ Косымъ онъ оставался съ 1713 года въ Петербургѣ; это не спасло его впрочемъ отъ новаго московскаго слѣдствія и соборнаго проклятія.

** Чистовича, *Феофанъ Прокоповичъ*, стр. 64. Г. Чистовичъ, печатая письмо Макарова, прибавилъ слово *сапожникъ* за фамилію Михайлы, и у него явился Михайла *Сапожниковъ*; кромѣ того подъ письмомъ невѣрно поставлено: *18* октября; оно писано послѣ собора 24 октября.

*** Петръ писалъ къ Ушакову 22го и 27го октября, 18го, 20го, 25го и 29го ноября и 3го декабря. *Дѣянія Петра Великаго* IV, 396.

**** *Записка о дѣлѣ Тверитинова. Дѣянія Петра Великаго*, IV, 395—396.

† *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

рядъ имѣлъ и съ кѣмъ, съ губернаторомъ или съ другими знатными персонами и судьями имяны договаривался". Не объявившимъ грозило жестокое наказаніе съ разореніемъ движимыхъ и недвижимыхъ ихъ имѣній. *

Говорятъ, царь не нашелъ никакой вины за Магницкимъ, и онъ содержался за карауломъ одинъ только день; но его оставили въ Петербургѣ какъ свидѣтеля по дѣлу Тверитинова. ** 14го декабря, сенаторы Мусинъ-Пушкинъ, Стрѣшневъ и Самаринъ объявили Яворскому царскій указъ—пріѣхать въ Петербургъ къ суду и привезти съ собою дѣло о Тверитиновѣ *** и главныхъ противъ него свидѣтелей. **** Стефанъ не хотѣлъ ѣхать „къ отвѣту о бывшемъ соборѣ: † онъ ссылался на свое нездоровье и на то что ему нужно было ѣхать въ Нѣжинъ для освященія церкви. Но воля царя была неизмѣнна; указъ былъ повторенъ. †* Яворскій медлилъ.

Магницкій трусилъ не меньше Стефана. Въ ожиданіи сенатскаго суда, онъ сталъ заранѣе приготовляться къ отвѣту: припомнилъ свои диспуты и разговоры съ Тверитиновымъ, пункты его тетрадей, положилъ все это на бумагу, сталъ заучивать наизусть: „прочелъ нѣсколько кратъ." †** При первой встрѣчѣ съ своимъ прежнимъ пріятелемъ, александроневскимъ архимандритомъ Ѳеодосіемъ, Магницкій не подошелъ къ нему подъ благословеніе, не отдалъ поклона и не сказалъ ни одного слова, какъ съ человѣкомъ котораго на московскомъ соборѣ отлучили отъ божественнаго служенія. Префектъ московскихъ славяно-греко-латинскихъ школъ, архимандритъ Гавріилъ (Бужинскій), жилъ въ это время на Невскомъ подворьѣ; онъ былъ также въ числѣ свидѣтелей на Тверитинова. Ѳеодосій сталъ говорить Гавріилу: „Что это Магницкому сдѣлалось? Старый мой другъ, а какъ будто не знаетъ. Хоть глазъ на глазъ улучишь, онъ пойдетъ прочь или мимо, а по знакомству и не поклонится, ни благословенія потребуетъ." Гавріилъ зналъ почему Магницкій избѣгалъ разговоровъ съ Ѳеодосіемъ, но

* *Полное Собраніе Законовъ*, V, № 2.872.

** *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

*** Чистовича, *Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время*, стр. 64.

**** *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

† Съ этою цѣлью онъ вызванъ былъ въ Петербургъ. Устряловъ, *Исторія царствованія Петра Великаго*, VI, 506.

†* Чистовича, *Ѳеофанъ Прокоповичъ*, стр. 64—65.

†** *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

онъ не объяснилъ ему что Магницкій „глушается имъ, какъ еретикомъ“, а отозвался незнаніемъ и сказалъ Ѳеодосію: „можетъ-быть что Магницкій взятъ сюда нечестно подъ арестомъ, и, стыдяся, не приступаетъ къ тебѣ за свою мизирность, а васъ вѣдаетъ что въ крайней государевой милости.“ Ѳеодосій не повѣрилъ объясненію Гавріила: „Что ни есть иное, — сказалъ онъ,—а не того ради: онъ мое понравіе знаетъ.“

Нужно было разсѣять подозрѣнія вліятельнаго невскаго архимандрита. Магницкій очутился между двухъ огней; куда идти? къ еретику ли Ѳеодосію, который былъ въ крайней государевой милости, или къ Яворскому, дѣлу котораго служилъ Магницкій въ Москвѣ? Гавріилъ пріѣхалъ къ Ершову и передалъ свой разговоръ съ Ѳеодосіемъ; Магницкій былъ тутъ же. Гавріилъ не разъ толковалъ что Ѳеодосій „по всему есть Лютеръ· и трапезу благословляетъ лютерскимъ чиномъ и другіе многіе поступки по лютерски отправляетъ.“ Но на совѣщаніи у Ершова положили что Магницкій долженъ просить у Ѳеодосія благословенія, „хотя лица ради, *пока не будетъ низложенъ церковію.*“ Вскорѣ, послѣ этого совѣщанія, Ѳеодосій гдѣ-то встрѣтился съ Магницкимъ, пригласилъ его къ себѣ въ монастырь: Магницкій прожилъ у „еретика“ пять дней, и въ это время между ними не разъ завязывались „опасные и неправедные разговоры.“

Вскорѣ и другой „великій гонитель“ на московскихъ еретиковъ сошелся съ архимандритомъ Ѳеодосіемъ и даже попалъ подъ его начальство. По именному указу Петра Великаго, вслѣдствіе желанія невскаго архимандрита, іеродіаконъ Пафнутій, шуринъ Тверитинова, перемѣщенъ былъ въ Невскій монастырь. * Встрѣтившись въ Петербургѣ съ Магницкимъ, Пафнутій „плакалъ великими слезами“, боясь что Ѳеодосій уморитъ его какимъ-нибудь образомъ. Магницкій успокоивалъ своего прежняго клеврета; говорилъ что Ѳеодосій „политикъ, зла явно не сотворитъ, только надобно съ нимъ обхожденіе имѣть опасное и жить съ нимъ не явно въ противность, но лицемѣрно, когда уже такъ учинилось что у него подъ командою быти.“ Магницкій вызвался отвезти Пафнутія къ Ѳеодо-

* Въ послѣдствіи Пафнутій, оставаясь іеродіакономъ Невскаго монастыря, былъ протоинквизиторомъ и близко сошелся съ Ѳеодосіемъ. Въ указателѣ къ *Описанію дѣлъ синодальнаго архива* находимъ Пафнутія, іеродіакона Невскаго монастыря, и Пафнутія, іеродіакона Переяславльскаго монастыря (стр. 33); но это одно и то же лицо.

сію; архимандритъ принялъ ихъ „любезно“, помѣстилъ въ кельѣ которая отдѣлялась отъ архимандричьей одними сѣнями; Магницкій снова остался гостить въ Невскомъ монастырѣ у „еретика“, „опасные“ разговоры возобновились.... Магницкій рѣшился наконецъ высказать Ѳеодосію то что̀ лежало у него на душѣ; Пафнутій удерживалъ Магницкаго отъ этого признанія: „статное ли дѣло объявить? онъ де не токмо меня погубитъ, но и тебѣ бѣду наведетъ.“ Однако за обѣдомъ у Ѳеодосія Магницкій обратился къ хозяину съ такими словами: „Отецъ архимандритъ! Хочу тебѣ объявить вину свою, надѣясь на твое великодушіе что не возъимѣешь на меня гнѣва.“ „Какая вина и есть ли за что̀ гнѣваться?“ спросилъ Ѳеодосій. „Есть за что̀ гнѣваться,—продолжалъ Магницкій,—но токмо отъ тебя надѣюся разсужденія, а не гнѣва; и буду говорить, однако за паролемъ чтобы не гнѣватися.“ Ѳеодосій сказалъ: „Не буду гнѣвенъ, а паче за паролемъ.“ „Въ память ли вамъ,—спросилъ тогда Магницкій,—что я мѣсяца съ два къ тебѣ не приходилъ, и благословенія не просилъ и поклона не отдавалъ?“ „Памятую,—отвѣчалъ Ѳеодосій: скажи что̀ за причина?“ „Всѣ мы имѣемъ тебя за еретика,—выговорилъ Магницкій,—и оттого я не хотѣлъ сказать тебѣ: здравствуй!“ „Почему вы меня признали за еретика?“ спрашивалъ Ѳеодосій. Въ отвѣтъ архимандриту Магницкій повторилъ между прочимъ слова о немъ недавняго соборнаго приговора: „По двумъ причинамъ,—отвѣчалъ онъ Ѳеодосію,—первая, о тебѣ эхо великое въ Москвѣ что не любишь святыхъ иконъ и свѣчи предъ иконы ставить запрещаешь,—которому эху и вѣрити, и не вѣрити можно; но другая явная и достовѣрная, что ты вѣдомаго еретика, отъ розыску бѣжавшаго Димитрія Тверитинова, не токмо мимо соборнаго повелѣнія, но ни единому архіерею не доложивъ, принялъ въ сообщеніе святой церкви, и это твоя правильная вина.“ Замѣтивши что Ѳеодосій разсердился, Магницкій „для сокращенія его гнѣва“ прибавилъ: „Но вотъ я имѣлъ съ тобою разговоры два раза дней по пяти, а еретичества въ тебѣ не присмотрѣлъ.“ Ѳеодосій началъ будто бы „извиняться всею силою.“ * Уѣзжая изъ Невскаго

* *Записка о дѣлѣ Тверитинова*, очевидно желая выставить въ выгодномъ свѣтѣ Магницкаго, прибавляетъ: „Ѳеодосій говорилъ: „Димитрій врагъ меня обольстилъ, и есть де моя вина, о которой буду прилежно просить прощенія.“ И по многимъ разговорамъ, Магницкій рекъ: „пожалуй де, отче святый, не имѣй сихъ моихъ словесъ въ

монастыря, Магницкій убѣждалъ Пафнутія жить у Ѳеодосія *„лицемѣрно, вмѣсто шпика* (шпіона), *и, усмотря, объявлять его, Ѳеодосіево, состояніе.“* * Но Пафнутій не исполнилъ завѣта своего пріятеля. **

Генералъ-адмиралъ Апраксинъ, также обвиненный по дѣлу о подрядахъ, былъ на сторонѣ Яворскаго и въ своемъ домашнемъ кругу высказывалъ убѣжденіе что мѣстоблюститель невинно обнесенъ былъ предъ царемъ. Въ февралѣ 1715 года Апраксинъ пріѣхалъ къ Юрію Нелединскому и, оставшись съ нимъ наединѣ, съ „сожалѣніемъ и великою тугою“ говорилъ: „Охъ! многія невинныя и препростыя души погибаютъ. Я подлинно знаю что напрасно къ царскому величеству оклеветаны митрополитъ рязанскій и съ нимъ человѣкъ со сто; подлинно напрасно пропадаютъ“. Апраксинъ при этомъ „сидя, падалъ на столъ и довольно плакалъ“ Дневальный подъячій, бывшій въ то время у Нелединскаго, подслушалъ этотъ разговоръ и келейно передалъ его одному только изъ свидѣтелей по дѣлу Тверитинова. Слова Апраксина сдѣлались извѣстны изъ всѣхъ Москвичей вызванныхъ въ Петербургъ только Ершову, Магницкому, Пафнутію и златоустовскому архимандриту Антонію; отъ другихъ свидѣтелей скрывали чтобъ ихъ не запугать.

Дни три спустя послѣ этого разговора Магницкій пришелъ къ Апраксину; у него собралась большая компанія. Увидавши Магницкаго, адмиралъ началъ жалѣть о немъ и спрашивалъ: „Для чего ты вступилъ въ дѣла не по своей должности? ты не попъ, не архимандритъ, а въ церковныя дѣла вступаешь. Что тебѣ за нужда?“ Магницкій началъ оправдываться и слагалъ свой поступокъ на соборное увѣщаніе православнымъ. „Первая нужда, государь, отвѣчалъ онъ Апраксину,—по увѣ-

---

досаду.“ Ѳеодосій же противорекъ: „не токмо де гнѣвъ на тебя имѣть, но еще и любить тебя надобно весьма что ты мною гнушался, понеже я въ крайней государевой милости; а ты о томъ по ревности своей небрегъ.“ Такое смиреніе не въ характерѣ было Ѳеодосія, павшаго жертвой своей заносчивости и неосторожныхъ изліяній самолюбія.

* Свидѣтельство расположенной къ Магницкому *Записки о дѣлѣ Тверитинова.*

** Записка замѣчаетъ. „Потомъ уже Богъ вѣсть, не прельщенъ ли самъ Пафнутій: ибо въ монашеской своей должности весьма развратенъ учинился.“

ціанію матери нашея святыя церкви свидѣтельствовалъ, другое что и моя должность есть.“ „Да тебѣ какая должность, продолжалъ адмиралъ,—ты не митрополитъ, ни иной архіерей.“ Магницкій повелъ такую рѣчь: „Христосъ Спаситель не митрополитамъ, ни другимъ архіереямъ, но вообще всякому христіанину сказалъ: *Иже нѣсть со мною на мя есть и иже не собираетъ со мною, расточаетъ.* Ежели кто и плотскую чью-нибудь мать начнетъ ругать, и за то родныя ея дѣти должны стоять. А они, еретики, вѣчную нашу матерь, церковь святую, поносятъ несносными хулами, — въ которой церкви мы надѣялись въ будущемъ вѣкѣ жити во вѣки вѣковъ: того ради какъ за нее не стоять?“ Апраксинъ снова замѣтилъ Магницкому: „Да ты послѣдній человѣкъ, и не того чина, а сіе должно чинить великимъ людямъ.“ Магницкій отвѣчалъ: „Ежели ты, великій адмиралъ, изволишь быть на кораблѣ, гдѣ и матросовъ множество, и когда случится тому кораблю какой страхъ къ потопленію, прикажешь ли и всякому матросу трудиться, дабы охранить корабль отъ потопленія? Да хотя бы ты и не приказывалъ, то всякъ и самъ потщится, потому что и его жизнь въ томъ же кораблѣ.“ Апраксинъ кончилъ разговоръ словами: „Ну, какъ хочешь; только бы не пропасть.“ Магницкій съ товарищами поняли что царь не былъ на сторонѣ Яворскаго, и были въ страхѣ. *

Въ началѣ Великаго Поста, почти черезъ три мѣсяца послѣ перваго вызова по царскому указу, Стефанъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ свидѣтелями. **

Сначала онъ думалъ лично объясниться съ Петромъ относительно бывшаго „собора“; но царь не принялъ митрополита. Яворскій рѣшился написать ему письмо; онъ заговорилъ теперь другимъ языкомъ чѣмъ въ Москвѣ: полновластный Никонъ смѣнялся угодливымъ іезуитомъ. „Державнѣйшій царь, государь всемилостивѣйшій! (писалъ Стефанъ царю) Ожидалъ я не малое время имѣти аудіенцію у вашего царскаго величества, идѣже возмогълъ быхъ припасти къ стопамъ вашего царскаго величества и съ блуднымъ сыномъ возопити: *отче! согрѣшихъ на небо и предъ тобою.* Но не могъ такъ благополучнаго времени, за грѣхи мои, дождатися, понужденъ симъ писаніемъ моимъ, слезами, не черниломъ писаннымъ, отъ

---

* *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

** Тамъ же.

глубины сердца моего отозватися и сію плачевную мою челобитную на милостивое отеческое лоно положити.“ Стефанъ припоминалъ царю свою долгую службу. „Шестьнадесять лѣтъ уже, отнелиже лонужденъ есмь отъ вашея царскія, Богомъ данныя власти въ приставникахъ быти дому Божія. Сіе послушаніе, аще и не по силѣ моей, но, надѣяся на милость Божію и на милость вашего царскаго величества, воспріяхъ и толикія тяжести по нужди не отрекохся. Службы же моя и трудишка на семъ послушаніи единому Богу совершенно вѣдомы суть, а отчасти и вашему царскому величеству, мню, быти не тайны, на которыхъ силу, здравіе, бодрость, а близко того и житіе погубихъ: чувства вся, а наипаче зрѣніе потемнѣло, ноги зѣло ослабѣша, въ рукахъ персты хирагра покривила, кашель замучилъ; прочая же оскудѣнія здравія моего неприлично мнѣ являти. Обаче во всѣхъ сихъ бѣдствахъ моихъ единою точію милостію вашего царскаго величества и благопризрѣніемъ отеческимъ утѣшахся и вся горести моя тѣмъ сахаромъ услаждахъ. Нынѣ же, егда вижду лице вашего царскаго величества отъ мене отвращенно и милость не по прежнему, истинно глаголю яко отъ печали сокрушихся и къ болѣзни болѣзнь умножися и умножатися не престаетъ. Гдѣ суть милости Твоя древнія, Господи? откуда сія измѣна? отъ свѣта во мракъ преложихся и низринухся! Казанье ли мое виновно есть? * или дѣло настоящее раскольническое, о немъ же по званію моему дерзнухъ воздвигнутися и перомъ, и *языкомъ*? Но обоя сія, аще пріидутъ на праведнбе мѣрило, не имутъ толикія тяжести количкую для тѣхъ тяжестей терплю на сердцѣ моемъ.“ Яворскому, какъ видно, ставили особенно въ вину то что онъ заочно отлучилъ Михайлу Косаго и Минина, не говоря уже о царскомъ любимцѣ, архимандритѣ Ѳеодосіи. „Въ дѣлѣ же раскольническомъ (отвѣчаетъ митрополитъ) надѣялся благодарствія, а не гнѣва, понеже не безъ трудовъ мнѣ было книги противу ихъ писати и съ непокорствомъ тѣхъ братися и *толикая тщательства ко утоленію бури и къ тишинѣ церкви Божія и всего государства воспріимати*. Сія не есть моя вина, а званіе пастырское Господне.... Двѣ наипаче вины моя въ семъ дѣлѣ глаголются быти, якоже извѣстихся отъ правительствующихъ сената. Пер-

* Стефанъ разумѣетъ здѣсь извѣстную проповѣдь о разорителяхъ закона Божія, о учрежденіи фискаловъ и царевичѣ.

вая, *яко не описавшися сія сотворихъ*. Не подобаетъ ли, не описуючися, пожаръ гасити и *всенародный мятежъ* укрощати? Описываться дѣло есть продолжительное, а нужда не терпитъ продолженія; довлѣетъ, мнится мнѣ, единою данная власть на храненіе словеснаго стада и на безмятежное церкви Божіей чиноправленіе. Вторая моя вина глаголется быти, *яко и безъ допросу и неприсущіи нѣціи отъ церкви святыя*, общимъ совѣтомъ духовнымъ, *отчуждишася*. Но и въ томъ прошу милостиваго разрѣшенія. Сіе дѣло есть *не ново*: на соборахъ вселенскихъ и помѣстныхъ проклинали еретиковъ и присущихъ, множайшихъ же и неприсущихъ, увѣрившеся достовѣрно въ ихъ ереси. Что же речемъ о допросахъ? Допросы обычно бываютъ ради извѣстія истины. Аще же вопрошаемый начнетъ запиратися, ту надобно или достовѣрныхъ свидѣтельствъ (или пытка): * пытка не наше есть дѣло.“ Яворскій не былъ искрененъ когда писалъ эти строки: и Максимовъ, и Ѳома Ивановъ были, по его приказу, пытаны. Неполноту петербургскаго слѣдствія и его невѣрные результаты Стефанъ именно объяснялъ тѣмъ что изъ обвиненныхъ пытанъ былъ *одинъ* Максимовъ. Яворскій пыталъ, и пыталъ иногда жестоко. Человѣкъ вполнѣ преданный ему, митрополитъ новгородскій Іовъ, писалъ троицкому архимандриту Сильвестру, подъ строгимъ секретомъ: „За озлобленіе, и досаду и великіе обиды господина превысочайшаго, іерарха святѣйшаго, митрополита рязанскаго, двѣнадцать человѣкъ въ великій Новградъ взяты и многіе изъ нихъ *зѣло жестоко пытаны и рваны, даже внутреннимъ ихъ являтися*. А съ пытокъ въ *самомъ маломъ* въ нѣчесомъ винилися, и на брата архіерейскаго ** многія вины и несносныя обиды себѣ въ распросѣхъ сказали; въ томъ хотятъ и умертвитися. И судьямъ сіе подъ сомнѣніемъ, чего ради хощутъ распросныя рѣчи послать

---

* Эти два слова въ рукописи пропущены; изъ хода рѣчи очевидно что ихъ должно вставить.

** Братъ Стефана, Ѳедоръ Яворскій, человѣкъ весьма мало ученый, опредѣленъ былъ для наученія и испытанія лицъ желавшихъ получить священство. „Всякій желающій священства (разказываетъ *Молотокъ на Камень вѣры*) безъ довольныхъ на то денегъ со всѣмъ его прилежаніемъ въ читаніи и наукою не годился, о чемъ вси, посвященные при немъ, со слезами свидѣтельствовать могутъ.“ Ѳедоръ Яворскій пріобрѣлъ на этомъ мѣстѣ значительное богатство.

подъ разсудокъ здравый ко архіерею рязанскому.“ * Такъ пыталъ Стефанъ. Его новое столкновеніе съ царемъ было именно результатомъ его религіозной нетерпимости, его „кровежаждущей утробы“ (какъ выразился *Молотокъ на Камень въры*), которая хотѣла довести обвиненныхъ до суровой гражданской казни и подняла въ Москвѣ толки и споры въ то время когда царь требовалъ успокоить „всенародное мнѣніе“ насчетъ Тверитинова и товарищей его участи. Въ письмѣ къ царю, Яворскій оправдываетъ себя и соборный приговоръ именно тѣмъ что онъ желалъ своевременно *угасить* всенародный мятежъ! „Достовѣрныхъ свидѣтельствъ (объяснялъ онъ въ томъ же письмѣ) имамы по премногу, понеже убо въ настоящемъ дѣлѣ вси запираются и тіи которые въ Преображенскомъ съ пытки винилися....“ другіе „прежде допросовъ изъ Москвы угонзнули; и вторицею такожде, егда услышали объ общемъ на нихъ совѣтѣ духовномъ, совѣтующемъ на нихъ, и въ то время въ Москвѣ не явилися. Какъ же ихъ было допрашивать? А хотя бы и сбѣжавшіи допрашиваны были, тоежь бы говорили что и здѣсь и вездѣ говорятъ.... Въ такомъ случаѣ что было чинить? какъ *всенародную молву укротить?* Едино точію возмнѣхомъ прибѣжище, во еже бы, достовѣрными свидѣтельствы въ ихъ расколѣ совершенно увѣрившеся, вершити дѣло, еже и совершихомъ, егда не точію отъ свидѣтельствъ, но и отъ тетрадей, *тѣми* писанныхъ, и отъ катихизису противниковъ нашихъ, и отъ листа *который раздавали въ народѣ къ развращенію,* подлинно извѣстихомся. И хотяще *всенародную молву и мятежъ утолити,* по общему всѣхъ изволенію, власти нашея, отъ Бога и отъ васъ, государя нашего, данныя употребити дерзнухомъ, видяще яко еретики въ допросахъ не истинствуютъ.“ Яворскій, повидимому, самъ чувствовалъ слабость своихъ доводовъ и заключилъ свое письмо къ царю слѣдующимъ образомъ: „Но что много о семъ писати? Противу рѣчному стремленію нельзя плавати. Буди тако якоже о мнѣ глаголется. Виноватъ есмь въ неопасствѣ и дерзновеніи моемъ, за которую вину, падши къ стопамъ вашего царскаго величества, прошу милостиваго прощенія. „Отлущайте, аще что на кого имате, да и Отецъ вашъ небесный отлуститъ вамъ.“ И аще инако быти не можетъ, подлежу, по волѣ вашей, наказанію, даже и до отчуж-

* *Странникъ*, 1861, I, 84.

денія архіерейства отъ тѣхъ кому вручено будетъ. То мнѣ паче всѣхъ тягчайше, яко отвращенно лицо вашего царскаго величества вижду; и не тако мнѣ докучаетъ нищета моя, въ ней же нынѣ обрѣтаюся, яко лишенъ прежнія милости царскія. Однакожь „идѣже умножися грѣхъ, тамо преизобилуетъ, благодать", его же яко нечаемый, но не отчаяваемый ожидаю негли по сей бури паки превожделѣнное возсіяетъ ведро." *

Петръ именнымъ указомъ повелѣлъ быть по дѣлу Яворскаго „генеральному суду", устранившись самъ отъ изслѣдованія этого дѣла. Въ Петербургѣ поднялись толки и предположенія объ исходѣ новаго слѣдствія; „весь всякаго чина народъ во всякихъ компаніяхъ и вездѣ непрестанно о томъ разговоры имѣли, что у митрополита и у свидѣтелей съ еретиками судъ будетъ, а которые падутъ, неизвѣстно; только не безъ крови, не безъ казни будетъ." **

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Н. ТИХОНРАВОВЪ.

---

* Рукопись Рязанской семинаріи, № 58, л. 1.042. Ср. *Прибавленія къ Твореніямъ святыхъ отцовъ*, часть XXI, стр. 469—473.

** *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

МОСКОВСКІЕ ВОЛЬНОДУМЦЫ

НАЧАЛА XVIII ВѢКА

И

СТЕФАНЪ ЯВОРСКІЙ*

V.

Сказки вызванныя соборнымъ увѣщаніемъ къ православнымъ открыли въ Москвѣ новое лицо сходившееся во многомъ съ вольнодумными мнѣніями Тверитинова: это былъ часовщикъ Яковъ Ивановъ Кудринъ. Сынъ крестьянина деревни Бокарицъ, близь Архангельска, Кудринъ, по смерти отца своего, жилъ на посадѣ у того же города. Схимонахъ Преображенской Пертоминской пустыни Герасимъ, изъ иноземцевъ, обучилъ Кудрина иконному и часовому художеству и тѣмъ доставилъ ему средства существованія. Въ 1700 году, по указу изъ Мастерской Палаты, Кудринъ былъ взятъ въ Москву и ломѣщенъ въ ту Палату часовщикомъ. Здѣсь онъ жилъ сначала на загородномъ дворѣ у духовника государева, протопресвитера Петра Васильева, а потомъ поселился въ Новой Басманной слободѣ у своего свояка, чеботаря Михаила Минина. Близкія отношенія къ пріятелю фискала Косаго, Минину, не остались конечно безъ вліянія на Кудрина; послѣдующія обстоятельства его жизни, державшія его въ кружкѣ иноземцевъ, содѣйствовали еще болѣе развитію въ немъ тѣхъ

* См. *Русск. Вѣстн.* 1870, № 9 и 1871, № 2.

убѣжденій зародыши которыхъ были брошены въ его голову Мининымъ. Въ 1703 году Кудринъ былъ въ часовщикахъ на Сухаревой башнѣ: „тѣ часы, а съ ними и онъ, Яковъ, взяты были въ Шлиссельбургъ.“ Здѣсь Кудринъ прожилъ „у часовъ“ около пяти лѣтъ. Пребываніе въ этомъ городѣ имѣло на него рѣшительное вліяніе. Однажды во дворцѣ за обѣдомъ лѣкарь государевъ, иноземецъ Андрей Кондратьевъ, сталъ говорить обѣдавшимъ съ нимъ дворовымъ людямъ: „Что де вы читаете Псалтирь, а не разсуждаете?“ „Какъ это мы читаемъ Псалтирь, а не разсуждаемъ?“ спросилъ лѣкаря живописецъ государева дома Иванъ Матвѣевъ. „Въ той книгѣ, продолжалъ Кондратьевъ, есть псаломъ о исходѣ Израильтянъ изъ Египта.“ Кудринъ, сидѣвшій за этимъ столомъ, прислушивался къ рѣчамъ иноземца, потомъ читалъ упомянутый имъ псаломъ и „вошелъ въ сомнѣніе о почитаніи иконъ“. Въ 1708 году Кудринъ перемѣщенъ былъ изъ Шлиссельбурга въ Петербургъ, починивалъ часы во дворцѣ и въ домѣ Меншикова, а въ слѣдующемъ году переселился въ Москву и жилъ здѣсь „не у дѣла“. * Разслѣдованія о Тверитиновѣ и его единомышленникахъ, въ широкихъ размѣрахъ поднятыя Яворскимъ въ Москвѣ, задѣли и Кудрина, снова пріютившагося на дворѣ у Михаила Минина. Въ ноябрѣ, послѣ собора на которомъ были прокляты Тверитиновъ, Ѳома Ивановъ, Косой, Мининъ и Максимовъ, возобновлено было увѣщаніе православнымъ подавать сказки объ осужденныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ указахъ разосланныхъ по всѣмъ московскимъ церквамъ предписывалось: „аще у которыхъ церквей въ приходахъ и *сверхъ тѣхъ* какіе противники святыя церкви явятся, и священникамъ о таковыхъ противникахъ приносить доношенія къ нему жь, преосвященному Стефану, митрополиту рязанскому и муромскому, безъ замедленія.“ ** На основаніи этого указа, священникъ церкви Успенія Пресвятой Богородицы, что на Покровкѣ, въ Котельникахъ, Иванъ Семеновъ, подалъ о Кудринѣ слѣдующее доношеніе Яворскому: „Въ прошломъ 713 году, былъ онъ, полъ Иванъ, въ приходѣ, въ домѣ стольника Василія Головина, съ дьякономъ Алексѣемъ и церковники. И въ то число у него, Василія, былъ стольникъ Ѳедоръ Дубровскій, и Яковъ Ивановъ говорилъ: „Ваша де вѣра сует-

* Дѣло архива святѣйшаго синода.

** Слѣдственное дѣло Моск. синод. библіотеки, л. 253.

на: чему вы поклоняетеся? Не иконамъ, идоламъ: иконы де, дѣла рукъ человѣческихъ, суть идолы.“ Чудотворца Николая называлъ простымъ человѣкомъ и идоломъ. Дубровскій его за то бранилъ и называлъ еретикомъ, и тотъ часовой мастеръ съ двора ушелъ. * Призванный къ отвѣту въ патріаршій Духовный Приказъ, Кудринъ отклонилъ отъ себя обвиненіе въ еретичествѣ и показалъ что не помнитъ того что̀ говорилъ и дѣлалъ въ домѣ Головина, потому что былъ пьянъ. Свидѣтели поведенія Кудрина въ домѣ Головина, на которыхъ сослался въ своемъ донесеніи священникъ Семеновъ, вполнѣ подтвердили показаніе послѣдняго и дополнили его новыми подробностями. По словамъ дьякона Алексѣя, Кудринъ въ домѣ Головина говорилъ, „и не пьянымъ обычаемъ“: „ваша де суетна вѣра; про васъ пишетъ яко отступятъ нѣціи отъ вѣры, внемлюще духовомъ лестчимъ и ученіямъ бѣсовскимъ, возбраняюще женитися и отвергатися отъ брашенъ, яже сотвори Богъ въ снѣдѣніе со благодареніемъ вѣрнымъ“ (I посл. къ Тим. IV, 2—3). И указывалъ на Апокалипсисъ, что ангелъ Господень не велитъ кланятися Іоанну Богослову, а велитъ Богу покланятися. И послѣ де Святыя недѣли, спустя недѣль съ десять, пришелъ онъ, Яковъ, къ нимъ въ церковь Успенія Пресвятыя Богородицы въ вечернее пѣніе, и во время чтенія каѳизмъ говорилъ тѣ вышеписанныя слова, которыя говорилъ въ домѣ стольника В. Головина о иконахъ, и указывая на иконы перстомъ, говорилъ: „скоро де сего не будетъ, а васъ де всѣхъ въ солдаты поберутъ“. Стольникъ Дубровскій, съ своей стороны, показалъ что Кудринъ, разговорившись съ священникомъ и дьякономъ церкви Успенія о поклоненіи иконамъ, „иконы хулилъ, поклоненіе имъ и почитаніе весьма отрѣвалъ и называлъ идолами, а паче ругалъ Николая Чудотворца и на землю плевалъ, и ногами топталъ, и говорилъ: Николай идолъ, и не достоитъ образу его кланяться и самого его почитать.“ Въ Кудринѣ указаны были такимъ образомъ несомнѣнные слѣды знакомства съ соблазнительными толками Тверитинова о почитаніи святыхъ, о постахъ и монашествѣ: по свидѣтельству Пафнутія **, лѣкарь, доказывая что монашество „не по разуму святыхъ писаній держится“,

* Дѣло архива свят. синода.

** *Рожнецъ*, пунктъ 18, л. 59.

приводилъ тотъ же самый текстъ апостола Павла на который ссылался и Кудринъ въ домѣ Головина.

Послѣ допроса въ патріаршемъ духовномъ приказѣ, Кудрина отослали въ Московскую губернскую канцелярію; его приводили въ застѣнокъ и разспрашивали подъ пыткой: онъ продолжалъ утверждать что „вѣру содержитъ православную, еретичества не учился и еретиковъ никого не знаетъ.“

Съ переходомъ дѣла о Тверитиновѣ въ сенатъ, и Кудрина, въ 1715 году, привезли, вмѣстѣ съ другими обвиненными, въ Петербургъ.

Въ сенатѣ должны были наконецъ сойтись лицомъ къ лицу представители стараго и новаго направленія русской жизни. Безвѣстныя личности лѣкаря, школьника, часовщика, сапожника, фискала имѣли предъ собою авторитетное лицо мѣстоблюстителя патріаршаго престола и за нимъ густые ряды явныхъ и тайныхъ приверженцевъ ненавистной царю старины. Въ средѣ сенаторовъ Яворскій вскорѣ нашелъ человѣка вполнѣ преданнаго его направленію и интересамъ, человѣка на котораго можно было опереться гордому мѣстоблюстителю: это былъ генералъ-адмиралъ Ѳ. М. Апраксинъ. Извѣстный своею горячею преданностію старинѣ, Апраксинъ имѣлъ еще особенную причину косо смотрѣть на этихъ выскочекъ обвиненныхъ въ ереси, которые должны были предстать суду сената: имя генералъ-адмирала замѣшано было, вмѣстѣ съ именемъ Меншикова, въ дѣло о расхищеніи казеннаго интереса, надъ раскрытіемъ котораго усердно работалъ фискалъ Косой. Розыски по этому дѣлу велись еще съ неослабною энергіей, и кровавый исходъ слѣдствія надъ коммиссарами совпалъ съ началомъ сенатскихъ консиліумовъ по дѣлу московскихъ вольнодумцевъ. Въ концѣ января 1715 года царь требовалъ отъ московскаго губернатора Измайлова высылки въ Петербургъ новыхъ лицъ заподозрѣнныхъ въ расхищеніи казеннаго интереса, и снова писалъ Ушакову, который тайно провѣдывалъ въ Москвѣ о подрядахъ. * 5го марта произнесенъ былъ приговоръ надъ княземъ Волконскимъ, Корсаковымъ и нѣкоторыми другими лицами. 6го апрѣля „было вершенье по дѣламъ сенаторей Волконскаго и Апухтина и прочихъ такимъ образомъ. изъ розыскной канцеляріи повели всѣхъ на площадь, за шеренгой солдатъ, перво сенаторей Вол-

* *Дополненіе къ Дѣяніямъ Петра Великаго.* X 256.

конскаго, потомъ Алухтина, потомъ вице-губернатора Якова Корсакова, потомъ секретаря его Литвинова, потомъ коммиссара артиллерійскаго Порошина, потомъ посадскаго Филимона Аникіева, потомъ Голубчикова и за ними дьяковъ военной канцеляріи. И приведши ихъ на площадь, гдѣ положена была плаха и топоръ, объявленъ указъ: сенаторемъ двумъ, Волконскому и Алухтину, за вины ихъ (что они, преступая присягу, подряжались сами чужими именами подъ провіантъ и брали дорогую цѣну и тѣмъ народу приключили тягость) указано ихъ казнить смертію, однако отъ смерти свобожены, только за лживую ихъ присягу обожжены у нихъ языки и имѣніе ихъ все взять на государя; потомъ Корсакова.... били кнутомъ и на вѣчное житье въ Сибирь, отобравъ всѣ его пожитки и деревни, кромѣ отцовскихъ деревень; секретаря Литвинова, за тѣ жь дѣла что Корсакова, били кнутомъ и сосланъ на каторгу; коммиссара Порошина, что онъ за многое число денегъ подрядныхъ припасовъ, которые были не поставлены, далъ подрядчикамъ отпись заднимъ числомъ въ поставкѣ, а написалъ будто тѣ припасы въ ложарѣ сгорѣли, клали на плаху и потомъ, простя его отъ смерти, били кнутомъ и вырѣзали ему ноздри, сослали на каторгу; Филимона Аникіева и Голубчикова, за то что они подряжались ставить припасы въ артиллерію дорогою цѣною и по согласію съ помянутымъ коммиссаромъ брали деньги изъ казны за непоставленные припасы, били кнутомъ и взять съ нихъ штрафъ; а военной канцеляріи дьяковъ всѣхъ били батогами за то что они, преступая указъ, офицеровъ и унтеръ-офицеровъ и солдатъ отпускали въ дома свои на сроки, а послѣ ихъ не собрали, и за то брали себѣ взятки. Сіе наказаніе чинено было въ присутствіи его царскаго величества.“ *

Изъ сенаторовъ, суду которыхъ подлежалъ Тверитиновъ и его московскіе друзья, въ дѣло о подрядахъ замѣшаны были кромѣ Апраксина, свѣтлѣйшій князь Меншиковъ и Брюсъ. Они оправдывались тѣмъ что рѣдко жили въ Петербургѣ, участвуя въ кампаніяхъ военныхъ, и потому не могли наблюдать за своими подчиненными. ** Царь не наложилъ руки на своихъ дѣятельныхъ пособниковъ, между которыми былъ и дитя его сердца. „Они не только получили прощеніе, но еще

*) Тамъ же, стр. 11.

** *Weber, der veränderte Russland*, I, 40—41.

великодушный государь изъявилъ о томъ и сердечную свою радость принятіемъ ихъ къ столу своему и пушечною пальбой.“ *

Въ царскомъ домѣ пиръ веселый
Рѣчь гостей хмѣльна, шумна;
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.
Что пируетъ царь великій
Въ Петербургѣ — городкѣ?
. . . . . .
Онъ съ подданнымъ мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пѣнитъ съ нимъ одну.
И въ чело его цѣлуетъ,
Свѣтелъ сердцемъ и лицомъ;
И прощенье торжествуетъ
Какъ побѣду надъ врагомъ.

Яворскій зналъ гдѣ искать себѣ помощи въ тѣ критическія минуты, когда ему нужно было оправдывать предъ царемъ свое самоуправство. За нѣсколько дней до начала въ сенатѣ консиліумовъ по дѣлу Тверитинова, розданы были сенаторамъ и знатнѣйшимъ лицамъ, призваннымъ къ участію въ консиліумахъ, копіи съ экстракта того розыскнаго дѣла о еретикахъ которое производилось Яворскимъ въ Москвѣ. Апраксинъ „тайнымъ образомъ“ пригласилъ къ себѣ златоустовскаго архимандрита Антонія и Леонтія Магницкаго, дѣятельныхъ агентовъ Яворскаго, чтобы „недоумѣнная въ той выпискѣ протолковать и самую всего дѣла силу познать.“ ** Къ свѣтлѣйшему князю Меншикову явились тѣ же лица для предварительнаго чтенія и объясненія экстракта. При помощи этихъ толкователей, Апраксинъ и Меншиковъ „выразумѣли“ что Тверитиновъ многіе годы не пріобщался Святыхъ Таинъ, что въ домѣ его вмѣсто иконы была картина, на которой золотыми буквами начертаны были двѣ первыя заповѣди. Антоній Магницкій протолковали генералъ-адмиралу и свѣтлѣйшему князю сказки московскихъ свидѣтелей о „продерзкихъ и хульныхъ словахъ“ Тверитинова и особенно усердно доказывали какъ много находится въ тетрадяхъ лѣкаря „про-

* *Дѣянія Петра Великаго*, IV, 399.
** *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

тивностей противъ благочестія, по которымъ явно можетъ познаться неизбѣжная его еретическая вина.“ Апраксинъ и Меншиковъ „удоволились“ объясненіями Антонія и Магницкаго; они вполнѣ убѣдились въ еретичествѣ Тверитинова и, отпуская своихъ совѣтниковъ, сказали имъ: „Нынѣ уже видимъ подлинно, да и еще будемъ насматриваться, не явится ли чего инаго, а сіе знаемъ.“ *

Заручившись поддержкой такихъ сильныхъ господъ въ сенатѣ, Яворскій пытался пріобрѣсти себѣ содѣйствіе и того кого въ знаменитой проповѣди о разорителяхъ закона Божія называлъ „единою надеждой“ Россіи—царевича Алексѣя Петровича. *Камень Вѣры*, рѣзкій полемическій трактатъ противъ лютеранской догмы вообще и мнѣній Тверитинова въ частности, давно уже былъ приготовленъ Яворскимъ къ печати. ** Царевичъ бралъ эту книгу читать у Мусина-Пушкина и, повидимому, она понравилась ему, потому что онъ просилъ Ѳедора Поликарпова достать ему списокъ *Камня*. Пріѣхавши въ Петербургъ, Яворскій отправилъ Алексѣю Петровичу, чрезъ Поликарпова, экземпляръ своей книги.*** Мѣстоблюститель не ограничился возобновленіемъ въ памяти царевича своихъ опроверженій на мнѣнія московскихъ еретиковъ: къ нему, также какъ къ Меншикову и Апраксину, подосланъ былъ тотъ же златоустовскій архимандритъ Антоній. Царевичъ чрезъ него совѣтовалъ Яворскому примириться съ царемъ, какъ возможно: „что прибыли, что межь ихъ несогласіе? И чтобы *весьма сего искалъ* для того что, когда его бросятъ, то такого не будетъ.“ **** Царевичъ слѣдилъ за ходомъ дѣла Яворскаго, за тѣми фазами которыя переживала оппозиція мѣстоблюстителя царю въ рѣшительныя минуты сенатскихъ консиліумовъ. Кабинетъ-секретарь Петра Макаровъ показывалъ царевичу копіи съ тѣхъ писемъ которыя посылалъ Яворскій царю „во время отвѣту о бывшемъ соборѣ;“ Алексѣй Петровичъ читалъ эти письма и возвращалъ ихъ Макарову. † Друзья старины не ожидали ничего для себя хорошаго отъ

* Тамъ же.

** Въ половинѣ сентября 1714 года Мусинъ Пушкинъ уже возвратилъ *Камень* Яворскому съ своимъ мнѣніемъ объ этой книгѣ. *Описаніе документовъ и дѣлъ св. синода*, I, стр. XI.

*** Устрялова *Исторія царствованія Петра Великаго*, VI, 508.

**** Тамъ же, стр. 512.

† Тамъ же, стр. 506.

загоравшейся между царемъ и блюстителемъ патріаршаго престола борьбы за права и независимость духовнаго суда.... Въ сенатѣ самымъ виднымъ противникомъ Яворскаго былъ князь Яковъ Долгорукovъ, къ нему долженъ былъ Стефанъ доставить матеріалы для сенатскаго слѣдствія, списокъ свидѣтелей подававшихъ сказки на Тверитинова и его товарищей, и полную копію съ розыскнаго дѣла веденнаго Яворскимъ въ Москвѣ. „Фаворитъ князя Долгорукова," фискалъ Косой, воспользовался результатами слѣдствія надъ коммиссарами и подрядчиками. За нѣсколько дней до произнесенія приговора надъ княземъ Волконскимъ и другими замѣшанными въ это дѣло лицами, Косой самъ съ восемью товарищами подрядился въ теченіи двухъ лѣтъ доставлять лѣса для кораблей съ Казанскихъ пристаней до Ладоги. * Бремя проклятія, произнесеннаго надъ Косымъ, чувствовала жена его, жившая въ Москвѣ: приходскій священникъ болѣе пяти лѣтъ не ходилъ къ ней въ домъ съ церковными требами, вслѣдствіе отлученія Косаго отъ церкви, такъ что въ апрѣлѣ 1720 года, она принесла на своего приходскаго священника жалобу митрополиту Игнатію. ** Самъ Косой, опираясь на царскіе указы о фискалахъ, *** спокойно продолжалъ свою дѣятельность въ Петербургѣ, и за мѣсяцъ до начала сенатскихъ засѣданій по дѣлу Тверитинова, получилъ отъ царя выгодный для себя подрядъ. ****

21го марта 1715 года происходилъ въ канцеляріи сената первый „консиліумъ" по дѣлу Тверитинова. На этомъ засѣданіи присутствовало болѣе ста персонъ; „сидящихъ было мало, и стоящихъ едва могла вмѣщать въ себя канцелярія." † Въ консиліумѣ были: Яворскій, князь Петръ Ивановичъ Прозоровскій, князь Я. Ѳ. Долгорукій, графъ И. А. Мусинъ-Пушкинъ, Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ, генералъ-адмиралъ Ѳ. М.

---

* *Собраніе писемъ Петра Перваго къ разнымъ лицамъ*, изд. Берхомъ, I, 305.

** Дѣло архива св. синода.

*** Фискаловъ судомъ и расправой по всякимъ дѣламъ велѣно было вѣдать въ сенатѣ.

**** Повидимому Косой оправдалъ сдѣланную ему въ этомъ случаѣ довѣренность; подрядъ на поставку лѣсовъ данъ былъ ему и въ другой разъ, въ 1717 году. *Собраніе писемъ Петра Великаго къ Апраксинымъ*. (Москва, 1811) II, 54.

† *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

Апраксинъ, Б. Шереметевъ, Меншиковъ, государственный канцлеръ Головкинъ, князья Григорій Ѳедоровичъ и Михаилъ Владиміровичъ Долгорукіе, Шафировъ, Петръ Андреевичъ Толстой, сенаторъ М. М. Самаринъ, губернаторы: кіевскій князь Д. М. Голицынъ, московскій Алексѣй Петровичъ Салтыковъ и казанскій Петръ Самойловичъ Салтыковъ. * Кромѣ того Петръ тайно прислалъ въ сенатъ двухъ придворныхъ служителей „умныхъ людей, не великихъ ранговъ“ и велѣлъ имъ присутствовать на консиліумахъ, „самимъ въ слова не мѣшаться ни съ кѣмъ,“ а только надзирать „какъ оный судъ производиться будетъ“ и обо всемъ доносить ему. ** Первое засѣданіе сената было бурное; враждебныя направленія рѣзко обозначились на немъ. „Начали говорить немирно и нечинно, но рвеніемъ и укоризнами митрополита всячески поносили:“ Яворскаго обвиняли въ злобѣ, гордости, въ клеветѣ, корили проповѣдью о фискалахъ, говорили что онъ накупилъ на Тверитинова и его товарищей ложныхъ свидѣтелей. Мѣстоблюститель высказалъ сенаторамъ свою задушевную мысль о независимости духовнаго суда и прямо сказалъ имъ: „Вы не тѣхъ дѣлъ судьи; вамъ надлежитъ судить тѣхъ кого мы пришлемъ къ вамъ, въ гражданскій судъ, уже осудивши духовнѣ.“ Яворскаго не слушали и продолжали „съ великимъ и безчиннымъ крикомъ“ осыпать его укоризнами. Апраксинъ и Меншиковъ вступились за митрополита; въ отвѣтъ на упреки которые сыпались на Яворскаго, они „говорили многія извиненія“ и не одинъ разъ напоминали сенату что царское величество „повелѣлъ по настоящему дѣлу судъ творити, а не контритися.“ Крики и безпорядокъ усиливались и „такого многонароднаго и безчиннаго сонма не токмо рѣчей, за безчинный кличъ или крикъ, выразумѣлъ кто, но ниже выслу-

---

* *Описаніе документовъ и дѣлъ св. синода*, I, стр. XIII. *Записка* ошибочно говоритъ что первое засѣданіе сената было въ понедѣльникъ, на пятой недѣлѣ Великаго Поста (то есть 28го марта) и что царь нарочно уѣхалъ на этотъ день въ Петергофъ. Дѣйствительно Петръ провелъ 28е марта въ Петергофѣ, но въ этотъ день происходилъ уже третій консиліумъ сената. Сохранивши любопытныя подробности о сенатскихъ засѣданіяхъ, подробности, не занесенныя въ официальные протоколы консиліумовъ, *Записка* перепутала только порядокъ и время засѣданій.

** *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

шать было возможно.“ * Шесть разъ вставалъ Яворскій и хотѣлъ выдти изъ канцеляріи чтобъ избавиться отъ несносныхъ укоризнъ и крика; Апраксинъ и Меншиковъ успокоивали его и убѣждали остаться на „консиліумѣ“. На помощь митрополиту явился наконецъ іеродіаконъ Пафнутій. Видя „нестерпимыя досады,“ которыя дѣлались Яворскому въ сенатѣ, онъ ревностно, во весь голосъ началъ кричать: „Господа! послушайте! господа! послушайте!“ Разъ съ двадцать долженъ былъ повторить Пафнутій слова, прежде чѣмъ шумъ утихъ. Когда наконецъ присутствующіе замолчали, іеродіаконъ, указывая пальцемъ на Тверитинова, сказалъ: „Сей еретикъ не токмо матери нашей, церкви святыя, есть врагъ, но и всему государству Всероссійскому великій злодѣй.“ Всѣ смолкли, услыхавши неожиданно такое важное обвиненіе. „Это слово великое и тяжкое, сказалъ бояринъ Стрѣшневъ, надобно его разсмотрѣть.“ Президъ обратился къ Пафнутію съ словами: „Скажи намъ какъ онъ всему государству злодѣй и почему.“ Пафнутій, указывая на тетради Тверитинова, лежавшія на столѣ, сказалъ: „Прикажите мнѣ книги его еретическія подать.“ Открывши въ поданныхъ ему тетрадяхъ десятую главу, ** Пафнутій сталъ читать во всеуслышаніе нѣкоторыя изъ помѣщенныхъ въ ней библейскихъ текстовъ. Прежде всего онъ остановился на словахъ пророка Іереміи: „Зане се Азъ созову вся царства земная отъ сѣвера, рече Господь: и пріидутъ и поставятъ кійждо престолъ свой въ преддверіяхъ вратъ Іерусалимскихъ и на всѣхъ стѣнахъ окрестъ его и на всѣхъ градѣхъ Іудиныхъ. И возглаголю къ нимъ съ судомъ о всякой злобѣ ихъ: какъ оставиша Мя и пожроша богомъ чуждимъ, и поклонишася дѣломъ руку своею“ (Іерем. I, 15, 16). Въ этомъ пунктѣ, объяснялъ Пафнутій, „Димитрій натягаетъ именно на сѣверное царство и на племена поклоняющіяся дѣломъ рукъ своихъ гнѣвъ Божій и пагубу.“ Затѣмъ обличитель прочелъ слѣдующія три

---

* Вѣроятно вслѣдствіе этого протокола перваго сенатскаго консиліума ограничился однимъ указаніемъ на улики представленныя Яворскимъ къ дѣлу. См. *Описаніе докум. и дѣлъ синод. архива*, I, стр. XI.

** Эта глава тетрадей озаглавлена такимъ образомъ: *О идолѣхъ языческихъ, имиже многажды поклоняхуся сынове Израилевы и сего ради различными казнями пострадаша.*

выдержки изъ Библіи, помѣщенныя Тверитиновымъ въ томъ же отдѣлѣ: „Отвѣщаша Іереміи вси людіе сидящіе въ землѣ Египетстѣй.... глаголюще: Слово, еже глаголалъ еси къ намъ во имя Господне, не послушаемъ тебе, яко творяще сотворимъ всякое слово еже изыдетъ изъ устъ нашихъ, кадите царицѣ небеснѣй и возливати ей возліянія, яко же сотворихомъ мы и отцы наши, и цари наши, и князья наши во градѣхъ Іудиныхъ и внѣ Іерусалима; и насытихомся хлѣбомъ, и благо намъ бысть, и зла не видѣхомъ“ (Іерем. XLIV, 15—18). „И рече Іеремія всѣмъ людемъ сильнымъ, и всѣмъ женамъ, и всѣмъ людемъ, отвѣщавшимъ ему словеса, глаголя: Не кажденіе ли, еже кадисте во градѣхъ Іудиныхъ, и внѣуду Іерусалима, вы и отцы ваши, и цари ваши, и князи ваши, и людіе земли, ломяне Господь и взыде на сердце Его? И не можаше Господь терпѣти къ тому отъ лица злобы дѣяній вашихъ и отъ гнусностей, яже сотвористе: и бысть земля ваша во опустѣніе, и въ непрохожденіе, и въ клятву, еже не быти живущимъ, якоже есть день сей, отъ лица сихъ, имже кадисте идоломъ и ими же согрѣшисте Господеви и не послушасте гласа Господня“ (Іерем, XLIV, 20—23). „Воспріясте образы, яже сотвористе поклонятися имъ: и преселю вы далѣе Вавилона“ (Дѣян. VII, 43). Пафнутій, прочитавъ эти тексты, сталъ говорить: „Еретикъ проклинаетъ и переселяетъ далѣе Вавилона—Россію, которая приноситъ приношенія Царицѣ Небесной. Онъ именно указываетъ на сѣверное царство, а на сѣверѣ одно только царство которое поклоняется святымъ иконамъ, Пресвятую Богородицу, Царицу Небесную, почитаетъ—Россійское. Ей поклоняются какъ наши благочестивые государи—цари, такъ и вы, князья и вельможи, и мы всѣ православные, а онъ всѣхъ проклинаетъ. Какой же онъ Всероссійскому государству доброхотъ?“ Пафнутій не самъ додумался до того толкованія тетрадей Тверитинова которое онъ высказалъ въ сенатѣ: онъ повторилъ только обвиненіе давно уже высказанное при разборѣ десятаго отдѣла тетрадей московскимъ духовнымъ начальствомъ, которому Яворскій поручилъ разсмотрѣть сборникъ лѣкаря. * Въ сенатѣ Пафнутій разыгрывалъ роль заранѣе ему порученную и имъ вытверженную. Но обличительное слово его не произвело того эффекта какого ожидали московскіе „ревнители“. Отъ стола за

* См. мою вторую статью, *Русск. Вѣст.* № 2, стр. 671.

которымъ сидѣли сенаторы, въ отвѣтъ обличенія Пафнутія послышались слова: „Чернечишка,—плутъ! Ты за скляницу вина душу свою продалъ.“ Поднялся снова шумъ и крикъ; „уничтожительныя“ рѣчи возобновились. Яворскій на первомъ консиліумѣ успѣлъ только предъявить сенаторамъ листъ съ двумя заповѣдями взятый въ домѣ фискала Косаго, тетради Тверитинова, доставленныя Пафнутіемъ, и копію съ лютеранскаго катихизиса, сдѣланную для Антонія.* Придворные „не великихъ ранговъ“ присланные царемъ для наблюденія за ходомъ сенатскаго слѣдствія немедленно донесли Петру обо всемъ что происходило на первомъ консиліумѣ; Петръ писалъ сенаторамъ чтобъ они „судъ вели правильный, слѣдовали бы настоящее, имъ порученное дѣло, а посторонних дѣлъ и рѣчей не привносили, чтобы крику не было, а было бы все благочинно.“**

На другой день, во вторникъ, 22го марта, происходилъ второй консиліумъ по дѣду Тверитинова. Присутствующіе вели себя „опаснѣе“. Засѣданіе началось допросомъ Максимова. Школьникъ показалъ что Яворскій отправилъ его въ Преображенское и разспросу ему письменнаго вновь не было; что черезъ два дня самъ Ромодановскій прочелъ ему разспросы духовнаго приказа и пыталъ; что послѣ пытки въ Преображенскій приказъ пріѣхалъ дьякъ Василій Нестеровъ, „и вывязалъ изъ платка бумагу, и смотря говорилъ ему: „знаешь ли Дмитрія Тверитинова, Михаила Косова, Михаила Минина, Никиту Мартинова и если де кого утаишь, и тебя де запытаютъ.“ По совѣту дьяка, Максимовъ написалъ тогда же повинное письмо и отправилъ его къ Ромодановскому.***

Допросъ Тверитинова возбудилъ опять волненіе между сенаторами: враждебныя партіи снова пришли въ столкновеніе. Лѣкаря спрашивали: зачѣмъ въ тетрадяхъ его и листѣ выписаны только тѣ статьи на которыхъ утверждаются еретики, а противныхъ, на которыхъ утверждается православная вѣра, не написано. Тверитиновъ отвѣчалъ что выписывалъ онъ въ тетради и въ листъ тексты изъ Священнаго Писанія „для знатія и ежели его спросятъ иноземцы чтобъ имъ могъ отвѣтъ дать; а послѣ де того было у него выписано и на про-

---

* *Описаніе документовъ и дѣлъ св. синода*, I, стр. XIV.

** *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

*** *Описаніе документовъ и дѣлъ св. синода*, I, стр. XV.

тивность тѣмъ статьямъ отъ нашея греческія церкви. и тое выписку взяли въ Преображенское съ пожитками его". Пафнутій опровергалъ показаніе Тверитинова тѣмъ что въ заглавіяхъ, надписанныхъ надъ текстами, лѣкарь утверждалъ спасительную силу выписанныхъ имъ наставленій; „а ежелибъ де онъ то выписывалъ для разговоровъ съ иноземцами, и того бы въ заглавіи писать ему не надлежало, а надлежало бы ему написать что тѣми статьями утверждаются противники православной церкви." * Меншиковъ „ревностно" помогалъ Пафнутію. „Дайте-ка я съ нимъ поговорю", сказалъ онъ сенаторамъ и, подозвавъ Тверитинова, спросилъ у него. „Знаешь ли ты эти тетради."—„Знаю", отвѣчалъ лѣкарь.—„Ты ли такія статьи писалъ?" продолжалъ Меншиковъ.—„Я писалъ."—„Въ какое намѣреніе ты ихъ писалъ?" спросилъ князь.—„Того ради, отвѣчалъ Тверитиновъ, чтобы мнѣ еретическіе доводы знать и надумываться противу ихъ отвѣтствовать, гдѣ прилучится."—„Такъ стало-быть доводы которые тутъ собраны еретическіе?" разспрашивалъ Меншиковъ. —„Подлинно еретическіе", былъ отвѣтъ лѣкаря.—„Для чего же ты, продолжалъ Меншиковъ, въ заглавіи назвалъ ихъ святыми Божіими заповѣдями?" —„Да, они святые", отвѣчалъ Тверитиновъ. Меншиковъ указалъ ему на противорѣчіе въ его отвѣтахъ: „Какъ же ты называешь ихъ подлинно еретическими, да ты же пишешь и называешь ихъ святыми? Одно что ни есть утверждай." Но Тверитиновъ не далъ себя поймать Меншикову и продолжалъ на повторенные вопросы твердить: „Они еретическіе, они же и святые." Меншиковъ вышелъ изъ себя и обратясь къ сенаторамъ, сказалъ: „Дайте мнѣ его въ застѣнокъ, то однимъ часомъ правду сыщу." Требованіе Меншикова поддерживалъ великій адмиралъ Ѳ. М. Апраксинъ; имъ вторилъ, но „тихими реченіями", и графъ Головкинъ. Сенаторы однако отказались отдать Тверитинова къ розыску. „Видно по всему, сказалъ имъ тогда Меншиковъ, что вы еретика жалѣете, а онъ подлинный еретикъ." Князь приомнилъ сенаторамъ извѣтъ сдѣланный Пафнутіемъ на первомъ засѣданіи, и упрекнулъ ихъ за то что они „такихъ важныхъ дѣлъ не слѣдуютъ." **

Отъ тетрадей обратились къ „картинѣ" съ изображеніемъ

---

* Тамъ же, стр. XVI.

** *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

двухъ первыхъ заповѣдей, которая висѣла въ домѣ Тверитинова. Лѣкарь принесъ съ собою на консиліумъ и объявилъ сенаторамъ листъ, писанный златыми литерами, и сказалъ что „тотъ листъ стоялъ на стѣнѣ въ домѣ его, а иного никакого у него не бывало". Но духовникъ Тверитинова и архимандритъ Антоній показали что у него висѣлъ на стѣнѣ листъ съ изображеніемъ двухъ первыхъ заповѣдей, а не тотъ который предъявлялся на консиліумѣ обвиненнымъ. * Меншиковъ опять вступился въ дѣло и началъ уличать Тверитинова показаніями свидѣтелей. Но сенаторы рѣшили передать предъявленный лѣкаремъ листъ цедерехту Михаилу Аврамову для опредѣленія старый онъ или новый. Снова послышались голоса что свидѣтели накуплены Яворскимъ; Тверитинова же нѣкоторые сенаторы прямо „выправливали."

Засѣданіе заключилось обвиненіемъ самого мѣстоблюстителя въ распространеніи тѣхъ же еретическихъ лютерскихъ идей за которыя проклятъ былъ Тверитиновъ съ товарищами на недавнемъ Московскомъ соборѣ. Говорятъ что лѣкарь обратился къ сенаторамъ съ вопросомъ, кого должно считать злѣйшимъ еретикомъ и болѣе достойнымъ наказанія, того ли который заботится о напечатаніи еретическихъ книгъ, или того который читаетъ такія книги. ** Сенаторы будто бы отвѣчали что первый конечно достоинъ бо́льшаго наказанія, нежели послѣдній. Тогда Тверитиновъ представилъ сенаторамъ книгу изданную въ Черниговѣ архіепископомъ Іоанномъ Максимовичемъ подъ заглавіемъ *Богомысліе* и прибавилъ что книга эта, посвященная Яворскому, буквально переведена съ извѣстнаго сочиненія лютеранскаго богослова Гергарда *Meditationes Sacrae*, наполнена тѣми же лютеранскими догмами за которыя онъ преданъ проклятію; между тѣмъ какъ самъ Яворскій заботливо распространялъ *Богомысліе* между своими знакомыми. Вмѣстѣ съ книгой Максимовича, Тверитиновъ передалъ сенаторамъ для сличенія и ея латинскій оригиналъ, ***

---

* *Описаніе документовъ и дѣлъ св. синода*, I, стр. XVI.

** *Fischer*, *Vita Iohannis Gerhardi*, p. 447.

*** Авторъ *Обзора русской духовной литературы*, стараясь во что́ бы то ни стало снять съ Максимовича и Яворскаго упрекъ въ распространеніи лютеранскаго произведенія, утверждаетъ (*Черниговскія Епархіальныя Извѣстія* 1864, № 14, прибавл., стр. 428 что *Богомысліе* не есть простой переводъ книги Гергарда. Въ доказа-

сообщенный ему въ Москвѣ кѣмъ-то изъ знакомыхъ лютеранъ. * Въ особенномъ доношеніи, въ то же время представленномъ сенату, Тверитиновъ объяснялъ что „напечатаны книги названныя *Богомысліе* на славянскомъ языкѣ на имя Стефана митрополита *подъ его протекціею*, а переведены изъ закона лютерскаго и напечатаны въ Черниговѣ тому пятый годъ и пущены въ продажу во все государство; между тѣмъ въ этихъ книгахъ „отрицаютъ молитву ко святымъ угодникамъ, утверждаютъ единою токмо вѣрою оправдится въ день судный, кромѣ добрыхъ дѣлъ; чтеніе и пѣніе установленное въ церкви Божіей многословіемъ непотребнымъ называютъ. А переводъ и творецъ противныхъ книгъ въ словенскихъ напечатанныхъ книгахъ потаенъ для того дабы не признали что тѣ книги закона лютерскаго.“ Тверитиновъ заключилъ свое доношеніе жалобой что онъ „разоренъ безъ остатку и гибнетъ подъ карауломъ за одни только диспуты, которые имѣлъ за принужденіемъ вицъ-губернатора Ершова, отъ лица лютерскаго, чиномъ школьнымъ, не противляяся святой церкви. И принудя его, сами нынѣ написались свидѣтельми, будто онъ противенъ церкви, и по тому свидѣтельству архіерей рязанскій проклялъ его и лишилъ всякія святыни *безъ допросу* и *не облича*, *презрѣвъ царскаго величества именные указы*“. Въ доказательство своей вѣрности святой церкви, Тверитиновъ ссылался на своихъ духовныхъ отцовъ и на приходскаго священника, которые въ своихъ сказкахъ его „оправили“, и на то что самъ Яворскій „принялъ у него православное исповѣданіе на письмѣ дважды подъ великимъ прещеніемъ суда Божія и подъ вѣчною анаѳемой что онъ ни въ чемъ

тельство своего мнѣнія онъ приводитъ слѣдующіе стихи Максимовича:

Богомысліе сію книгу нареченну
Приношу читателю *добрѣ умноженну*.

„Книжка добрѣ умноженна, замѣчаетъ арх. Филаретъ, отгого что *въ ней* есть *довольно* мыслей самого издателя; но она *большею частію* переводъ сочиненія набожнаго лютеранина Іоанна Герарда.“ Это невѣрно. Самому Максимовичу въ *Богомысліи* принадлежатъ только посвященія; самое же сочиненіе *буквально* переведено съ латинскаго; *добрѣ умноженно Богомысліе* авторомъ, а не переводчикомъ.

* *Fischer*, *Vita Ioannis Gerhardi*, p. 447.

святой церкви не противенъ и всякую святыню пріимлетъ отъ нея, какъ и всѣ православные христіане". *

Дополненіемъ о *Богомысліи* Тверитиновъ нанесъ сильный ударъ московскимъ ревнителямъ православія и во главѣ ихъ самому Яворскому. Наброшена была тѣнь на чистоту любужденій митрополита, который такъ неотступно, позволенными и непозволенными путями преслѣдовалъ Тверитинова за тетрадь выписокъ изъ Библіи, въ то же время самъ посылалъ разнымъ людямъ съ подписаніемъ своей руки на благословеніе ** книгу, строго вѣрную протестантской догмѣ. Сенаторы „онѣмели отъ удивленія", *** выслушавши доношеніе лѣкаря. Для самого Яворскаго раскрытіе литературнаго плагіата черниговскаго епископа было неожиданностію. Стефанъ сначала требовалъ чтобы сенаторы не принимали отъ Тверитинова ни книги, ни доношенія объ ней; онъ продолжалъ твердить свою любимую пѣсню о томъ что это дѣло духовнаго суда, а не гражданскаго. „Димитрію, какъ еретику,—говорилъ Яворскій сенаторамъ,—должности до того нѣтъ, принята или не принята имъ, Яворскимъ, та книга; пусть объ этомъ судитъ церковь, а не онъ, еретикъ. Да и вамъ отъ такого подозрительнаго человѣка, не имѣющаго никакой духовной степени, не надлежитъ въ свой гражданскій судъ принимать челобитенъ на насъ духовныхъ: понеже вы не тѣхъ дѣлъ судьи. Меня же и оную книгу пусть судитъ церковь, а не вы." **** Слова Яворскаго не встрѣтили сочувствія въ присутствовавшихъ на консиліумѣ; дополненіе Тверитинова было принято, между сенаторами оказалось довольно такихъ которымъ оно доставило удовольствіе. † Поставленный въ необходимость разъяснить распространеніе лютеранской книги, Яворскій сказалъ что тѣ книги „печатаны въ Черниговѣ по приказу черниговскаго архіепископа Максимовича, а къ нему (попали) по прошенію черниговскихъ школъ учениковъ, которые привезли тѣхъ книжекъ къ нему мѣшокъ, и онъ, архіерей,

* Дѣло архива св. синода.

** *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

*** *Fischer, Vita Iohannis Gerhardi, p.* 447.

**** *Записка о дѣлѣ Тверитинова*, передающая эти подробности, ошибочно относитъ ихъ къ первому засѣданію.

† По свидѣтельству *Записки*, сенаторы „таковое противное митрополиту доношеніе, гнѣвающіеся на него, митрополита, *съ охотою приняли.*"

тѣхъ книжицъ, несмотря и не читая, *раздавалъ*". * Такимъ образомъ Яворскій не отвергалъ того что онъ распространялъ *Богомысліе*; онъ оправдывался на консиліумѣ лишь тѣмъ что не зналъ содержанія этой книги и не подозрѣвалъ въ авторѣ ея лютеранина. ** Застигнутый обличеніемъ Тверитинова врасплохъ, Яворскій уѣхалъ изъ сената „со стыдомъ въ презѣльной злобѣ". *** Роковую „книжицу" Стефанъ не забылъ захватить съ собою. ****

Былъ ли правъ Тверитиновъ, обвиняя Яворскаго въ безсознательномъ покровительствѣ тѣмъ же идеямъ за которыя съ такимъ фанатизмомъ мѣстоблюститель преслѣдовалъ лѣкаря, какъ увидимъ далѣе, цѣлыя десять лѣтъ? † Доношеніе Тве-

---

* Дѣло архива св. синода.

** *Fischer, Vita Iohannis Gerhardi*, p. 447.

*** *Молотокъ на Камень вѣры*

**** „И тое книжицу онъ архіерей взялъ къ себѣ." Дѣло архива св. синода.

† Авторъ *Обзора русской духовной литературы* говоритъ: „Ближе къ правдѣ будетъ, если скажемъ что *защитники цирульника* старались закрыть этою книжкой цирульника и довольно успѣли (?) въ своихъ *происках*ъ. Содержаніе книжки не заключало въ себѣ *сходнаго* съ проповѣдями *цирульника*, *изступленнаго иконоборца*; но для друзей Лютера не мало значило что сочиненіе лютеранина въ русскомъ переводѣ посвящено Стефану, жаркому противнику лютеранъ." *Черниговскія Епархіальныя Вѣдомости*, 1864, № 14, прибавл., стр. 429. Цирульника Ѳомы Иванова, „изступленнаго иконоборца" давно уже не было въ живыхъ, когда было подано доношеніе о *Богомысліи*. Авторъ *Обзора*, очевидно, смѣшалъ Ѳому Иванова съ Тверитиновымъ и послѣднему несправедливо придалъ характеристику „изступленнаго иконоборца." Архіепископъ Филаретъ введенъ былъ въ этомъ случаѣ въ заблужденіе разказомъ біографа Гергардова Фишера, приведеннымъ въ статьѣ г. Пекарскаго *Извѣстія о русскомъ переводѣ одной лютеранской книги во времена Петра Великаго* (Записки Императорской Академіи Наукъ, томъ V, стр. 58). Разказъ Фишера оказывается невѣрнымъ лишь въ двухъ пунктахъ: 1) *Богомысліе* представлено было въ сенатъ не *цирульникомъ*, а *лѣкаремъ* Тверитиновымъ; 2) сенаторы *не освобождали* цирульника (tonsorem libere dimittunt). Послѣдняя ошибка также повторена авторомъ *Обзора*, который увѣряетъ что защитники цирульника „довольно успѣли въ своихъ *происках*ъ." Не забудемъ что въ числѣ

ритинова о *Богомысліи* не было подвергнуто разбору на послѣдующихъ сенатскихъ консиліумахъ; Яворскій, въ свою очередь, не представилъ опроверженія обвиненій взведенныхъ на него въ доношеніи. При первомъ сличеніи *Богомыслія* съ оригиналомъ, Стефанъ не могъ не убѣдиться что оно представляло буквальный переводъ трактата написаннаго лютераниномъ, что оно во многомъ не соотвѣтствовало тѣмъ убѣжденіямъ которыя проповѣдывалъ Яворскій. *Священныя размышленія* написаны Гергардомъ еще въ пору его студенчества (1606). Основанныя, по собственному признанію автора, на сочиненіяхъ Блаженнаго Августина, Св. Бернарда и Таулера, они несвободны отъ мистицизма, къ которому, кажется, чувствовалъ склонность черниговскій архіепископъ Максимовичъ, но къ которому не оказывалъ расположенія Яворскій. Предназначенное служить назидательнымъ чтеніемъ для большинства неспеціалистовъ въ богословіи, *Богомысліе* Гергарда не имѣетъ догматическаго и полемическаго характера; потому разногласія лютеранской догмы съ ученіемъ православной церкви не выступаютъ въ немъ, за немногими исключеніями, слишкомъ рѣзко; оно было болѣе отрицательное, чѣмъ положительное. Въ главѣ *о спасительномъ дѣйствіи молитвъ* православные читатели *Богомыслія* конечно ничего не находили о поклоненіи иконамъ; они точно такъ же напрасно стали бы искать въ немъ хотя намека на тотъ догматъ о молитвенномъ ходатайствѣ угодниковъ Божіихъ за людей который возбуждалъ сомнѣніе въ Тверитиновѣ. Въ книгѣ лютеранина конечно не могло быть мѣста положенію не согласному съ ученіемъ Лютера, и лѣкарь имѣлъ основаніе сказать въ своемъ доношеніи что у Гергарда „отрицается молитва ко святымъ угодникамъ.“ ** Наконецъ, *Богомысліе* не разъ обра-

---

этихъ „защитниковъ,“ обвиняемыхъ *въ проискахъ*, былъ самъ Петръ, желавшій ограничить неумѣренную ревность Яворскаго.

* Такъ, Максимовичъ перевелъ сочиненіе Дрекселя *Илготропіонъ*, *сообразованіе человѣческой воли съ божественною изобразующій*. изданное въ послѣдствіи въ новомъ переводѣ *безъ указнаго дозволенія* кружкомъ Новикова (1784).

** Подтвержденіе этому Тверитиновъ могъ видѣть въ слѣдующихъ словахъ *Богомыслія*: „Камо убо пойду, къ кому прибѣгну, камо обращуся, развѣ Тебѣ Господи?“ л. 326 об. „Никто праведно и истинно молится, аще не чрезъ Христа“; л. 207.

щается къ одному изъ важнѣйшихъ лютеранскихъ догматовъ, объ оправданіи одною вѣрой независимо отъ добрыхъ дѣлъ. * На эту неправославную мысль книги Тверитиновъ также указалъ въ своемъ доношеніи сенату. Самъ лѣкарь, повидимому, не раздѣлялъ ея: на нее нѣтъ никакихъ указаній въ его тетрадяхъ, свидѣтельскія сказки, съ другой стороны, не раскрыли также чтобъ эта мысль когда-нибудь высказывалась Димитріемъ въ частныхъ разговорахъ и диспутахъ. Впослѣдствіи (въ 1718 году), желая помѣшать посвященію Ѳеофана Прокоповича въ архіерейскій санъ, Яворскій обвинялъ его въ томъ что въ свои богословскія лекціи онъ вносилъ положенія несогласныя съ ученіемъ православной церкви, уча между прочимъ „яко едина вѣра безъ дѣлъ оправдаетъ человѣка.“ ** Мѣстоблюститель требовалъ чтобы Прокоповичъ до посвященія своего въ архіереи „отрекся и *анавемъ предалъ* свое *противное* ученіе о вѣрѣ, о покаяніи и добрыхъ дѣлахъ,“ *** то самое ученіе которое Яворскій нѣкогда, самъ того не зная, распространялъ въ *Богомысліи*. Отвѣчая на обвинительные пункты Стефана, иногда „худо противъ грамматики и злобно противъ любви переведенные,“ Прокоповичъ имѣлъ основаніе сказать о Яворскомъ: „вѣдалъ онъ и видѣлъ что въ Черниговѣ, кромѣ *безчисленныхъ бездѣлицъ* православію противныхъ, доселѣ печатаютъ въ служебникахъ мудрованіе латынское о пресуществленіи, и аканѳистъ о томъ же изданъ съ тѣмъ же мудрованіемъ, однакожъ того не запрещалъ.“ **** Ясно видѣть можно, замѣчалъ Прокоповичъ о Яворскомъ, „что не *по ревности* преосвященный на меня повсталъ, но *по злобѣ*. Одна ли рев-

---

* *Богомысліе*, л. 44; „Довлѣетъ же вѣра Христова къ довлѣтворенію. Воистину не много бы пріобрѣлъ праведныхъ, аще бы грѣшниковъ не воспріималъ.“ Ср. л. 45 об. „Насытимся убо не дѣлъ нашихъ, но Господней плоти. Аще сребра дѣлъ добрыхъ (ты душа) лишена еси паче, скорѣе къ милосердію Христову всеусердне тещи. Кая убо возмогутъ быти дѣла наша?“ л. 81 об. Это положеніе развито и въ главѣ 12й, *О существѣ и свойствахъ истинной вѣры*.

** Чистовича, *Рѣшиловское дѣло* Приложенія, стр. 4.

*** Тамъ же, стр. 47.

*** Отвѣтъ Ѳеофана на обличительные пункты Яворскаго, по рукописи № 1.854 принадлежащей П. В. Щапову, которому и приносимъ за сообщеніе ея благодарность. Къ сожалѣнію, этотъ отвѣтъ не напечатанъ вполнѣ ученымъ защитникомъ Яворскаго, г. Чистовичемъ, рядомъ съ обвинительными пунктами Стефана.

кость къ чистотѣ православной догмы двигала Стефаномъ и въ дѣлѣ московскихъ еретиковъ? Одною ли ревностію объясняется настойчивость преслѣдованія въ человѣкѣ который одною рукой подписывалъ анаѳему Тверитинову и его друзьямъ и предавалъ ихъ пыткѣ Преображенскаго приказа, а другою распространялъ на поученіе православнымъ книгу лютеранскаго богослова? Въ суровой натурѣ мѣстоблюстителя дѣйствительно мало было терпимости и той христіанской любви, которую такъ высоко ставилъ Гергардъ въ своихъ *священныхъ размышленіяхъ*, потребность которой такъ настойчиво высказывалъ Тверитиновъ въ своихъ тетрадяхъ. „Не пользуетъ премудрость въ откровеніи таинъ, говоритъ *Богомыслiе,—безъ любви*; и дiяволъ бо нѣкiихъ извѣстенъ таинъ, любовь единымъ свойственна точію благочестивымъ. *Вѣра*, горы преставляяй, *не полезна безъ любви*; сицева бо вѣра чудесна точію, а не спасительна. Любовь чудотворенія даръ превосходитъ: сія бо *истинныхъ христіановъ несумнительное*, пресовершенное *знаменіе*, сіе же (то-есть чудотвореніе) нечестивымъ нѣкогда прилучается. Не пользуетъ вся имѣнія нищимъ раздати, аще нѣсть любве: лицемѣрное бо внѣшнее дѣяніе есть, не сущей внутренней любви. Любовь *долготерпѣлива*: всякъ бо неудобнѣ прогнѣвается противу любимому; любы не безчинствуетъ, вся бо благоразсудно творитъ; любы вся благоговѣйнѣ совершаетъ, гнѣвному бо токмо свойственно несогласіе безстудно содержати, любовь же гнѣву бразды возлагаетъ.“ * Люди хорошо знавшіе Яворскаго, на краснорѣчивыхъ страницахъ лютеранскаго *Богомыслія* о любви, читали рѣзкое обличеніе тенденціямъ и понятіямъ ревностнаго къ догмѣ мѣстоблюстителя, и авторъ *Возраженія* (Молотка) *на Камень вѣры* иронически припоминалъ Яворскому главу *Богомыслія*, будто бы имъ переведеннаго, *о свойствахъ истинной любви*, прибавляя: „Но твоя любовь видимо въ чемъ состоитъ. Ты учителемъ церкви россійской хочешь именоваться и пастыремъ такъ многочисленнаго стада Христова быть желаешь; а что учителю хранить должно, того ты не знаешь. И для того я хочу тебѣ донести: Христосъ велитъ любить врага, молиться за наластвующихъ и гонящихъ, а притомъ повелѣваетъ въ наученіи и обличеніи съ кротостію, смиреніемъ и долготерпѣніемъ поступать.“

---

* *Богомыслiе*, л. 277 об. 279.

Лютеранское *Богомысліе*, содержавшее въ себѣ такъ много несогласнаго съ направленіемъ и убѣжденіями Яворскаго, явилось въ свѣтъ съ длиннымъ посвященіемъ Максимовича мѣстоблюстителю, посвященіемъ, въ которомъ превозносились добродѣтели и пастырская дѣятельность Стефана. По увѣренію черниговскаго архіепископа, Яворскій стоялъ выше всѣхъ похвалъ; „на тверди россійской пребывая въ славѣ, онъ сіялъ какъ утренняя звѣзда посреди облаковъ; русская церковь напаялась и орошалась росой благодатною, многопотными трудами, ученіями благоразумными, изливавшимися отъ устъ его; корабль церкви россійской, врученный богомудрому управленію Стефана, не устрашался, подъ его управленіемъ, тысячи Сциллъ и Харибдъ; всѣ въ Россіи, единымъ сердцемъ и устами, почитали добродѣтели, честь и достоинство мѣстоблюстителя". Яворскій не былъ глухъ къ похваламъ Максимовича; онъ принялъ подъ свое покровительство *Богомысліе*, переводчикъ котораго превозносилъ свой трудъ въ такихъ выраженіяхъ:

О дивна воистинну вся въ себѣ содержитъ,
Кто всеусердно пречтетъ, вся блага умножитъ;
Дивныи вещи вездѣ въ себѣ изъявляетъ,
Разсудительнѣ чтущихъ самъ Богъ прославляетъ.
Разумѣй, *якъ бы Божьимъ перстомъ начертанна*,
Въ наставленіе чину всякому поданна.

Съ такимъ одобреніемъ вышла въ свѣтъ книга Максимовича, „краткая въ словахъ, но великая въ дѣлѣ". Къ ней, въ скоромъ времени, припечатано было посвященіе самому царю. Новгородскій митрополитъ Іовъ витіеватыми фразами восхвалялъ богословскіе труды Максимовича. Получивши отъ черниговскаго архіепископа книги имъ изданныя, Іовъ писалъ ему: „Пріяхъ тыя, якоже корабли индѣйскіе, наполненные тмищными благами и бисеры многоцѣнными, различнымъ индійскимъ каменіемъ и адамантами сіяющими." * Учители основанной Максимовичемъ Черниговской семинаріи и вся братія черниговскаго архіерейскаго дома въ свою очередь расточали щедрыя похвалы своему архіепископу и, принимая его за автора *Богомыслія*, писали ему: „Егда въ *Богомыслія* книжицу воззримъ, здѣ аки въ зерцалѣ богодухновенную мысль и

* *Странникъ* 1861, томъ I стр. 121.

весь умъ преосвященства вашего, въ Бозѣ и въ божественномъ выну упражняющійся, видимъ." *

Разоблаченіе сдѣланное Тверитиновымъ въ сенатѣ заставило взглянуть съ другой точки зрѣнія на литературные адаманты Максимовича, вызвавшіе въ послѣдствіи неуклюжестью своихъ виршей рѣзкое осужденіе Кантемира **. Оно, повидимому, не прошло безъ слѣда и для южно-русскихъ типографій вообще. Въ указѣ 5го октября 1720 года было сказано: „Великому государю, его царскому величеству извѣстно учинилось что въ кіевской и черниговской типографіяхъ, въ печатныхъ книгахъ печатаютъ *несогласно съ великороссійскими печатьми*, которыя (то-есть нѣкоторыя) со многою противностію къ восточной церкви. А именно: въ *Черниговѣ* учебные часословы *по желанію раскольническому*..... Въ книгѣ *Богомыслія* явилась *многая люторская противность*..... *** Того ради его царское величество указалъ.... вновь книгъ никакихъ, кромѣ церковныхъ прежнихъ изданій, не печатать; а и оныя церковныя старыя книги, *для совершеннаго согласія съ великороссійскими*, съ такими же церковными книгами справливать прежде печати съ тѣми великороссійскими печатьми, дабы *никакой разни* и *особаго нарѣчія* во оныхъ не было; а другихъ никакихъ книгъ, ни прежнихъ, ни новыхъ изданій, не объявя объ оныхъ въ духовной коллегіи и не взявъ

---

* См. предисловіе къ *Млготропіону* Максимовича.

** Въ 3й сатирѣ, ст. 115:

Съ трудомъ стишка два сплету, да и тѣ неспѣлы,
Тверды, ушамъ досадны и на тѣ походятъ
Которые по азбукѣ святыхъ житье водятъ.

Къ этимъ стихамъ Кантемиръ дѣлаетъ такое примѣчаніе: „Есть повма, въ Кіевѣ напечатанная (*Алфавитъ духовный*), въ которой Максимовичъ стихами описалъ житіе святыхъ печерскихъ,—книга въ листъ, пальца въ два толщины, въ которой, однако, кромѣ именъ тѣхъ святыхъ и имени его высочества, государя царевича Алексѣя Петровича, которому она дедикована, ничего путнаго нѣтъ".

*** Авторъ *Обзора русской духовной литературы*, желая защитить „блаженнаго" Стефана Яворскаго, утверждаетъ что здѣсь сказано больше чѣмъ надлежало сказать. „Для того чтобы черниговская типографія (шутитъ онъ) была осмотрительнѣе и не издавала книгъ помимо синода, о чемъ и писался указъ (?!), довольно было сказать что книжкой *Богомыслія* закрывались друзья лютеранства къ скорби православныхъ".

отъ оной позволенія, въ тѣхъ монастырѣхъ не печатать, дабы не могло въ такихъ книгахъ никакой къ церкви восточной противности и съ великороссійскою печатью несогласія произойти". *

Приведенный указъ изданъ черезъ *пять* лѣтъ послѣ подачи Тверитиновымъ доношенія о *Богомысліи*, когда вопросъ объ этой книгѣ потерялъ всякій личный интересъ и для Яворскаго, и для лѣкаря. Но онъ имѣлъ въ виду ослабить ту церковную и литературную „разнь" которая существовала между Великою и Малою Россіей, и которую мѣстоблюститель спокойно оставлялъ развиваться. Заявляя необходимость уничтожить въ южно-русскихъ книгахъ „нарѣчіе особое" отъ великороссійскихъ, указъ останавливалъ вниманіе не на одной только „люторской противности," открытой въ *Богомысліи*, но и на томъ что „въ *Мѣсяцословѣ* который изданъ въ прошломъ 1718 году и печатанъ въ Кіевопечерской типографіи, въ заглавіи напечатано яко бы напечатанъ ставропіею вселенскаго константинопольскаго патріарха, *чего было печатать не надлежало*, для того что Кіевопечерскій монастырь отъ многихъ лѣтъ учиненъ въ ставропіи святѣйшихъ россійскихъ патріарховъ, а отъ константинопольскихъ уволенъ". Упорно преслѣдуя тетради Тверитинова, Яворскій спокойно смотрѣлъ какъ въ Малой Россіи слагалось не малое число аканѳистовъ и иныхъ службъ не совсѣмъ согласныхъ съ Священнымъ Писаніемъ. ** Защитникъ *Камня вѣры*, Арсеній Мацѣевичъ утверждалъ и въ послѣдствіи что Стефанъ „власти надъ Кіевопечерскимъ монастыремъ не имѣлъ, *развѣ когда сталъ быть блюститель престола патріаршаго*; однако и въ ту пору власть его и совершенное смотрѣніе было надъ типографіей Московскою, а отъ Кіевопечерской, яко отъ *ставропигіальной* и *почти зарубежной* тогда вмѣняю дейся, дѣло до него не приходило". Яворскій не подымался до тѣхъ вопросовъ о церковномъ и литературномъ объединеніи Великой Россіи съ Малою которые затронулъ царскій указъ, вызванный разобличеніемъ *Богомыслія*.

---

* Полное Собраніе Законовъ, томъ VI, № 3.653.

** Духовный регламентъ, часть вторая.

VI.

Донесеніе поданное Тверитиновымъ на второмъ консиліумѣ сильно смутило Стефана и его московскихъ клевретовъ. Третій сенатскій консиліумъ, происходившій 28го марта, не привелъ ни къ какимъ результатамъ *. Наканунѣ этого дня царь уѣхалъ въ Петергофъ и возвратился лишь по окончаніи сенатскаго консиліума **; Меншиковъ не присутствовалъ на засѣданіи: оно наполнено было запальчивыми рѣчами и зазорными разговорами. „Такого мятежа и контры и великихъ гнѣвныхъ и противныхъ между толикихъ и таковыхъ великихъ персонъ, къ тому еще единовѣрныхъ, противныхъ и досадительныхъ реченій хотя бы и въ прежнихъ греческихъ съ еретиками соборѣхъ едва въ исторіяхъ обрѣтается", свидѣтельствуетъ очевидецъ ***. Московскіе ревнители чувствовали что дѣло начинало принимать неблагопріятный для нихъ оборотъ: повидимому, данныя на основаніи которыхъ Тверитиновъ съ товарищами преданы были, вопреки царскому указу, новому суду и потомъ прокляты, не имѣли для петербургскихъ сенаторовъ того рѣшительнаго значенія которое было имъ придано Московскимъ „соборомъ". Новгородскій митрополитъ Іовъ два раза писалъ Яворскому въ это время: благодаря мѣстоблюстителя „за усердное тщаніе въ церковномъ дѣлѣ", Іовъ увѣщевалъ его „до конца стоять и подвизаться противъ еретиковъ" ****. Но непреклонный Стефанъ чувствовалъ те-

---

* *Записка о дѣлѣ Тверитинова* увѣряетъ что на этомъ консиліумѣ „едва едва склонился *всѣ* ихъ за подлинныхъ еретиковъ имѣти." Другіе источники, напримѣръ, протоколы этого консиліума въ синодальномъ архивѣ, не говорятъ ничего подобнаго, и это показаніе *Записки* опровергается послѣдующимъ ходомъ слѣдствія.

** *Походный журналъ* 1715 года, стр. 11, 35.

*** *Записка о дѣлѣ Твер.*

**** *Записка о дѣлѣ Тверитинова.* Безъ сомнѣнія къ числу этихъ писемъ относится напечатанное г. Чистовичемъ безъ означенія мѣсяца и года въ *Странникѣ* 1861 томъ I, стр. 124 и начинающееся такимъ образомъ: „Сугубо азъ душею моею веселюся, слыша о духовныхъ твоихъ направленіяхъ и попеченіяхъ общія ради пользы и спасенія церкви: яко же другій Павелъ во евангельскомъ пути наблюденія присно настоящій.

перь необходимость сдѣлать новый шагъ къ примиренію съ царемъ и воспользовался временнымъ прекращеніемъ сенатскихъ консиліумовъ, по случаю Страстной и Святой недѣли, чтобы сдѣлать попытку получить прощеніе Петра за произвольную расправу съ Тверитиновымъ. 14го апрѣля Яворскій писалъ царю: „Великодержавнѣйшій царь, государь премилостивѣйшій! Въ настоящее время великострастнаго пятка, егда Христосъ на крестѣ гласитъ кличемъ веліимъ: *Отче! отпусти имъ*,—желаю себѣ и азъ подражати Христа. Сего ради къ вашему царскому величеству, аки къ общему всѣхъ насъ отцу, припадая, вопію: *Отче! отпусти*. Тамо Христосъ гласитъ: *не вѣдятъ бо что творятъ*; не вѣдяхъ и азъ яко то дѣло еже сотворихъ неугодно имѣло быти предъ вашимъ царскимъ величествомъ. А еще же *въ невѣжествѣ* согрѣшихъ, убо грѣхъ мой достоинъ есть прощенія, ибо и Павелъ апостолъ глаголетъ: *гонихъ*, рече, *по премногу церковь Божію, но сего ради помилованъ быхъ яко въ невѣжествѣ сіе сотворихъ*. Невѣжество же мое въ семъ является: первое, обличалъ на казаньи моемъ въ Москвѣ фискаловъ о неправдѣ, того ради яко промчеся у нихъ на Москвѣ слово что фискали имутъ власть на всякого доводити, и аще кому и не доведутъ, то имъ въ вину не ставится. А не вѣдалъ я того что въ напрасномъ поклепѣ есть и на нихъ вина, и по разсмотрѣнію наказаніе, рекше штрафъ; ибо сей указъ и воля вашего царскаго величества потомъ уже, сирѣчь въ 712 году, явился всенароднѣ печатнымъ тисненіемъ въ С.-Петербургѣ, а прежде сего о семъ указѣ намъ на Москвѣ не было вѣдомо. Второе, еретиковъ новоявленныхъ, *достовѣрными* доводами свидѣтельствованныхъ, по розыску и по *опасному* испытанію и по *общему* духовнаго чина *совѣту*, предахомъ анаѳемѣ; сего же не ощутихомъ яко сицево дѣло не описавшеся съ вашимъ царскимъ величествомъ мнится быти *царскія власти презрѣніе* и самовластіе большому начальству не подлежащее. О сихъ обоихъ винахъ моихъ, и аще какія (иныя?) нѣкія суть, каюся и, гласу Христову подобяся, вопію: *Отче! отпусти; аще бо назриши беззаконіе, кто постоитъ, яко у тебъ очищеніе есть*.“

Покаянное письмо свое Яворскій заключилъ евангельскими словами, которыя онъ желалъ видѣть примѣненными къ себѣ и которыхъ никогда не рѣшился примѣнить къ московскимъ „еретикамъ“: „Кая можетъ быть добродѣтель, царскому величеству подобающая,—спрашивалъ Стефанъ,—паче сея, еже

вины отпущати? Симъ бо образомъ вы, земныи бози, уподобляетесь самому небесному Богу, аще отпущаете своимъ подданнымъ, якоже отпущаетъ Онъ всѣмъ намъ. О сіе отпущеніе и азъ, падъ къ стопамъ вашего царскаго величества, всесмиренно молю: *отпущайте аще что̀ на кого имате, да и Отецъ Небесныи отпуститъ вамъ.*“ *

Ссылаться на свое невѣдѣніе было любимою, обычною уловкой мѣстоблюстителя въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Тверитиновъ доноситъ сенату что Стефанъ самъ распространялъ лютеранскую книжицу, и Яворскій объявляетъ что онъ раздавалъ ее „*не смотря и не читая*“. Вызваннымъ въ Петербургъ, для поставленія епископовъ, архіереямъ, Стефанъ поручаетъ донести государю что Ѳеофанъ Прокоповичъ „имѣетъ препятіе ко святому великому архіерейскому сану“, потому что въ своей богословіи проповѣдывалъ ученіе „новое, несогласное православной церкви“; ** въ доказательство этому прилагаетъ къ своему донесенію выписки „пропозицій“ изъ богословіи Ѳеофана. Извѣтъ Яворскаго остается безуслѣшнымъ; царь оказываетъ особенные знаки милости къ посвященному псковскому епископу. Стефанъ „*на словахъ и на бумагѣ* сознается что *вовсе не читалъ* сочиненій Ѳеофана, что онъ былъ вовлеченъ въ обманъ Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ и Гедеономъ Вишневскимъ“, *** и торопится припрятать богословскія лекціи Ѳеофана, испещренныя его собственноручными замѣтками на поляхъ. **** „Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, пишетъ Яворскій лицу доставившему ему богословіе Ѳеофана, я написалъ на поляхъ замѣчаньица, но это сдѣлалъ *неразсудительно* и какъ бы сгоряча, по причинѣ существовавшаго еще тогда

---

* Чистовича, *Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время*, стр. 65—66.

** Рукопись П. В. Щапова, № 1.854. Чистовичъ, *Рѣшиловское дѣло*, *Приложеніе*, стр 1 слѣд.

*** *Epistolae Illustrissimi ac reverendissimi Theophanis Procopowitsch* (Mosquae, 1776), epist. 6. Ѳеофилактъ и Гедеонъ, въ свою очередь, доносятъ синоду что пропозиціи, выписанныя изъ богословіи Ѳеофана и приложенныя къ доносу на его „новое“ ученіе, *не всѣ были читаны*. Чистовича, *Ѳеофанъ Прокоповичъ*, стр. 705.

**** Рукопись богословскихъ лекцій Ѳеофана съ примѣчаніями Стефана Яворскаго, въ коихъ доказывается что Прокоповичъ „заряженъ язвой кальвинскою“, хранится въ библіотекѣ Московской духовной академіи, № 245. См. *Труды Кіевской духовной академіи*, 1864, томъ II. стр. 153—155.

между мною и авторомъ разлада. А такъ какъ теперь все покончено и настала вожделѣннѣйшая тишина, то я прошу не открывать автору этихъ моихъ замѣчаній, чтобъ изъ этихъ искръ снова не возгорѣлся пожаръ". *

И во время сенатскихъ консиліумовъ, въ покаянномъ письмѣ къ Петру, Стефанъ оправдываетъ свою проповѣдь, въ которой царь выставлялся разорителемъ закона Божія и которая направляла симпатіи слушателей къ царевичу, невѣдѣніемъ указа о фискалахъ. Какъ бы забывая свое открытое противодѣйствіе царскому указу о Тверитиновѣ, которое не безъ основанія считали въ Петербургѣ „презрѣніемъ царской власти и самовластіемъ", Яворскій просилъ у Петра прощенія только въ томъ что проклялъ еретиковъ, не списавшись съ царемъ. Письмо мѣстоблюстителя осталось безъ отвѣта. Петръ простилъ своимъ „птенцамъ", вѣрнымъ пособникамъ реформы, Меншикову, Брюсу, Апраксину, ихъ лихоимство; ихъ руки были еще нужны Преобразователю для великой работы надъ пересозиданіемъ Россіи; Петръ не могъ сойтись съ мѣстоблюстителемъ, въ лицѣ котораго „замахивалась" ** на царя бородатая русская старина....

13го мая консиліумы по дѣлу московскихъ „еретиковъ" возобновились. Обвиненные чувствовали себя бодрѣе чѣмъ прежде. Тверитиновъ на четвертомъ засѣданіи сената подалъ просьбу, въ которой жаловался на то что Яворскій не исполнилъ царскаго указа о всенародномъ объявленіи его православія, а вмѣсто того „напрасно" обвинилъ его въ еретичествѣ, нашелъ противъ него свидѣтелей лишь „спустя многое время послѣ вертонаго дѣла", „по тому ложному свидѣтельству мучилъ его многое время въ тюрьмѣ прикованна" и затѣмъ, принявши отъ него исповѣданіе вѣры, „вмѣсто свободы отослалъ его изъ Духовнаго Приказа въ Московскую губернскую канцелярію къ розыску". „А какою противностію, прибавлялъ лѣкарь, оклеветанъ онъ, Тверитиновъ, и такія противныя книги напечатаны на словенскомъ и пущены въ продажу во все государство." Въ заключеніе онъ просилъ освободить его изъ-подъ караула „на росписку". Въ то же время фискалы Косой и

* Тамъ же.

** Духовный регламентъ, доказывая необходимость замѣнить единаго духовнаго правителя, то-есть патріарха, коллегіей, говоритъ объ опасности столкновенія самодержца съ верховнымъ пастыремъ и замѣчаетъ: „Да не воспомянутся подобные и у насъ бывшіе *замахи*".

Мининъ, отрицая въ себѣ всякое участіе въ какой бы то ни было ереси и свидѣтельствуясь въ томъ „Сердцевидцемъ всея твари“, жаловались на то что Яворскій осудилъ ихъ совершенно напрасно, „безъ допросу“, и просили чтобы съ нихъ снято было церковное проклятіе. Эти просьбы остались нѣкоторое время безъ послѣдствій. За то сенаторы исполнили другое желаніе обвиненныхъ, и на консиліумѣ 13го мая, къ крайнему неудовольствію Яворскаго и его пособниковъ,* приговорили „ради подлинной улики“ дать Тверитинову, Максимову, Мартинову, Косому и Минину очныя ставки съ свидѣтелями, каждому порознь. Приомнили показаніе Максимова что къ нему, въ то время какъ онъ содержался въ Духовномъ Приказѣ, „по многіе дни“ приходили отъ префекта Іоасафа школьники Максимъ Петровъ и Иванъ Христофоровъ, и подучили его сказать что Тверитиновъ „держится лоторскія вѣры, что де и свобоженъ будетъ и лопрежнему взятъ въ школы; а ежели не скажетъ, и они де его отошлютъ къ розыску въ Преображенскій приказъ и будетъ мученъ“.** Сенаторы рѣшили немедленно вытребовать въ Петербургъ школьниковъ Петрова и Христофорова, „потому что по очнымъ ставкамъ надлежитъ быть между ними и Максимовымъ розыску“; въ Москву, изъ сенатской канцеляріи, отправленъ былъ по почтѣ нарочный курьеръ съ указомъ о высылкѣ названныхъ школьниковъ.

Въ тотъ же день московскимъ свидѣтелямъ по дѣлу Тверитинова разосланы были повѣстки съ требованіемъ явиться на другой день въ сенатъ для очной ставки съ лѣкаремъ. Въ сенатскомъ распоряженіи московскіе обвинители увидали „поноровку еретикамъ“. Опечаленные и смущенные они бросились къ Яворскому и просили у него поддержки. Стефанъ ободрялъ своихъ растерявшихся помощниковъ и обѣщался самъ быть въ сенатѣ. Утромъ 14го мая свидѣтели собрались въ сенатъ, вскорѣ пріѣхалъ туда и Яворскій. „Нерадостно“ приняли сенаторы незваннаго мѣстоблюстителя; однако да-

* Яворскій, можетъ-быть для выраженія своего протеста этому постановленію, не подписалъ протокола четвертаго сенатскаго консиліума. Онъ скрѣпленъ подписями: кн. Я. Ѳ. Долгорукаго, ад. Ѳ. М. Апраксина, канцлера Головкина, гр. Мусина-Пушкина, Т. Стрѣшнева, бар. Шафирова, гр. П. М. Апраксина, П. Толстова, Б. П. Шереметева, кн. Д. М. Голицына, П. Салтыкова и Самарина.

** Слѣдств. дѣло Московской синодальной библіотеки.

ли ему мѣсто и потомъ стали спрашивать его: „Чего ради прибылъ безъ повѣстки? Когда бы повѣщено было, тогда бы ты и пріѣхалъ.“ „Мнѣ, отвѣчалъ Стефанъ, именнымъ его величества указомъ повѣщено прибыть ради этого дѣла изъ Москвы; я благодатію Божіею пастырь и долженъ не оставлять сихъ сыновъ церковныхъ, беззлобивыхъ и вѣрныхъ овецъ.“ Яворскій указалъ на свидѣтелей. „Они и сами могутъ о себѣ говорить, возражали сенаторы, — а тебѣ дѣла нѣтъ.“—„По этому дѣлу, продолжалъ Стефанъ, — моя должность больше нежели ваша, потому что оно церковное. Эти вѣрные сыны церкви свидѣтельствовали на еретиковъ по церковному увѣщанію; и не токмо они, свидѣтели, но и все множество высокоблагородныхъ особъ россійскихъ изъ суда познали что обвиненные подлинные суть еретики. Для чего же съ такими явными еретиками дѣлать свидѣтелямъ очныя ставки, и всякаго особо, какъ овечку предъ волка представлять, да еще и безъ пастыря? Нѣтъ! я долженъ присутствовать здѣсь и не оставлять ихъ.“ На это открытое сопротивленіе сенатскому приговору Яворскому отвѣчали словами: „Поди вонъ; не мѣшай быть очнымъ ставкамъ.“ Стефанъ не думалъ уступать. „Я, возражалъ онъ,—очнымъ ставкамъ помѣшатель не буду, а присутствовать при нихъ буду и не выду, развѣ насильно (нуждою) меня изримте.“ Сенаторы стали упрекать Яворскаго за гордость и упрямство. „Хотя я и упрямъ, и гордъ и весьма грѣшенъ, твердилъ Стефанъ, — но я, благодатію Божіею, православный архіерей и должность мою по возможности съ помощію Божіею хранить не перестану.“—„Не упрямъ ли ты? увѣщевали сенаторы. — Тебя посылаютъ вонъ, а ты не идешь; а между тѣмъ тебѣ не подлежитъ здѣсь присутствовать.“ Стефанъ не слушалъ никакихъ увѣщаній и не скрывалъ своего нерасположенія къ суду сенаторовъ. „И въ гражданскихъ судахъ, говорилъ онъ,—указы не запрещаютъ быть при очныхъ ставкахъ истцамъ; тѣмъ болѣе въ такомъ духовномъ судѣ не должны вы возбранять моему присутствію. Не только намъ, пастырямъ, но и вамъ, какъ православнымъ людямъ, надлежало бы вмѣстѣ съ нами быть истцами противъ такихъ злодѣевъ и явныхъ враговъ Божіихъ. А вы и насъ высылаете, чтобъ истцовъ никого не было. Этотъ судъ духовный, и безъ присутствія духовныхъ персонъ на немъ ничего не подлежитъ творить.“ Сенаторы попрежнему приглашали Стефана удалиться. Яворскій понялъ что упорство съ его стороны не по-

вело бы ни къ чему и, обративши глаза на образъ Спасителя, произнесъ громко: „Христе Боже, Спаситель нашъ! Ты самъ сказалъ: *Аще мене изгнаша, и васъ изженутъ.* Вотъ меня выгоняютъ вонъ; но не меня, а Самого Тебя изгоняютъ. Самъ Ты, Всевидче, зришь что сей судъ ихъ неправеденъ; Самъ имъ и суди.“ Обливаясь слезами, Яворскій пошелъ къ дверямъ; за нимъ вышли всѣ духовныя лица Въ залѣ консиліумовъ остались одни сенаторы съ секретарями и оберъ-секретаремъ, изъ свидѣтелей Ершовъ и Магницкій. Долгоруковъ боялся чтобы Стефанъ не вынесъ своего протеста на площадь и закричалъ секретарямъ: „Бѣгите и слушайте что архіерей будетъ говорить народу.“ Предосторожность эта не была излишнею: народъ видѣлъ что мѣстоблюститель патріаршаго престола вышелъ изъ сената въ слезахъ; „весь народъ сжалился весьма и многіе плакали.“ Яворскій не сказалъ однако ни слова; сенатскіе секретари проводили его до кареты и возвратившись донесли Долгорукову что архіерей ничего не говорилъ, только плакалъ. „Что съ нимъ дѣлать? сталъ говорить Долгоруковъ:—онъ насъ, почитай, проклялъ, да онъ же и государю на насъ нажалуется.“ Выславши Магницкаго и Ершова, сенаторы начали совѣтоваться о поступкѣ Яворскаго; очныя ставки были отложены. *

Возвратившись на свое подворье, Яворскій отправилъ къ царю, который съ 12го мая гостилъ въ Петергофѣ, съ судьей архіерейскаго дома Трифиліемъ, слѣдующее письмо: „По твоему великаго государя указу велѣно мнѣ въ Св. Четыредесятницу присутствовать въ судебной избѣ при дѣлѣ которое зачалось съ новоявленными еретиками; и я въ то время хаживалъ безпрепятно во всю седмицу Крестопоклонную, и никто же меня тогда не изгонялъ. А нынѣ, мая въ 14й день, по прежнему указу пришелъ я въ судебную избу *для слушанія и рѣшенія* того же дѣла, и меня превосходительные господа сенаторы съ великимъ моимъ студомъ и жалемъ изгнали вонъ, и *я*, плачущъ, исходя изъ палаты судебной, говорилъ: „Бойтеся Бога, для чего не по правдѣ судите?“ Сего же реченія моего сія суть вины: а) *книги* Дмитріемъ Тверитиновымъ писанныя, и листъ на развращеніе народа отъ него жъ писанъ и *раздаванъ въ народѣ* явѣ его показуютъ быти еретика. То все на судѣ уничижено, или на какое время остав-

* *Записка о дѣлѣ Тверитинова*

лено, и вида тому не показано; б) велятъ дѣлать очныя ставки отвѣтчикамъ съ свидѣтелями, а въ прошломъ 205 (1697) году именнымъ царскимъ повелѣніемъ писана статья: велѣно во всякихъ дѣлахъ допрашивать свидѣтелей и вѣрить свидѣтелямъ тремъ, и двумъ, и одному, буде не бывало какой ссоры и вражды между отвѣтчикомъ и свидѣтелемъ; а нынѣ же на оныхъ раскольниковъ многое число священниковъ, и монашескаго и мірскаго чина знатныхъ персонъ, свидѣтельствуя ихъ неистовство, письменно обличаютъ: и тѣмъ свидѣтелямъ и явному обличенію не повѣрено, а для чего, тому вида не показано; а надлежало противъ всякаго свидѣтельства раскольщиковъ допрашивать, а они ни противъ одного не допрашиваны; г) нѣціи отъ раскольщиковъ винились въ Преображенскомъ и прочихъ товарищей своихъ и учителя своего Дмитрія Тверитинова выдали, а предъ сенатомъ всего того залерлись, и то мимо пущено, и въ премѣнныхъ рѣчахъ не разыскивано". * Получивши это письмо Яворскаго, въ которомъ такъ невѣрно переданы были проступки Тверитинова и брошена была тѣнь на сенатскіе консиліумы, Петръ далъ князю Долгорукову повелѣніе „чинить очныя ставки безъ архіерея". Московскіе обличители перепугались узнавши о царскомъ рѣшеніи. Уже давно чувствовали они слабость своихъ обличеній противъ Тверитинова и особенно противъ Косаго, котораго Яворскій, такъ строго относившійся къ сенатскому суду, проклялъ заочно безъ всякаго допроса. Гроза розыска заставила свидѣтелей искать новыхъ данныхъ для подкрѣпленія тяжкихъ обвиненій взведенныхъ на Тверитинова и Косаго. Еще 26го марта, черезъ два дня послѣ того злосчастнаго консиліума на которомъ лѣкарь обвинилъ Яворскаго въ распространеніи *Богомыслія*, „острожелчный" агентъ Стефана Магницкій, на обѣдѣ у дьяка Дмитрія Овинова, видѣлъ собственными глазами собственноручное письмо Косаго, которое явно обличало фискала въ еретичествѣ. Письмо заключало въ себѣ не иное что̀ какъ диспутъ Косаго съ сенатскимъ секретаремъ Иваномъ Позняковымъ; диспутъ касался поклоненія Спасову образу. На обѣдѣ у Овинова, Позняковъ самъ показалъ это письмо Магницкому и другимъ гостямъ приглашеннымъ къ столу, сенатскому секретарю Семену Иванову,

* Соловьева, *Исторія Россіи*, т. XVI, стр. 342. Чистовича, *Θеофанъ Прокоповичъ и его время*, стр. 66.

дьяку Ивану Климонтову и братьямъ Окуньковымъ. Но Позняковъ не отдалъ Магницкому драгоцѣннаго клочка бумаги и отказался представить его въ сенатъ къ дѣлу о московскихъ „еретикахъ“. Мысль о пріобрѣтеніи документа изъ котораго „зѣло значилось что Михайло еретикъ“, не давала Магницкому покоя. 15го мая, на другой день послѣ устраненія Яворскаго отъ присутствія при очныхъ ставкахъ, Магницкій отправился къ обѣднѣ въ Троицкій соборъ, гдѣ слушали литургію сенаторы и всѣ министры. По окончаніи службы, къ Магницкому подошелъ Климонтовъ и, замѣтивши его разстроенный видъ, сталъ ему говорить: „Что ты спишь и не заботишься объ общей пользѣ? Отчего не возьмете къ дѣлу письма Михайлы Андреева? Вижу я что вамъ не безъ опасенія, а ежели бы то письмо было у дѣла, то бы зѣло явно было отступство ихъ отъ благочестія.“—„Какъ могу взять, отвѣчалъ Магницкій,—когда Позняковъ добровольно не хочетъ ни отдать, ни къ дѣлу подать? А убѣдить мы его не могли чтобъ отдалъ.“ Климонтовъ продолжалъ: „Подай въ томъ на него доношеніе въ сенатъ; свидѣтелей много, которые то письмо у него видѣли.“—„Свидѣтели оные, возразилъ Магницкій, боясь сенаторовъ, не скажутъ и что видѣли письмо запрутся; а тогда я впаду въ излишнюю бѣду, да и въ дѣлѣ церковномъ помѣшательство учинится. Ты это письмо знаешь и видѣлъ; а какъ я напишу тебя свидѣтелемъ, ты первый скажешь ли что видѣлъ у Познякова такое письмо?“—„Меня ты, пожалуй, минуй (отвѣчалъ Климонтовъ) и въ свидѣтеляхъ не пиши.“ Тогда Магницкій началъ, говорятъ, убѣждать Климонтова принять на себя обязанности свидѣтеля противъ Косаго и тѣмъ сослужить службу святой церкви и приготовить вѣчное спасеніе душѣ своей. „Скажи мнѣ (такъ началъ свою рѣчь Магницкій), ко всѣмъ ли человѣкамъ Богъ равенъ своимъ правосудіемъ и милосердіемъ и не имѣетъ ли разныства? Многіе съ трудомъ получили спасеніе, а другіе легко и въ короткое время.“—„Какіе же люди легко получили спасеніе и какіе съ трудомъ“? спросилъ Климонтовъ. — „Изъ святыхъ мучениковъ,—повѣствовалъ Магницкій, нѣкоторые претерпѣли безчисленныя и многолѣтнія страданія, многіе и кровь свою пролили; нѣкоторые преподобные также весь свой вѣкъ были мучениками и боролись противъ плоти и міра, и едва нѣкоторые изъ нихъ спаслись. Такъ Марко Фраческій лѣтъ съ девяноста въ пустыни жилъ безъ хлѣба и воды и едва-едва

небо получилъ, да и тотъ удержанъ былъ на мытарствѣ, яко часъ единъ. А воръ-разбойникъ, распятый вмѣстѣ съ Христомъ Спасителемъ, однимъ словомъ: *Помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Своемъ*, въ рай вселился. Для чего же такъ что воръ-разбойникъ однимъ словомъ удобно спасся, а прочіе и добрые люди не такъ?"—„Я этого не могу знать. отвѣчалъ Климонтовъ: пожалуй, буде можно, скажи мнѣ для чего и въ правду Богъ не равную милость имѣетъ къ человѣкамъ?" Замѣтивши что Климонтовъ „почти готовъ къ служенію святой церкви", Магницкій продолжалъ „съ большими слезами:" „Богъ истиненъ и правосуденъ, воздаетъ каждому по дѣломъ его: что многіе святые, повидимому, не много подвизавшіеся, прославлены многими чудесами, а другіе и болѣе подвиговъ положили, а меньше прославлены чудесами, — это должно оставить на разсужденіе святой церкви, паче же самому всевѣдущему Богу, Его же судьбы неиспытанны суть. Дифференція же между святыми, угодившими Богу вѣрой и добрыми дѣлами, и разбойникомъ который спасся единымъ словомъ, объясняется такимъ образомъ. Когда Христосъ пришелъ на землю, архіереи, книжники и законники, которымъ ввѣрено было правленіе въ ветхозавѣтной церкви, предали его смерти; никто за Него не вступился; весь народъ вопіялъ: возьми, распни Его! И тѣ которые отъ Писанія и отъ чудесъ Его легко могли разумѣть что Онъ есть ожидаемый Мессія, и тѣ согласились умучить Его поноснѣйшею смертію. Своему Создателю сострадала только бездушная и безчувственная тварь: солнце померкло, земля потряслася и т. д. Изъ словесной твари только каменносердечный воръ и разбойникъ, также подобный твари безчувственной, явился несравненно лучшимъ всѣхъ архіереевъ, и законниковъ, и книжниковъ, и всего избраннаго народа Еврейскаго. Не былъ ли онъ достойнымъ помилованія? Спрашиваю тебя: праведно ли этотъ разбойникъ помилованъ былъ за одно слово?" — „По моему разсужденію, зѣло праведно", отвѣтилъ Климонтовъ. Магницкій продолжалъ: „Воръ и разбойникъ, не знавшій ни закона, ни Писанія, ни того что Христосъ есть истинный Богъ, исповѣдалъ тотчасъ же, когда позналъ это; а ты отъ прародителей христіанинъ, и законъ и догматы совершенно знаешь, ты называешься истиннымъ сыномъ матери нашей святой церкви и, какъ я знаю, болѣе другихъ благоговѣйно надѣешься получить отпущеніе грѣховъ, и между тѣмъ „зову-

щей потребѣ", не хочешь вымолвить ни единаго слова за вѣчную матерь свою, святую церковь! Тогда страдалъ Глава церкви, теперь страждетъ Его тѣло. Какъ дерзнешь ты просить отпущенія грѣховъ и вѣчнаго наслѣдія? Какъ можешь сравниться съ онымъ разбойникомъ?" Климонтовъ, перервавши эту рѣчь, обливаясь слезами, положилъ обѣ руки свои на руки Магницкаго и сказалъ: „Пиши меня первато въ томъ свидѣтеля, а я и на тѣхъ всѣхъ свидѣтелей свидѣтель буду; готовъ съ вами даже пострадать и умереть." — „Если такъ, сказалъ Магницкій,—дайте мнѣ совѣтъ гдѣ и какъ подавать доношеніе."—„Въ сенатъ къ дѣлу", отвѣчалъ Климонтовъ. „Я человѣкъ не кредитный, возразилъ Магницкій: если въ сенатъ подать, то могутъ то доношеніе уничтожить или и подъ перстомъ задержать. Не лучше ли подать къ архіерею, а онъ подастъ въ сенатъ отъ себя; тогда въ сенатѣ нельзя будетъ утратить доношеніе. А архіерей *уже давно знаетъ* что у Познякова есть оное своеручное письмо еретическое." Климонтовъ согласился на это.

Такъ объясняетъ *Записка о дѣлѣ Тверитинова* рѣшимость Климонтова явиться въ сенатѣ свидѣтелемъ еретичества Михаила Косаго. Но готовность выступить обличителемъ Косаго въ сенатѣ могла возгорѣться въ Климонтовѣ не отъ назидательныхъ рѣчей острожелчнаго математика; у Климонтова были свои счеты съ Косымъ и „благоговѣйный сынъ церкви" можетъ-быть хотѣлъ поквитаться съ ненавистнымъ фискаломъ. Еще въ 1713 году Косой и Мининъ донесли что „по усмотрѣнію ихъ, явилась многая неправда и государевой казны похищеніе, а именно въ Московской губернской канцеляріи, въ ратушѣ, таможнѣ и другихъ приказахъ, у покупокъ и у подрядовъ государевыхъ припасовъ, и у литейной продажи, и о обидахъ купечеству." * Въ концѣ 1714 года царь приказалъ Ушакову выслать въ Петербургъ, вмѣстѣ съ Ершовымъ, коммиссарами и секретарями артиллерійскаго приказа, таможенными и ратушскими бурмистрами и дьяка Климонтова съ мелочными дѣлами. ** Слѣдствіе надъ Москвичами обвиненными Косымъ еще продолжалось въ то время когда свидѣтели Яворскаго готовились къ очнымъ ставкамъ съ московскими „еретиками." Еще въ январѣ 1715 года Петръ

---

* Дѣло синодальнаго архива.

** *Дѣянія Петра Великаго* IV, 395.

писалъ въ Москву къ Измайлову и Ушакову о высылкѣ въ Петербургъ новыхъ лицъ, замѣшанныхъ въ это дѣло. * Кровавая казнь Кикина, Корсакова и ихъ сообщниковъ была еще у всѣхъ въ свѣжей памяти. Въ Климонтовѣ, и безъ благочестивыхъ проповѣдей Магницкаго, должно было сложиться твердое рѣшеніе заявить сенату о существованіи собственноручнаго еретическаго письма фискала Косаго; ему хотѣлось только остаться при этомъ, по возможности, въ тѣни; выборъ пути для представленія этого документа въ сенатъ, какъ увидимъ, доказываетъ что новыми обличителями Косаго руководила не ревность по вѣрѣ, не ожиданіе вѣчнаго спасенія....

Съ радостнымъ извѣстіемъ о согласіи Климонтова явиться свидѣтелемъ противъ Косаго Магницкій въ тотъ же день отправился къ Яворскому. Онъ засталъ у мѣстоблюстителя злотоустовскаго архимандрита Антонія и симоновскаго Петра. Разговоръ шелъ о вчерашней исторіи со Стефаномъ въ сенатѣ, „о бывшемъ имъ всѣмъ озлобленіи.“ Радостно встрѣтили собесѣдники Магницкаго и спросили: „что есть вѣстей?“ Магницкій сообщилъ о согласіи Климонтова и просилъ Яворскаго чтобъ онъ принялъ отъ него доношеніе о своеручномъ письмѣ Косаго и съ его доношенія подалъ бы отъ себя доношеніе въ сенатъ. Осторожный Стефанъ не соглашался исполнить желаніе своего вѣрнаго помощника: онъ понималъ какъ непрочно будетъ задуманное обвиненіе до тѣхъ поръ пока самый документъ не будетъ находиться въ его рукахъ. Доводы Магницкаго не были убѣдительны для Яворскаго. „Теперь, говорилъ Магницкій, сенаторы могутъ извиняться предъ царемъ тѣмъ что они судьи гражданскіе и къ духовному суду непривычны; а когда собственноручное еретическое письмо Косаго будетъ у дѣла, тогда и гражданскому суду явна будетъ вина ихъ, и сенаторы не въ состояніи будутъ оправдаться.“ Архимандриты поддержали Магницкаго, но Яворскій началъ „острыми словами“ говорить о сенаторахъ: „Самимъ вамъ извѣстно какова ихъ сенатскій судъ. Развѣ нельзя познать вины еретиковъ по собственноручной книгѣ Димитрія, по свидѣтельскимъ сказкамъ, которыхъ множество, по суду бывшему въ Москвѣ, и по генеральному суду всѣхъ россійскихъ министровъ? И все то презрѣвши, еще помогаютъ имъ. Оправдывается по ихъ поступкамъ притча Спасителя о бо-

* *Дополненія къ Дѣяніямъ Петра Великаго* X, 256.

гатомъ. Егда въ адѣ сый возведе очи свои ко Аврааму, глаголаше: Отче Аврааме! посли къ братіи моей возвестити, да не пріидутъ на мѣста сіи мученія. Тогда отвѣща Авраамъ рекъ: имутъ Моисея и пророки. И богатый рече: Ни, отче Аврааме! аще кто, отъ мертвыхъ возставъ, возвѣститъ имъ, послушаютъ его. Что, братіе, противъ того Авраамъ отвѣчалъ? Аще, рече, Моисея и пророковъ не послушаютъ, то ниже кто изъ мертвыхъ возстанутъ, не имутъ вѣры. Такъ-то, заключилъ Яворскій, я вамъ возвѣщаю о сенаторахъ." Совѣщаніе кончилось тѣмъ что Яворскій отправилъ архимандритовъ добывать отъ Познякова своеручное письмо еретика Косаго...

Антоній и Петръ, пріѣхавши къ Познякову, сказали ему миръ и благословеніе отъ имени Стефана и потомъ повели такую рѣчь: „Архіерей прислалъ насъ къ тебѣ говорить чтобы ты своеручное письмо Михаила еретика или къ нему, архіерею, или въ сенатъ къ дѣлу подалъ."—„Письмо Михайлы имѣю, отвѣчалъ Позняковъ,—но его ни архіерею, ни въ сенатъ къ дѣлу не подамъ, развѣ силой отнимутъ." Съ такимъ отвѣтомъ отправились архимандриты къ Магницкому; послѣдній обрадовался, узнавши что и архимандритовъ можно выставить свидѣтелями на Познякова. Самъ Магницкій пошелъ за совѣтами къ коммиссару Александру Сергѣеву, также проживавшему въ Петербургѣ въ качествѣ свидѣтеля противъ московскихъ еретиковъ, тому самому „благочестивою ревностью" котораго насильно увезенъ былъ листъ Тверитинова изъ дома Михайлы Косаго. Сергѣевъ жилъ на одной квартирѣ съ оберъ-фискаломъ Нестеровымъ, который, какъ намъ уже извѣстно, былъ не въ ладахъ съ Косымъ. Нестеровъ подслушалъ разказъ Магницкаго о безуспѣшныхъ попыткахъ достать еретическое письмо и самъ очень охотно вызвался подать въ сенатъ доношеніе со словъ Магницкаго: „Моего доношенія, замѣтилъ Нестеровъ, сенаторы утратить не посмѣютъ." Дѣйствительно оберъ-фискаломъ вскорѣ представлено было доношеніе о еретичествѣ Косаго; къ нему приложена была и копія съ разговора Михайлы съ Позняковымъ. * Вотъ буквально письмо Косаго, которое было предметомъ настойчивыхъ исканій Яворскаго и его помощниковъ: „*Косой.* Аще

---

* *Описаніе документовъ и дѣлъ архива святѣйшаго синода*, I, стр. 158.

восточной апостольской церкви вѣра и догматы церковные истинно знаешь, како содержишь, вѣруемъ (?) истинно испытаемъ, какъ наша вѣра истинная. *Максимъ Даниловъ.* Исповѣдуешь ли Святую Троицу и святымъ иконамъ поклоняешилися? *М. Косой.* Откуду ты извѣстіе имаши? *Позняковъ.* Сіе взяли отъ святыя восточныя церкви. *Косой.* Покажи. *Позняковъ.* Въ недѣлю Православія нѣчто ты не слыхалъ что̀ сказывано? Если кто не покланяется образу Божію и Богоматери и святымъ угодникамъ Его, того клянетъ; да будетъ анаѳема! *Косой.* Аще сіе достовѣрно, да показано будетъ." *

Доносъ Нестерова на Косаго остался безъ послѣдствій, и когда оберъ-фискалъ возобновилъ его уже въ юстицъ-коллегіи, въ 1719 году, сенатъ, на запросъ синода, не могъ прислать даже обстоятельной выписки изъ дѣла о Косомъ; въ 1725 году синодъ повторилъ сенату свое требованіе, но и оно не было исполнено. **

VII.

Съ „великимъ страхомъ" ждали московскіе свидѣтели начала очныхъ ставокъ съ еретиками. Наканунѣ дня назначеннаго для очной ставки Магницкаго съ Тверитиновымъ, Ершовъ, архимандритъ Антоній и Пафнутій пригласили Магницкаго къ себѣ и долго уговаривали его чтобъ онъ говорилъ въ сенатѣ „со смиреніемъ и по острожелчію своему кого изъ знатныхъ въ сенатѣ не обезчестилъ". Утромъ 16го мая свидѣтели собрались къ сенату; нѣкоторые изъ нихъ и въ томъ числѣ Магницкій пошли къ обѣдни въ соборную церковь, находившуюся неподалеку отъ сенатской канцеляріи. Сенаторы

* Слѣдственное дѣло московской синодальной библіотеки. *Описаніе документовъ и дѣлъ*, I, стр. 157. Въ рукописномъ разговорѣ Косаго, находящемся въ дѣлѣ синодальнаго архива о Тверитиновѣ, читаемъ: „*Позняковъ.* Для чего не поклоняетеся Спасову образу? *Михайло К.* Покажи гдѣ тому образу велѣно кланятися. *Позняковъ.* Положили на соборѣ святыхъ отцевъ, и въ тропарѣ написано: Пречистому Твоему образу поклоняемся, Благій. *Михайло.* Не вѣрую, покажи иное." Не со словъ-ли Магницкаго записалъ это Нестеровъ?

** *Описаніе документовъ и дѣлъ*, I, стр. 158.

собрались во время литургіи и послали подъячаго за Магницкимъ. Во время лѣнія *достойна*, посланный вошелъ въ соборъ, при всемъ народѣ взялъ Магницкаго и повелъ въ сенатъ; толпа смотрѣла на него, какъ „на осужденника“. Отъ сраха или же нарочно Магницкій „не уровнялъ голоса“ и на пути въ сенатскую канцелярію во всеуслышаніе и съ разстановкой говорилъ, смотря на церковь: *Скоро предвари, прежде даже не поработится врагомъ, хулящимъ Тя и претящимъ намъ, Христе Боже нашъ! Погуби крестомъ Твоимъ борющія насъ и прочее.* Явно было намѣреніе произвести впечатлѣніе на окружавшихъ, возбудить сочувствіе къ гонимымъ ревнителямъ православія. Когда Магницкаго и Тверитинова поставили предъ сенаторами, князь Я. Ѳ. Долгоруковъ обратился къ свидѣтелю съ такимъ вопросомъ: „Ну, Магницкій, для чего вы ложно свидѣтельствовали на Димитрія съ товарищи, будто они еретики?“—„Такъ, государь: они подлинно еретики (отвѣчалъ Магницкій) и свидѣтельствовали мы не ложно.“—„Какъ не ложно? возразилъ Долгоруковъ: говори; они принесли челобитную, чтобъ имъ дать съ вами, съ каждымъ особо, очныя ставки, и хотятъ вашу лжу обличить.“ Тверитиновъ стоялъ у дверей и не говорилъ ни слова. Магницкій просилъ чтобы прочли сказку поданную имъ о еретичествѣ лѣкаря, и чтобы Тверитиновъ потомъ опровергъ ее. Сказка была прочтена; обвиненный попрежнему молчалъ. Графы Головкинъ и Петръ Апраксинъ понуждали Димитрія говорить; Самаринъ, „пребезмѣрно ему радѣвшій,“ просилъ о томъ же. Тверитиновъ молчалъ. „По всему видно, замѣтилъ Магницкій,—что написано не ложно и ему еретику поживить нечего.“—„Еретиковъ мы велимъ сжечь, сказалъ Долгоруковъ, а васъ, свидѣтелей, кнутьемъ высѣчь.“—„Для чего же такъ (спросилъ Магницкій), что обѣ стороны виноваты? Мы надѣялись похвалы и милостиваго слова, что такому злу не дали укорениться, а вмѣсто милости насъ хотятъ кнутьями сѣчь.“ Долгоруковъ замѣтилъ на это Магницкому: „Вамъ надлежало едино слово услышавъ, идти куда надлежитъ, и доносить объ его еретичествѣ; а вы многіе разговоры и диспуты чинили, и *тѣмъ намутили весь міръ*: за то васъ надобно кнутьемъ сѣчь.“ Магницкій сталъ доказывать правильность образа дѣйствій свидѣтелей и въ заключеніе прибавилъ: „Только я удивляюсь сему вашему суду, что свидѣтели, люди безпорочные и въ томъ числѣ многіе именитые царедворцы и

пречестные именитые архимандриты, съ такими ворами—еретиками на одной доскѣ должны стоять." Долгоруковъ перервалъ его рѣчь словами: „Такъ велѣлъ государь, царь велѣлъ, государь приказалъ, самъ приказалъ очнымъ ставкамъ быть."

Въ засѣданіи 16го мая, Магницкій съ мельчайшими подробностями передалъ свои диспуты и разговоры съ Тверитиновымъ. Къ очной ставкѣ съ лекаремъ онъ готовился давно, заранѣе приломнилъ и изложилъ на бумагѣ свои разговоры съ Дмитріемъ, „чтобы чинно и порядочно было," выучилъ все написанное наизустъ и, по требованію сенаторовъ, разказалъ о томъ обѣдѣ который нарочно устроенъ былъ у него въ домѣ, чтобы на немъ заставить Тверитинова высказать свои еретическія мысли при свидѣтеляхъ, заранѣе подготовленныхъ. Объ этомъ обѣдѣ Магницкій не рѣшился упомянуть въ сказкѣ поданной Яворскому; на очной ставкѣ онъ разказалъ объ немъ слѣдующее:

„Въ 1712 году, генваря въ 26й день, собраны были *моимъ тщаніемъ* ко мнѣ въ домъ человѣкъ съ десять духовнаго и мірскаго чину, *для лучшаго свидѣтельства* на противности Тверитинова, чтобъ обще имъ отъ него слушать что будетъ онъ говорить противности и чтобъ имъ надежнѣе извѣщать было на него Димитрія. Были Василій Ершовъ, архимандритъ Антоній, изъ Аѳонской горы русскаго монастыря архимандритъ Варлаамъ, Пафнутій, іеромонахъ изъ Керженскихъ лѣсовъ Гурій, двое купецкихъ людей: Иванъ Короткой и Аѳанасій Павловъ. Димитрій прибылъ съ ученикомъ своимъ Михайломъ Андреевымъ. Сѣвши, всѣ молчали минуты съ три. Потомъ Василій Ершовъ началъ говорить: „Отцы святые и братіе! вижу я что собраны здѣсь тщательные читатели божественнаго Писанія, того ради желаю чтобы предложили книжныя слова, а мы бы, слушая, пользовались." Всѣ молчали. Ершовъ молвилъ: „Или вы, Димитрій, предложите?" Тогда Димитрій сказалъ: „Я хочу вамъ противная говорить, *какъ отъ иныхъ слышалъ*." И сказали ему: „Изволь говорить." И онъ, Димитрій, сталъ говорить: „У васъ въ церкви есть тѣло Христово и кровь Христова, и имѣете ее за самое тѣло и за самую кровь Христову и поклоняетеся ему, яко самому Богу. А мнѣ Создатель мой Богъ далъ чувства: зрѣніе, нюханіе, вкушеніе, осязаніе, ради раззнанія въ вещахъ истины. И какъ де я то тѣло возьму въ руки и посмотрю, покажетъ мнѣ чувство зрѣнія хлѣбъ пшеничный, понюхаю — хлѣбомъ

пахнетъ, стану ѣсть—вкушеніемъ сдроблю, но и то являетъ мнѣ хлѣбъ же пшеничный. А откуда у васъ за тѣло Христово пріемлется, того не вѣдаю. Также и кровь, по свидѣтельству данныхъ мнѣ чувствъ, является красное вино. А тѣ чувства далъ мнѣ Богъ не на прелесть (прельщеніе), а для раззнанія истины, чтобъ истину разсмотрять." Тогда всѣ сосѣдящіи молчали съ минуту одну, а онъ, Димитрій, сидя похорашивался, якобы торжествовалъ что противъ него умолчали. А они не вступаютъ, благоговѣйни суще: первое, что сіе дѣло великое и преестественное есть и естественными доводами неключимое; другое, можетъ быти что, другъ друга предпочитающе, умалчивали. Тогда онъ же, Ершовъ, говорилъ: „Отцы святіи! надлежитъ вамъ отповѣдати." Но и противъ того молчали еще съ минуту; а Димитрій и паче, во умѣ своемъ торжествуя, похорашивался. Но и еще Ершовъ говорилъ: „Надобно отвѣтствовать; развѣ намъ уже безотвѣтнымъ быть?" Тогда одинъ отъ православныхъ стороны (Магницкій) рекъ: „Отцы святіи! велите мнѣ противъ него говорить." Они же сказали: „Изволь." Тогда вопросилъ Димитрія: „Христіанинъ ли еси ты?" Димитрій отвѣчалъ: „Христіанинъ есмь." Паки вопрошенъ: „Христа Спасителя истиннаго Бога и человѣка исповѣдуеши ли быть." Димитрій отвѣчалъ: „Истиннаго Бога исповѣдую быти." Еще вопрошенъ: „Того ли же единаго, создавшаго вся и чувства всѣмъ, какъ и апостоламъ давшаго и на тайной вечери ко апостоламъ, благословивъ хлѣбъ и, преломивъ, глаголавшаго: *Пріимите, ядите: сіе есть тѣло Мое?*" Димитрій отвѣчалъ: „Того же единаго исповѣдую." Потомъ сказано ему: „Добрѣ утвердилъ еси; но вопрошаемъ: чувства ли апостоламъ ложныя даны были или ложно рекъ Превѣчная сый Правда, глаголя: *сіе есть тѣло Мое?* Отвѣчай намъ." Тогда Димитрій позамялся и потомъ, коварно преестественное дѣйство оставляя, сказалъ: „И чувства даны неложныя, и слово Христово неложное; но то говорилъ Христосъ не о Своемъ тѣлѣ, которое Самъ имѣлъ, но о хлѣбѣ простомъ; понеже де какъ хлѣбъ, такъ камень и древо и всякая вещь суть тѣлеса, а по сотворенію вся Его суть. Того ради и глаголаше хлѣбъ тѣломъ Своимъ, а не Своимъ еже на костяхъ имѣяше, но по созданію присвояше; понеже де что̀ есть вѣщей чувству подлежащихъ—суть тѣлеса, по созданію Ему же суть своя. Такожде кровь—кровь гроздова, а по сотворенію Его кровь." Тогда отъ православныхъ сказано

ему: „Аще христіанинъ еси, слыши послѣдующая Христова словеса: сіе есть тѣло Мое, *еже за вы ломимое* (имъ же страдательное являетъ) *и кровь моя, яже за вы изливаемая*, а не кровь просто про здоровье ваше піемая, но изливаемая."

По словамъ Магницкаго, „всею компаніей" увѣщевали Тверитинова, но склонить на свою сторону не могли; называли его за то противникомъ, хуже Іудеевъ; но онъ тѣхъ словъ не слушалъ. „Самъ Христосъ, говорилъ Тверитиновъ, показуетъ Себя хлѣбомъ невидимымъ и чувству не подлежащимъ, егда глаголетъ: *Азъ есмь хлѣбъ, сшедый съ небесе; отцы ваши ядоша манну въ пустыни и умроша, а иже отъ хлѣба сего ястъ живъ будетъ во вѣки.* И посему явно есть что не о плоти Своей, чувству подлежащей и отъ человѣческаго естества пріятой, глаголетъ, но о невидимомъ хлѣбѣ, сшедшемъ съ небесе. И плоть де Его не съ небесъ сниде, но отъ земнородныхъ взята есть; и ежели тако разумѣти, что плоть Его съ небесъ сниде, и то де будетъ противно истинѣ: Христосъ сице не рекъ бы. Но Христосъ хлѣбомъ съ небесъ сшедшимъ называетъ Себя по божеству и учительству своему, которымъ учительствомъ питаетъ всѣхъ вѣрныхъ, якоже и Самарянинѣ глаголетъ: *вода иже азъ дамъ, и піяй отъ нея не вжаждется во вѣки:* это говоритъ Христосъ не о водѣ естественной, но о водѣ ученія Своего. Такъ и хлѣбомъ сшедшимъ съ небеси нарицаетъ Себя по божеству, и божественное Свое ученіе, сущее въ Немъ съ небесъ сшедшее, а не о плоти, отъ земныхъ взятой, глаголетъ. Православные, замѣтивъ что Тверитиновъ этимъ „подлогомъ" равняется невѣріемъ съ Іудеями, начали опровергать его толкованія.... Въ заключеніе споровъ объ евхаристіи, Тверитиновъ обратился на иную хулу и съ поношеніемъ сказалъ: „Какъ можетъ быть нынѣ что молитвами половскими хлѣбъ премѣняется въ тѣло Христово? А попы суть всякіе—и пьяницы, и блудники, и весьма грѣшники, которые недостойны суть и священства, не только что превратити хлѣбъ въ тѣло да аще Христово; сему отнюдь статися не можетъ. А вы *отъ всякаго попа* пріемлете за истинное, якоже и апостоли отъ Христа пріяша. И какъ можно равнять попа пьяницу со всемогущимъ Богомъ? А попъ недостоинъ Ему и предстояти, не только что просить о премѣненіи существа." — „По всему видно, отвѣчали Тверитинову, что ты не сынъ, но врагъ и противникъ святой церкви, и всѣми силами ищешь какъ бы опорочить святую

и непорочную, паче солнца чистѣйшую церковь.“ Лѣкарю доказывали что „не попы совершаютъ оное преестественное дѣйство, еже претворити хлѣбъ въ тѣло Христово, но Его же божественная, всемогущая сила изреченіемъ: *сіе творите въ мое воспоминаніе*, находящу Святому Духу.“

Кромѣ разказа о диспутѣ происходившемъ на обѣдѣ 13го января, Магницкій передалъ на очной ставкѣ подробности другихъ разговоровъ своихъ съ Тверитиновымъ о поклоненіи древу креста, объ иконахъ, о преданіяхъ церковныхъ и о постахъ. Длинная заученная рѣчь Магницкаго не только имѣла въ виду передать сущность положеній Тверитинова, но и представить подробныя богословскія опроверженія оныхъ. Повидимому Магницкій успѣлъ уже хорошо ознакомиться съ *Камнемъ вѣры*, и въ своей „повѣсти“ о диспутахъ съ Тверитиновымъ пользовался тѣми данными которыя сгруппировалъ Яворскій.

Долгоруковъ остановилъ неумѣстно прорвавшійся потокъ эрудиціи Магницкаго и обратился къ сенаторамъ съ словами: „Докуду ему, Магницкому, предъ нами казанье-то сказывать? Слово де въ слово, какъ казанье!“ Сенаторы однако дали Магницкому полную возможность высказаться, и онъ продолжалъ свою обличительную проповѣдь, которую секретарь могъ записать только „краткимъ образомъ“. Въ свою рѣчь, переполненную текстами изъ Библіи, Магницкій, по примѣру Яворскаго, вставлялъ смѣхотворные эпизоды и выраженія для развлеченія своихъ слушателей. Магницкій припомнилъ что диспутъ о святыхъ иконахъ шелъ такимъ образомъ: „Димитрій сказалъ: „Аще бы Богъ соизволилъ подобіями почитаемъ быти, то бы въ той второй заповѣди оговорку положилъ сице: не сотвори себѣ кумира, ни всякаго подобія, *кромѣ Моего подобія, еже въ славу Мою*; но того въ заповѣди не обрѣтается.“ Мы ему рекли: „Не добрѣ сея оговорки требуешь, дабы Богъ о сотвореніи подобія оговорку изрекъ; но уже о томъ двѣ оговорки въ той второй заповѣди суть и третія оговорка въ первой, егда глаголетъ: *не будутъ тебѣ бози иніи, кромѣ Мене.* А во второй заповѣди первая оговорка подразумительная, понеже уже отдѣлилъ Себя отъ ложныхъ боговъ, глаголя въ первой: *кромѣ Мене;* и того ради уже недостоитъ многословити, довольну сущу къ разумѣнію. Аще же бы въ запрещеніи сотворенія подобій рекъ: *кромѣ Мене*; то бы ты потребовалъ и въ запрещеніи поклоненія: *кромѣ Мене*, и въ

запрещеніи служенія: *кромѣ уже Мене*; и то бы было сложеніе реченій нечинное и нечестное, паче же рещи — простотное, довольну сущу въ первой заповѣди отдѣленію: *кромѣ Мене*, и во второй послѣднему реченію: *Азъ бо есмь Господь Богъ твой*. А между тѣми двѣма оговорками весьма внятно и ясно подъ тѣмъ же разумомъ внимати.“ Димитрій рекъ: „Для чего Богъ сію заповѣдь не изъяснилъ свѣтлѣе? Аще ради витійства человѣческаго, чтобы чинно было читать, и того я не пріемлю; а пріемлю хотѣніе Его—души назидати, а не витійствовати. Но безъ витійства всякое подобіе творити запретилъ безъ изъятія; убо и Свое подобіе творити запретилъ.“ Мы рекли: „Вамъ кажется что темно и несвѣтло, а намъ кажется дѣло свѣтло: ибо заповѣдь Господня свѣтла, просвѣщающая очи, аще и хочеши свою мысль утвердити, яко бы и Свое подобіе запретилъ Богъ творити и прочая въ славу Его. Что̀ рекъ? Всякаго подобія безъ изъятія не повелѣ творити; но разумѣется: суетныхъ боговъ и ложныхъ безъ изъятія подобій не повелѣлъ творити, о Себѣ же уже изъятіе отъ нихъ учинилъ и Себя отъ нихъ отдѣлилъ: въ первой заповѣди рекъ: *кромѣ Мене*, и во второй: *Азъ бо есмь Господь Богъ твой*. И что̀ сего свѣтлѣе? Но ты нарядно противившися или шутовскій нравъ имѣешь, яко же Эзопъ афинейскій, которому неприлично васъ уподобити по сему прикладу: Аще бы кто того Эзопа, учиня воро́тникомъ (привратникомъ) своимъ и, отъѣзжая отъ дому, приказалъ никого въ домъ пускать, а тотъ приказъ учинилъ безъ оговорки: *кромѣ меня*; то бы онъ, Эзопъ,—яко же часто сіе творяше,—и его, господина своего, пріѣдуща не пустилъ бы въ домъ, понеже никого не велѣлъ пускать. А вы и того дурака превзошли въ той Божіей заповѣди, въ которой нѣтъ запрещенія во славу Божію подобій творити, а токмо запрещеніе имѣется мерзкихъ подобій творити и почитати съ довольною оговоркою; а вы съ мерзкими и скаредными и дѣлами, и подобіями ихъ и пречистаго образа Божія не пріемлете, яко Эзопъ.“ Димитрій рекъ: „Мы сему противимся по совѣсти нашей, чтобы намъ со идолопоклонниками не сравнятися и противу Божія приказанія не согрѣшити, ниже шутимъ, яко Эзопъ, но вѣчное свое спасеніе хранимъ чтобы не погибнуть во вѣки.“

Длинная рѣчь Магницкаго утомила сенаторовъ. Когда онъ привелъ, для обличенія еретическаго мнѣнія Тверитинова объ отшедшихъ святыхъ, текстъ изъ апостола Павла и назвалъ

его „самымъ Божіимъ именнымъ указомъ,“ сенаторы усмѣхнулися этому выраженію и сказавши: „Благодаримъ за такія повѣсти,“ велѣли Магницкому вкратцѣ резюмировать свое показаніе для внесенія въ протоколъ.

Тверитиновъ безмолвно слушалъ длинное „казанье“ Магницкаго; только разъ, и то по принужденію, прервалъ онъ свое молчаніе. Многорѣчивый обличитель, коснувшись мнѣнія Тверитинова о церковныхъ преданіяхъ, заключилъ свой разказъ словами: „Вы же апостольскихъ, то-есть церковныхъ преданій отметаетеся, то Христа отметаетеся, и по всему вы *язычники*, а не христіане.“ При этихъ словахъ, графъ Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ сказалъ Димитрію, стоявшему у дверей: „Хотѣлъ ты свидѣтелей всякаго особно обличать, а теперь и противъ одного не умѣешь отвѣчать, не только что обличать. Слышишь какъ васъ еретиками, а не христіанами называетъ? А ты молчишь.“ Тверитиновъ подошелъ къ столу и, ставши рядомъ съ Магницкимъ, сказалъ сенаторамъ: „Извольте послушать что̀ буду говорить.“ Тогда сенаторы сказали: „Говори, а ты, Магницкій, помолчи.“ Тверитиновъ обратился къ Магницкому и спросилъ: „Скажи ты мнѣ, Леонтій Филипповичъ: видалъ ли ты когда меня въ церкви?“—„Видалъ,“ отвѣчалъ тотъ. Тогда Димитрій сказалъ сенаторамъ: „Извольте, ваше благородіе, слушать: Магницкій самъ свидѣтельствуетъ предъ вами что я въ церковь хожу“. Но Магницкій „предварилъ“ отвѣтъ сенаторовъ, замѣтилъ: „Сей злохитрый не токмо церкви святой врагъ, но и тать евангельскій. Понеже, егда Христосъ Спаситель глаголетъ: *Татъ не приходитъ, развѣ да украдетъ, и убіетъ и погубитъ;* и то Онъ глаголетъ не о такихъ татѣхъ которые крадутъ ризы и прочая тлѣнная и временная имѣнія, и убиваютъ тѣлесно человѣковъ и погубляютъ временно; но о таковыхъ татѣхъ которые крадутъ нетлѣнныя сокровища, то-есть словесныя души человѣческія и погубляютъ во вѣки. Таковъ онъ, Димитрій еретикъ,—евангельскій тать: приходитъ бо въ церковь и стоитъ подъ стѣною, псалмы читая, а до церемоніи, аще и во время явленія даровъ, егда возглашаютъ: *со страхомъ Божіимъ*, и до того ему дѣла нѣтъ. Но являлся народу не токмо вхожденіемъ въ церковь, якобы и благоговѣйствомъ лучше другихъ и богомольнѣйше, стоя читаетъ книгу подъ стѣною, дабы удобнѣе привлекъ на разговоры нѣкоторыхъ; также и на разговорахъ превеликій льстецъ, и коварникъ и уловити зѣло

силенъ есть. И того ради подлинно ходитъ въ церковь, яко тать, безсмертныя, словесныя и безцѣнныя препростыхъ человѣкъ души красть, а не молитву согласную во общую пользу приносить; и потому—евангельскій тать."

Тверитиновъ не счелъ за нужное отвѣчать на подобныя обвиненія и пошелъ на свое мѣсто къ дверямъ. Сенаторы молча переглядывались. Магницкій понялъ это молчаніе въ свою пользу и съ удвоенною беззастѣнчивостію продолжалъ, указывая пальцемъ на Тверитинова: „Онъ еретикъ не токмо тать, но и разбойникъ евангельскій."—„Почему онъ разбойникъ евангельскій?" спросилъ Апраксинъ. Магницкій объявилъ: „Христосъ Спаситель глаголетъ: *Не входяй дверьми во дворъ овчій, но прелазя инудѣ, той татъ есть и разбойникъ.* А онъ еретикъ называетъ себя апостоломъ и проповѣдникомъ истины." Магницкій пересказалъ при этомъ что въ 1713 году, у графа Мусина-Пушкина былъ съ Тверитиновымъ диспутъ, что лѣкарь переговорилъ на немъ графа и потомъ называлъ его іудейскимъ судьею, а себя учителемъ и проповѣдникомъ истины. „Но Димитрій (объяснилъ Магницкій) рукоположенія и характера таковаго, даннаго ему, не имѣетъ и не чиномъ священства, но помимо того восхищаетъ проповѣдническій санъ, и о немъ зѣло явно и прилично Христосъ Спаситель, егда о подобныхъ ему еретикахъ, глаголетъ: *Не входяй дверьми во дворъ овчій, но прелазя инудѣ, той татъ есть и разбойникъ.* Потому онъ, Димитрій, евангельскій тать и разбойникъ." Мусинъ-Пушкинъ остановилъ Магницкаго словами: „Чего ради ты на меня лжешь?" И прибавилъ что онъ не имѣлъ съ Тверитиновымъ диспута по его тетрадямъ. * Магницкій настаивалъ на томъ что онъ принесъ графу книги Димитрія и ссылался въ этомъ на князя Якова Барятинскаго, дьякона Артемія Новоцкаго и Ѳедора Поликарпова. Мусинъ-Пушкинъ объявилъ что диспута съ Тверитиновымъ у него не было, а о тетрадяхъ сказалъ: „Такъ есть и нынѣ тѣ книги у меня."

Тверитиновъ, съ своей стороны, на очной ставкѣ 16го мая, обвинилъ Магницкаго въ томъ что онъ намѣренно устроилъ обѣдъ и диспутъ и подобралъ на то свидѣтелей, что его и Косаго ловили въ ереси, мстя за фискальство, въ против-

* По словамъ *Записки*, Мусинъ-Пушкинъ увѣрялъ что не получалъ тетрадей Тверитинова отъ Магницкаго. Мы не даемъ вѣры этому извѣстію *Записки*.

ность воли государевой. Магницкій долженъ былъ тутъ же составить „краткую письменную улику“ противъ показаній Димитрія. На обвиненіе въ заговорѣ, предварительномъ подборѣ свидѣтелей, Магницкій отвѣчалъ что онъ, „*согласясь тожмо съ Ершовымъ*, звалъ на обѣдъ читателей божественнаго Писанія, *для свидѣтельства* противности Димитрія въ догматахъ“. Магницкій написалъ человѣкъ двадцать свидѣтелей и просилъ сенаторовъ дознаться почему Тверитиновъ не хочетъ на нихъ ссылаться, нѣтъ ли между нимъ и названными свидѣтелями „приказной ссоры“. Лѣкарь написалъ что ссоры у него съ ними нѣтъ, и что онъ не шлется на нихъ просто потому что имъ не вѣритъ.

Тотчасъ послѣ Магницкаго позванъ былъ на очную ставку московскій вице-губернаторъ Ершовъ. Послѣдній просилъ чтобы сенаторы потребовали сначала у Тверитинова письменнаго возраженія на сказку Ершова и потомъ вызвался письменно же „возобличать“ возраженія лѣкаря. Это предложеніе понравилось князю Долгорукову, и было принято сенаторами. Тверитиновъ писалъ свое обличеніе на Ершова дни съ три; Ершовъ „трудился съ великимъ трудомъ дней съ пять“, составляя „возобличеніе“ на показаніе Димитрія. *

Когда Ершовъ представилъ свое возобличеніе сенаторамъ, у нихъ было уже въ рукахъ письменное признаніе Магницкаго что обѣдъ и диспутъ устроенъ былъ имъ *по согласію съ Ершовымъ*. Московскій вице-губернаторъ показалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Видѣвъ противность церковную въ Михайлѣ Косомъ и увѣдавъ отъ того и отъ другихъ что той противности есть учитель Дмитрій Тверитиновъ; того ради, для подлиннаго о немъ увѣренія, видѣть его, Дмитрія, имѣлъ желаніе, и о томъ Михайлу Косому, такъ и другимъ и брату Димитріеву Ѳадею, приказывалъ чтобъ Дмитрій съ нимъ, Васильемъ, видѣлся.“ ** Присутствіе свое на второмъ диспутѣ съ Тверитиновымъ въ Симоновомъ монастырѣ, *** Ершовъ

* *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

** Дѣло синодальнаго архива.

*** *Записка о дѣлѣ Тверитинова* положительно говоритъ: „Званы были архимандритъ Ѳеофилактъ Лопатинскій и другія персоны знатныя, въ томъ числѣ и Василій Ершовъ, къ Симоновскому архимандриту Петру на обѣдъ, *къ которому обѣду онъ, Ершовъ, привезъ и Димитрія, желая онъ, Ершовъ, дабы еще свидѣтелей примножити.*“

объяснилъ случайностію: „Разъ пріѣхалъ къ нему Тверитиновъ, а ему, Василью, *приключилось* ѣхать въ Симоновъ монастырь, и онъ пригласилъ его поѣхать туда къ обѣднѣ; послѣ обѣдни обѣдали они вмѣстѣ у архимандрита Петра съ Лопатинскимъ и другими, а послѣ обѣда былъ диспутъ....“ Но потомъ Ершовъ измѣнилъ свое показаніе и передалъ дѣло такъ: „Школъ начальникъ, архимандритъ Лопатинскій, видѣлся съ нимъ, Васильемъ, и о томъ разговаривая съ сѣтованіемъ о такомъ развратѣ что школьниковъ у нихъ Тверитиновъ тою противностію перепакостилъ, Лопатинскій возымѣлъ требованіе чтобъ гдѣ-нибудь съ тѣмъ Тверитиновымъ спустить диспуту и осмотрѣть бы его, сколь онъ въ томъ силенъ. По тѣхъ разговорахъ онъ, Василій, Лопатинскому сказалъ что Тверитиновъ, будучи въ домѣ Магницкаго, при диспутѣ чинилъ оговорку, якобы отъ противнаго лица; и Лопатинскій говорилъ: „То де даромъ что онъ чинитъ оговорку, мочно де и чрезъ оговорку сущую ересь видѣть.“ И потомъ на тое диспуту, что̀ была въ Симоновомъ монастырѣ, съѣхаться имъ случилось, а чьею повѣсткою, его ли, Васильевою, или Лопатинскою, или чьею другою, *про то не упомнитъ.*“ Ершовъ призналъ что „тѣ диспуты были для вѣрнаго осмотрѣнія противности Дмитрія“. У Ершова спрашивали отчего же онъ не доносилъ объ этихъ противностяхъ до того времени когда явилось извѣстное „увѣщаніе“ Яворскаго. Онъ отвѣчалъ что Тверитиновъ хотѣлъ диспутоваться письменно, и Ершовъ выжидалъ этого диспута; „однако до того не дошло, и помѣшало тому быть что вскорѣ началось дѣло въ Духовномъ и Преображенскомъ приказахъ“. Ершовъ засвидѣтельствовалъ письменно что Косой „былъ ему, Василью, другъ великій, какъ о томъ знаютъ многіе“. Когда и почему кончилась эта дружба? Когда Ершовъ разорвалъ свои крѣпкія и долголѣтнія дружескія связи съ Косымъ? Когда возревновалъ онъ чистотѣ православныхъ догматовъ и началъ устраивать обѣды „для вѣрнаго осмотрѣнія противности“ его и Димитрія? На эти вопросы предлагаетъ удовлетворительный отвѣтъ показаніе данное на очной ставкѣ Тверитиновымъ, что Ершовъ клепалъ на него вслѣдствіе „содруженія его съ фискаломъ Михайломъ Андреевымъ, за то что Михайло подавалъ на ратушу доношенія, а та ратуша была въ вѣдомствѣ у Василья Ершова“. * Въ рукахъ сенаторовъ давно уже было прошеніе

* Дѣло синодальнаго архива.

Косаго, въ которомъ онъ указывалъ на свои прежнія донесенія (поданныя *въ началѣ* 1713 года) о похищеніи государевой казны въ Московской ратушѣ и жаловался что „впредь ему невозможно смотрѣть похищенія казны и неправды“, потому что вскорѣ послѣ первыхъ его доносовъ на Ершова, „тайнымъ происком обнесли князю Ѳедору Юрьевичу Ромодановскому будто они (съ фискаломъ Мининымъ) противны св. церкви, и по тому доношенію изъ Преображенскаго приказа домъ и пожитки ихъ запечатаны, а домашнихъ ихъ держатъ въ утѣсненіи“. *

„Утрудился“ Магницкій, „болѣе трехъ часовъ“ обличая Тверитинова на очной ставкѣ; „случившійся народъ“ обступилъ его при выходѣ изъ сенатской канцеляріи: „зѣло его возлюбили и пріятныя слова говорили“. ** Но предъ сенаторами въ „чинныхъ и порядочныхъ“ возобличеніяхъ московскихъ свидѣтелей прозвучали струны настроенныя не ревностію къ чистотѣ православныхъ догматовъ.

Н. ТИХОНРАВОВЪ.

---

* Дѣло синодальнаго архива.

** *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*